

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

THE SEYMOUR
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX
TILDEN FOUNDATION

Obolenski
* Q G

facsimile 1879

1879 - 1879

Музей Императорского Эрмитажа, Санкт-Петербург

СЪ ПОРТРЕТА, ПИСАННАГО К. П. БРЮЛОВЫМЪ
(1840-1848 г.)

Р. М. Оболенский

НѢКОЛЬКО СЛОВЪ
○
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ
РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Η ΑΓΙΑ
Η ΜΕΓΑΛΗ

ΕΛΓΑ
ΑΡΧΟΝΤΙΣΣΑ
ΡΩΣΙΑΣ

**НАРОДУ БОЛГАРСКОМУ,
ВЪ ГОДЪ ПРАЗДНОВАНІЯ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ**

ПРЯВОСЛАВНОЙ БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВИ,

ПОСВЯЩАЕТЪ

Князь Михаилъ Оболенскій.

**МОСКВА.
1870.**

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
0
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ
РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Въ нынѣшнемъ 1870 году всѣ читатели отечественныхъ лѣтописныхъ памятниковъ обрадованы важнымъ рѣшеніемъ, принятымъ Археографическою Коммиссіею, касательно совершенно новаго способа изданія нашихъ лѣтописей. Мы говоримъ о готовящемся фотолитографическомъ ихъ изданіи.

По поводу этого изданія, составляющаго прямо эпоху въ лѣтописномъ нашемъ мірѣ, мы спѣшимъ, съ своей стороны, высказать нѣсколько мыслей, не лишнихъ, по нашему мнѣнію, въ виду какъ этого, такъ и другихъ трудовъ Археографической Коммиссіи. Мысли эти—прямое слѣдствіе многолѣтняго изученія самыхъ лѣтописей въ связи съ другими, близкими къ нимъ источниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ—нѣкоторая доля тѣхъ работъ, которыми особенно мы заняты въ настоящее время, по изготовленію къ изданію одного древнѣйшаго памятника нашей исторической письменности, — Изборника Григоріа мниха Презвитера всѣхъ церковниковъ Блзгарскихъ церквей.

Громадное значеніе фотолитографическаго способа изданія лѣтописей особенно сказывается каждому, знакомому съ дѣломъ изученія ихъ, если мы взглянемъ на такое изданіе, какъ на самое точное воспроизведеніе лѣтописныхъ списковъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они сохранились до нашего времени. Въ этомъ изданіи мы видимъ, такъ сказать, ту же самую подлинную рукопись, размноженную въ тысячи экземплярахъ, что, безъ сомнѣнія, дастъ новую возможность всѣмъ ученымъ славянскаго нашего міра обратить совокупные труды на изученіе этихъ лѣтописей и на возстановленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, наивозможно правильнаго ихъ чтенія. При такомъ обширномъ и, конечно, разностороннемъ изученіи этихъ первоосновъ историческихъ нашихъ свѣдѣній, можно надѣяться, въ нихъ не замедлитъ раскрыться для науки тотъ, нерѣдко утраченный, основной смыслъ событій, который, для возстановленія своего, безъ сомнѣнія, требуетъ прежде всего возстановленія правильнаго чтенія лѣтописей. При этомъ новомъ, фотографически вѣрномъ изданіи ихъ, изданіи собственно для филологовъ, при множествѣ тѣхъ новыхъ трудовъ, какіе будутъ, несомнѣнно, вызваны этимъ изданіемъ, и, несомнѣнно, возстановятъ надлежащее чтеніе лѣтописей, необходимо должна явиться еще новая потребность, потребность особаго изданія ихъ собственно для историковъ. Независимо отъ фотолитографическаго изданія, передающаго намъ каждую лѣтопись въ томъ именно видѣ, какъ вышла она изъ подъ пера переписчика, т. е., со всѣми ея достоинствами и недостатками, состоящими въ болѣе или менѣе правильной передачѣ основнаго текста, или же въ искаженіи его ошибками и описками самыми грубыми, умышленными и неумышленными, историку необходимо, конечно, имѣть всегда подъ рукою еще другое изданіе лѣтописей съ возстановленнымъ, наиболѣе правильнымъ чтеніемъ, раскрывающимъ первоначальный смыслъ ихъ, на сколько такое чтеніе дано намъ современнымъ состояніемъ исторической нашей науки. Въ этомъ изданіи, гдѣ, при наиболѣе вѣрномъ основномъ текстѣ, должны быть помѣщены, въ примѣчаніяхъ, и всѣ варианты различныхъ списковъ и редакцій, самый текстъ этотъ долженъ выразить всѣ результаты наиболѣе вѣрнаго чтенія, какъ послѣдняго слова всей исторической нашей науки, по дѣлу изученія лѣтописей. Желательно при этомъ, чтобы изданіе нашихъ лѣтописей устроилось именно въ такомъ видѣ, при

которомъ каждый изводъ ихъ издавался бы отдѣльно отъ другихъ изводовъ; при чемъ, естественно ожидать, что въ силу соревнованія различныхъ издателей, такихъ изданій будетъ являться не по одному, а по нѣскольку, не только по мѣрѣ того, какъ будетъ истощаться запасъ прежняго изданія, но даже и одновременно съ нимъ, на основаніи того, что каждый издатель будетъ, конечно, желать по-дѣлиться съ обществомъ тѣми открытіями наиболѣе правильнаго чтенія, какія кому посчастливится сдѣлать, или даже открытіемъ какого-либо новаго списка, съ особенно замѣчательнымъ чтеніемъ.

На сколько важно возстановленіе въ новыхъ изданіяхъ нашихъ лѣтописей наивозможно правильнаго чтенія по наиболѣе древнимъ, наиболѣе сохранившимся и вѣрнѣе другихъ разобраннымъ спискамъ, это, всего проще и нагляднѣе, мы надѣемся объяснить примѣрами. На нашъ взглядъ эти примѣры, которые намъ посчастливилось открыть въ древнемъ *Лѣтописцѣ Рускихъ Царей*, убѣдительно говорятъ въ пользу самаго внимательнаго сличенія всѣхъ, имѣющихся подъ руками рукописей и самаго строгаго выбора изъ нихъ, въ основу текстановыхъ изданій, одного самаго древняго и наиболѣе сохранившагося списка. Беремъ одинъ такой списокъ и обращаемся въ немъ къ извѣстному разсказу о крещеніи въ Царѣградѣ В. К. Ольги. Разсказъ этотъ въ томъ видѣ, какъ читался онъ по спискамъ, менѣе древнимъ, и, потому, наиболѣе искаженнымъ, въ теченіи времени, простодушными сократителями древней лѣтописи, поновителями ея въ слогъ и небрежными переписчиками, всегда составлялъ и до сихъ поръ составляетъ еще, въ числѣ другихъ подобныхъ разсказовъ, самую нелѣпую басню, предметъ всевозможныхъ глумленій. Дѣйствительно, для кого не смѣшно въ немъ это описаніе, гдѣ 65-лѣтней Ольгѣ, прибывшей для крещенія въ Цареградъ, дѣлается предложеніе любви и брачнаго союза христіанскимъ императоромъ, также уже преклонныхъ лѣтъ и имѣвшимъ еще въ живыхъ супругу. По однимъ—древнѣйшимъ спискамъ, императоръ этотъ Константинъ, по другимъ—новѣйшимъ, Цимисхій. Позднѣйшія редакціи, какъ и слѣдовало ожидать, должны были еще болѣе развить эту басню, и тѣмъ самымъ окончательно затемнили первобытный, далеко не смѣшной и вполнѣ достовѣрный смыслъ разсказа, записанный прямо съ дѣйствительности въ первоначальной редакціи, совершенно чистой отъ всякаго баснословія. Возстановленіе прежде всего правильнаго

чтенія этого разсказа, и, затѣмъ, подлинно-историческаго, не басно-словнаго его смысла, по спискамъ, наиболѣе сохранившимся отъ подобныхъ поврежденій, вполне очищаетъ все это событіе отъ всякой позднѣйшей, приставшей къ нему нелѣпости. Все смѣшное, какое остается при этомъ разсказѣ, послѣ такого чтенія, состоитъ развѣ только въ томъ, какъ наивно читался и понимался онъ, даже въ наиболѣе просвѣщенные времена, довольно уже знакомыя, по разнымъ источникамъ, съ обычаями и пріемами древняго византийскаго этикета. При большемъ вниманіи къ дѣлу возстановленія правильнаго чтенія и къ вѣрной оцѣнкѣ наиболѣе древнихъ лѣтописныхъ редакцій, это, конечно, не единственный примѣръ подобнаго страннаго чтенія и пониманія древнихъ историческихъ событій, какъ мы увидимъ ниже. Не одна государственная, но, естественно, также и военная жизнь, не легко могла пониматься въ монастырскомъ уединеніи нашими лѣтописателями. Отсюда, нерѣдко, одно даже слово, неправильно понятое ими, служило легкой основой для цѣлаго вымысла небывалыхъ событій. Таковъ, напр., разсказъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ Олегова похода къ Царюграду.—Здѣсь мы ограничимся разборомъ только этихъ двухъ разсказовъ, въ виду готовящагося новаго изданія Археографическою Коммиссіею нашихъ лѣтописей. Примѣры эти особенно ясно указываютъ на всю важность выбора въ основу нашего изданія наиболѣе древняго текста. Такимъ именно мы и считаемъ, какъ по приводимымъ разсказамъ, такъ и по многимъ другимъ примѣтамъ, текстъ Ипатьевского списка и текстъ сохранившійся въ дошедшемъ до насъ, хотя и въ сокращенномъ видѣ, списокъ, озаглавленномъ: «Лѣтописецъ Русскихъ Царей.» Списокъ этотъ мы постараемся также издать фотолитографически, присоединивши къ нему и печатное графическое изданіе славянскими буквами, съ возстановленіемъ, по мѣрѣ силъ и возможности, правильнаго его чтенія. Безъ такого изданія, нашему первоначальному лѣтописному своду грозитъ великая опасность принять въ свою основу менѣе древній, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе поврежденный текстъ, и, такимъ образомъ, ставъ на его сторону, тѣмъ самымъ узаконить текстъ, далеко уклонившійся отъ исторической истины, замѣнившій ее позднѣйшими искаженіями какъ въ слогъ, такъ и въ самомъ смыслѣ повѣствованія.

Обращаемся къ одному изъ упомянутыхъ выше примѣровъ, къ
рассказу о походѣ Олега къ Царюграду, по Лѣтописцѣ Русскихъ
Царей, возстановляя его чтеніе по всѣмъ спискамъ, приводимымъ
въ I томѣ Полн. Собр. Русскихъ Лѣтописей.

В лѣтѣ 45. ѹѣи. Иде Олегъ на Греки а Игоря шѣтави въ
Кіевѣ. и поа со собою воа многіи. Варягы, Словены. ѹѣи. Кривичи.
Шери. Поланы. и Сѣвѣры. и Деревляны. и Радимичи. и Хорваты.
и Дѣлбы. и Тивирци. иже соѹ тазковины. Сѣи вѣи звахѹтсѣ ш
Греки и Скѹды великаѣ. и съ сими всеми поиде Олегъ. на конѣ
и въ караблѣ и бѣ ѹгелѣ караблѣи. 46. и прииде къ Црѣюградѹ.
и Греци замкоша Сѹ. а граѣ затвориша. И вылѣсѣ Олегъ на
брѣгѣ. и повелѣ воѣ изъволоѹи караблѣи на брѣгѣ. и повоѣва
многѣ и оубиство шкрѣтѣ града створи Грекомѣ. и развѣи многы
полаты. и цркви пожгоша. а ихже плениша. швѣхъ погѣкаахѹ. а
дрѣсѣ мѣчаахѹ. иныя же рѣстрѣлаахѹ. а дрѣсѣхъ въ море взмѣтаахѹ.
и ина многа зла твѣраахѹ Роѹ Греко. ѣанко ратни твѣратъ. И
повеле Олегъ воѣ своимѣ. колеса изъделати. и въстави караблѣи
на колеса. и вывшѹ покоишѹ вѣтрѹ. вспаша прѣ с поа. и идахѹ
къ градѹ. видѣвшѣ же Греци. и оубоашѣ. и рѣша выслѣвшѣ къ
Олегови. не погѣблѣи града. имемеѣ по дань. яко же хощешѣ. и
стави Олегъ прѣ¹. и вынесоша ѣмоѹ брашно и вино. и не прѣа ѣго
бѣ бо съ штравоѣ. и оубоашѣ Греци и рѣша нѣ Оле но Сѣи
Димитрѣи. посланѣ ш Бѣ на ны. и заповѣда Олегъ дань даати на
46. караблѣ. по. бѣ. гривенѣ на ѹлка. а въ караблѣи по. мѣ. моѹжѣ. и
ашѣ Греци по сѣ и начаша ш мирѣ вносити рѣчи Греци дабы не воѣ-
ваа Греческоѣ землѣ Олегъ. шнже шѣстоупивѣ малѣ ш града. на мирѣ
твѣоритѣ. съ Дешномѣ и съ Александромѣ. и посла къ нимѣ въ граѣ.
Иарла²: Фарлода. Бѣрмоѹда. Ргѣлава. и Сѣмнда. и рѣша имете-
лнѣа по дань. и рѣша Греци ѹѣго хощете дамы. и заповѣда и
Олегъ. даити на 46. караблѣ по. бѣ. гривѣ на ѹлка. а въ караблѣи
по. мѣ. моѹ. и ашѣ Греци по сѣ. и просиша мира Греци дабы не

1. Въ подлинникѣ: воа. Причины, почему мы вмѣсто этого слова,
поставили въ текстѣ: прѣ, мы объяснимъ ниже.

2. Въ подлинникѣ: Карла.

пѣствовалъ земли Греческыѣ. и потомъ дати оуклады на грады.
 првое на Кнѣвѣ. та на Урзниговѣ. и на Переяславѣ. тако и на
 Новѣградѣ. и на Пазтескѣ. на Ростовѣ. на Либевѣ. по темъ бо градо
 сѣдлахоу князи. по Влагомъ вѣщѣи. да приходаше Рѣ. славяноу
 да емляють. елико оуѣено. а иже придѣтъ гости Рѣстѣи. да
 емляють месауноу на. с. мѣ. хлебъ. вино. мѣло. рыбѣ. швошь.
 и да творѣ и мѣ мовѣ. в банн. тако же хотѣ. градвѣщѣи же взепать.
 да емляють оу Црѣ брашно. и акорн. и оужнѣи и прѣ. елико трѣбѣ.
 и ашѣ Грѣци. и рѣша Грѣци и Црѣ. аще придѣтъ Рѣсь безъ коуплѣи
 да не взимаю месаунна. да запрѣтитъ князь словѣи своимъ. да
 не творятъ пакости въ сѣлѣхъ Рѣсь. и приходаши Рѣсь. да внтають
 въ стѣго Мамѣ. и пошлетъ Црѣ вѣдѣцы нашн. да испишутъ имена
 и и тогда вземѣ месауноу свое. гости првое ш града Кѣва
 пакы ш Уернигова. и проуи градн. и да вхѣдѣтъ въ градъ едиными
 вратѣи съ Црѣвыми мужемъ безъ шрѣжѣи. мужѣ. и. да творятъ
 кѣпѣи не платѣши мѣта ни в чѣмъ же. Црѣ Левнѣ. и Влаксѣи
 мнрѣ стѣорнѣста съ Влагомъ. и ротѣ захѣднѣста. целѣбѣста крѣтѣ. а
 Влагѣ клѣмъ по своемъ законѣ Пероуноу коумнрѣ. и Вологомъ
 скотнѣи бѣгомъ. и рече Влагѣ ищнѣ стагомъ намъ Рѣсомъ прѣ
 паволоунты. а Гловѣноу крѣпѣи. и бѣ тако. повѣи цнѣтѣ
 свои въ вратѣхъ. показѣ повѣдоу. и шѣтѣи ш Црѣградѣ. и прн
 иде въ Кѣвѣ. ногѣ зѣи и павѣлоки. и швошьѣи и вино. и прозѣлаша
 Влага вѣщѣи. вѣхъ бо невѣнглѣи.

3. Въ подлинникѣ: оу грады.

4. Въ подлинникѣ: вѣтъ. Мы дозволили себѣ поставить въ текстѣ,
 вмѣсто этого слова, слово: вѣдѣцы. Вѣдѣць (*αγωγεύς*) который
 ведетъ кого, вожатый. Нѣсколько ниже, тутъ же и поясняется,
 кто именно были эти вѣдѣцы. Поясненіе это мы находимъ въ сло
 вахъ: и да вхѣдѣтъ (Руссы) въ градъ едиными вратѣи съ царѣвыми
 мужемъ безъ шрѣжѣи.

5. Въ подлинникѣ: па Рѣсомъ. Очевидно, здѣсь позднѣйшій
 переписчикъ изъ двухъ словъ: намъ Рѣсомъ, гдѣ, въ первомъ
 словѣ, вмѣсто п стояло н, а буква м была подѣ титломъ и, вѣ
 роятно, стерлась въ обветшалой рукописи, сдѣлала одно слово
 парѣсомъ.

Посмотримъ прежде на общее содержаніе этого разсказа, какъ понимался онъ до сихъ поръ по менѣе древнимъ редакціямъ нашего Лѣтописнаго Свода, и перейдемъ, за тѣмъ, къ нѣкоторымъ его подробностямъ, въ томъ видѣ, какъ представляетъ намъ ихъ болѣе древняя редакція, въ Лѣтописцѣ Рѣскихъ Царей, при возстановленномъ правильномъ чтеніи.

Замѣтимъ напередъ главную разницу позднѣйшихъ редакцій отъ древнѣйшей редакціи, при настоящемъ ея чтеніи. Разница эта состоитъ именно въ томъ, что тогда какъ въ древнѣйшихъ спискахъ и, въ томъ числѣ, въ Лѣтописцѣ Рѣскихъ Царей, стоитъ просто слово: прѣ, позднѣйшіе списки стараются объяснить это слово, на поляхъ, словомъ: парусъ.

Это то слово и дало поводъ нѣкоторымъ переписчикамъ и передѣльвателямъ слога въ Лѣтописномъ Сводѣ, не понимавшимъ настоящаго смысла и значенія словъ первобытной лѣтописи, и думавшимъ исправить устарѣвшій слогъ лѣтописнаго повѣствованія, — произвести не мало искаженій въ текстъ древнѣйшаго изъ нашихъ Временниковъ. Они и вообще перемѣняли въ немъ буквы, слоги и реченія, переставляли слова, переиначивали смыслъ цѣлыхъ выраженій и дѣлали свои произвольныя вставки и урѣзки. Такъ и здѣсь, прочитавъ въ сказаніи Лѣтописца: «и повелѣ Олегъ воємъ своимъ колеса издѣлати и вставити корабли на колеса. И бывшу покою вѣтрю възпаша прѣ съ пола, и идаху къ градуу,» приняли слово прѣ за паруса, и соображая, что если Олегъ пришелъ къ Константинополю по суку на парусахъ, то ему слѣдовало и отойти отъ города на парусахъ же, вздумали изукрасить простой, безыскусственный разсказъ первобытной лѣтописи, въ соотвѣтствіе съ измышленнымъ ими шествіемъ Олега къ Константинополю въ лодьяхъ, на колесахъ, по сухому пути, — вставкою своего изобрѣтенія, почему къ концу повѣствованія и прибавили: «и възпаша Русь прѣ паволочиты, а Словени кропійны, и раздра а вѣтръ; и роша Словѣне: имемъса своимъ толстинамъ, не даны сють Словеншмъ прѣ кропійны.» А вслѣдствіе того, они поставлены были въ необходимость указать и предыдущее сказаніе, т. е. вмѣсто подлиннаго изложенія, сохранившагося въ первоначальномъ видѣ въ списокъ Лѣтописца Рѣскихъ Царей: «Ищнтѣ стагомъ намъ Русомъ прѣ

паболочнты, а Словеншмз кропѣны, и бысть тако,» измѣнить слово нщнтѣ на ншѣнтѣ, и выпустить слово стагомз; черезъ что это древнее повѣствованіе совершенно исказилось, и послужило потомъ камнемъ соблазна и претыканія для послѣдующихъ переписчиковъ, издателей лѣтописей и историковъ.

Нашимъ ученымъ изслѣдователямъ лѣтописнаго міра не мѣгло не быть извѣстно, что въ той глубокой древности, къ которой относится первое написаніе нашей лѣтописи, вмѣсто новѣйшаго слова: *пáрyса* употреблялись обыкновенно слова: *адрило*¹, *адрила*², *адрина*³ и *вѣтрило*⁴, но никакъ не *прѣ*, употреблявшееся всегда въ иномъ значеніи; почему и древнѣйшій лѣтописатель нашъ никакъ не могъ бы употребить этого послѣдняго слова тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ бы выразить понятіе *пáрyса*, поэтому то и всѣ толкованія слова *прѣ* въ смыслѣ *паруса*, никакъ не могутъ быть выведены изъ настоящаго, древняго его смысла, а основываются всѣ только на излишнемъ уваженіи къ тѣмъ позднѣйшимъ припискамъ въ текстѣ, гдѣ слово *прѣ* объясняется въ смыслѣ *пáрyса*. Приписки эти, безъ всякаго сомнѣнія, никакъ, однакоже, не должны бы были служить провѣркою для текста, гораздо болѣе древняго, чѣмъ онѣ, и гораздо болѣе достовѣрнаго; а напротивъ, сами онѣ должны бы непременно провѣряться какъ этимъ текстомъ, такъ и тою исторической критикой, которая зиждется вся на возстановленіи правильнаго чтенія лѣтописей.

1. *Идрило*—*ιστίον*, velum, *идриломз* *снваломоз*. Дѣян. Ап. XXVII, 19. *идрило* *корабельное извергохомз*. Изборникъ Григ. мних. Арх. рук. XIV в. л. 82 об. *и се корабль градаше съ идрилами полнъ рѣхла* л. 83. *и отстѣпи отецъ нашъ держа идра* См. у Вост. и Микл.

2. *Адрила*—ср. мн. *τά ιστία*, *вѣтрила*. Иоанн. Лѣств. XII в. (см. Вост. лекс. т. I л. 5).

3. *Идрина*—*ιστίον*, velum. *Плоува* *адринами*. Пам. Тихом. т. I стр. 203 изъ Палеи: *и се корабль идаше со адринами. полнъ роухла*. См. у Вост. и Микл.

4. *Вѣтрило*. — *ιστίον*, velum. *Вѣтрила* *опоустити* Дѣян. Ап. XXVII, 13. *воздвигше вѣтрила*; ст. 40: *воздвигше малое вѣтрило*. См. у Вост. и Микл.

атищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ и другіе историки, въ разсказѣ лѣтописца, о походѣ Олега на Грецію, находили много баснословнаго, сказочнаго. Это происходило отъ того, что разсказъ о походѣ Олега они читали по тексту современниковъ, принадлежащихъ къ одной категоріи съ Лаврентьевскимъ спискомъ, въ которыхъ языкъ видимо подновленъ, и еще отъ того, что они, при другихъ своихъ занятіяхъ, не давали себѣ труда разъяснить, что пр. Несторъ разумѣлъ подъ своими словами, и потому придавали его словамъ не то значеніе, какое онѣ дѣйствительно имѣютъ и должны имѣть, а вслѣдствіе того находили невѣроятными самыя обыкновенныя и самыя естественныя подробности въ его разсказѣ.

Всѣ подобныя сомнѣнія и подозрѣнія въ достовѣрности основнаго текста въ нашемъ Лѣтописномъ Сводѣ произошли и происходятъ, естественно, отъ того, что, къ сожалѣнію, какъ мы уже сказали, гораздо болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало, — оказывалось, и до сихъ поръ еще оказывается, уваженія и вниманія къ позднѣйшимъ припискамъ въ немъ, какъ это особенно ясно въ данномъ случаѣ. Такъ, здѣсь, мы видимъ, что трудолюбивый инокъ еще въ концѣ XIII вѣка, переписывавшій Временникъ Нестора въ Ипатьевскій списокъ, написалъ: *оуспаше прѣкъ съ полъ*; но, потомъ, онъ же, а можетъ быть и другой какой начетчикъ Св. Писанія, уже не понимавшій значенія слова *прѣкъ*, вспомнивъ, что въ Дѣян. Ап., гл. 26, ст. 40, говорится: *воздвигше вѣтрила пльвахуу вскрай Крита*, и зная, что съ словомъ *вѣтрила* однозначительно слово *парусы*, — слово *прѣкъ*, во всѣхъ мѣстахъ Ипатьевского списка, зачеркнулъ и на мѣсто его написалъ на полѣ *парусы*. Это въ послѣдствіи и сбило съ толку позднѣйшихъ нашихъ составителей Лѣтописныхъ Сводовъ, переписчиковъ и историковъ, которые, только на основаніи этой поправки, рѣшили, что *прѣкъ* значитъ именно парусы.

Принимая на вѣру эту поправку, безъ всякаго критическаго ея изслѣдованія, подобно другимъ историкамъ, Н. М. Карамзинъ приписываетъ слову *прѣкъ* также значеніе *парусовъ*, и излагаетъ это повѣствованіе слѣдующимъ образомъ¹: Въ лѣтописи сказано, что

1. Ист. Гос. Рос., т. I, стр. 132.

Олеги поставилъ суда свои на колеса и силою одного вѣтра, на распущенныхъ парусахъ, сухимъ путемъ шелъ со флотомъ къ Константинополю. При этомъ нашъ знаменитый историографъ почему-то умалчиваетъ о томъ обстоятельстве, что Олегъ пришелъ въ Грецію на коняхъ и въ караванѣхъ, а въ прим. 315 къ I т. Ист. Госуд. Рос., по этому поводу замѣчаетъ: «Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ на возвратный путь велѣлъ шить Русскимъ *прѣ наволочиты*— парусы изъ шелковой ткани, а *Славянамъ кропиные* (кропійные), или *полотняные* (ибо изъ кропивы дѣлается особенный родъ полотна); но что вѣтеръ разодралъ ихъ, и Славяне сказали: намъ не даны такіе парусы; возмемся опять за свои *толстины* или холстинные. Несторъ повѣрилъ сказкѣ.»

Но въ основномъ текстѣ лѣтописи, какъ теперь очевидно, не было ничего сказочнаго. Вся эта сказочность заключалась только въ неправильномъ пониманіи лѣтописи. Не имѣя въ виду слова *стагомъ* и принимая слово *прѣ* безусловно въ значеніи только *парусовъ*, дѣйствительно могли находить невѣроятнымъ, чтобы Олегъ потребовалъ *наволочитыхъ*, т. е., шелковыхъ тканей, безъ сомнѣнія, слишкомъ цѣнныхъ для такого употребленія, какъ паруса (русскимъ гостямъ даже покупать такихъ матерій дозволялось не болѣе, какъ на 50 золотыхъ¹) и чтобы Греки нашли возможнымъ удовлетворить такому чрезмѣрному требованію, ибо для парусовъ на 2000 судовъ столько потребовалось бы драгоценныхъ матерій, что такое количество едва ли нашлось во всемъ Константинополѣ. При томъ же мы твердо убѣждены, что въ то время, о которомъ здѣсь говорится, у Руссовъ, при ихъ походахъ, большая часть ладей были суда гребныя, какъ болѣе удобныя для перевозки, а если и были между ними парусныя, то въ самомъ небольшомъ количествѣ. Ладьи ихъ служили только для сопровожденія конныхъ дружинъ, и вмѣщали въ себѣ необходимые въ походѣ съѣстные припасы и тяжелое оружіе, какъ-то: щиты, брони, шишаки, и проч. Слѣдуя обыкновенно по берегамъ рѣкъ и ихъ устьевъ, Днѣпра, Буга, Днѣстра, Дуная, часто вытаскивая изъ воды и перевозивая суда свои по землѣ, нерѣдко направляя ихъ противъ

1. Ис. Г. Р. т. I, прим. 350.

теченья, или поперекъ рѣкъ, и, за тѣмъ, по выходѣ въ морѣ, идя все только прибережемъ и только сопутствуя конному войску, шедшему тутъ же берегомъ, ладьи Руссовъ не могли не быть судами по преимуществу только гребными. Такія именно гребныя суда были не только у Руссовъ, но и у другихъ народовъ, какъ это мы и видимъ на древнихъ изображеніяхъ, находящихся на Троянвой Колоннѣ,¹ гдѣ на судахъ, осѣненныхъ своими *хоругвями*, т. е., своими *прѣ*, плывутъ воинскія дружины съ своими штандартами (орлами легионовъ). Эти хоругви (*прѣ*), относясь къ самымъ ладьямъ, имѣли тогда значеніе нынѣшнихъ *флаговъ*, а относясь къ войскамъ, имѣли значеніе нынѣшнихъ *знаменъ*.

Постараемся разъяснить здѣсь это настоящее значеніе слова *прѣ*, почерпая его изъ филологическихъ сопоставленій, подкрѣпленныхъ данными изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ.

Въ Изборникѣ Григорія Превднтера мниха², помѣщена книга Александръ. Въ ней читаемъ на листѣ 203: *всѣ корабль ѣллинскы. а. сн. съ ваю кий хоругвю*, т. е., всѣхъ греческихъ кораблей было 1250, каждый корабль съ своею хоругвю.

Изъ приведеннаго выше мѣста видно, что слово *флагъ* (*vexillum navale*) въ древности выражалось словомъ *хоругва*,—собственно же слово *флагъ* встрѣчается изрѣдка только уже въ Петровскія времена, именно въ Описныхъ Книгахъ, но принято въ русскомъ языкѣ еще не было. «*Знамя которое къ морскому пути надобно,*» и «*обыкновенное знамя;*» вотъ характеристика *флага*, оставленная Описными Книгами и документами Петровскаго времени³.

Извѣстно, что дружины какъ конныя, такъ и пѣшія, имѣли свои *хоругви*. Хоругви эти состояли изъ двухъ частей: одна изъ

1. См. *L'antiquité expliquée et représentée en figures* par Bernard de Montfaucon, 1722, in f., T. IV, pl. CXXI à la 246 p.

2. Рукопись XIV вѣка, хранящаяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ.

3. См. Ист. Русск. флота: Перв. поход. Азовск., С. Елагина и статью: «*Наши Флаги,*» Морск. Сборн., 1863, № 10.

нихъ называлась *стягомъ*, а другая *знаменемъ*, и обѣ въ совокупности *хоругвью*. Въ пергаментной рукописи XIV в., хранящейся въ Синодальной библіотекѣ, подѣ № 117, заключающей въ себѣ слова Св. Григорія Богослова, на листѣ 122, читаемъ: *знаменьє глѣ стѣгъ, иже знаменѣ конводы побѣдѣ*, и далѣе: *знаменьє же и стѣгъ, ли хоругвь*. Это послѣднее мѣсто вполне подтверждаетъ сказанное нами выше, что хоругвь состояла изъ двухъ частей: стяга и знамени. Мы знаемъ много примѣровъ, гдѣ всѣ эти три слова: *хоругвь*, *знамя*, *стягъ*, употребляются безразлично, одно вмѣсто другаго. Знаемъ также еще одно слово, которое соответствуетъ слову *хоругвь*, — это—слово *прапоръ*, которое, какъ кажется, происходитъ отъ слова: *прѣ*. Въ Изборникѣ Григорія Превднтера мниха по его переводу съ греческаго языка, въ кн. Цар. I, гл. XIV, ст. 43, находимъ и *рече.. вкѣшь, вкѣшихъ концевѣмъ хоругви своеѣ* (ἐν ἄκρῳ τῆ σκήπτρου). Въ рукописи, хранящейся въ Синодальной библіотекѣ, подѣ № 125, на листѣ 208, об., читаемъ: *вкѣдѣ, вкѣшихъ краѣ прѣпорѣныхъ*.

Теперь приступаемъ къ объясненію слова: *прѣ*. Слово *прѣ*, какъ замѣчаетъ основательно Н. М. Карамзинъ, происходитъ отъ слова: *прѣдѣ*. Это слово значить: 1, собственно нить, вытянутая посредствомъ пряденія; 2, всякое волокно, подобное нити (прѣдѣ шерсти, волосъ, шелка). Отсюда *прѣ*, ед. ч. *прѣ* (въ общемъ смыслѣ) прѣдина, т. е., всякая ткань, сдѣланная изъ пряденыхъ, некрученыхъ нитокъ. *Прѣ* (въ частности)—знамя, т. е., кусокъ ткани опредѣленной величины, прикрѣпленный къ стягу. Отсюда ставить *прѣ*, или водрузить въ полѣ *прѣ*, значило стать, или остановиться, т. е., воткнуть стяги, или древки съ знаменами въ то поле, гдѣ дружины должны были остановиться, или расположиться станомъ. Также и на оборотъ, *вспасть*, или *взлачать прѣ*, значило поднять знамена, или флаги, т. е., тронуться съ мѣста. *Прѣ вспасть съ поля* означало: поднять съ мѣста знамена, сняться со становища, двинуть знамена съ поля, чтобы каждая дружина шла въ походѣ подѣ сѣнію своего знамени, какъ напр.: и *вышѣ покоишѣ вѣтрѣ, възпаша прѣ съ поля, и идахѣ къ градѣ*, т. е., при первомъ удобствѣ, или благопріятныхъ обстоятельствахъ для приступа, войска двинулись за стягами съ становища, и пошли къ городу. Не доходя до него, по просьбѣ Грековъ: «стави Олегъ прѣ, и

вынегоша имъ брашно и вино». Здѣсь, до очевидности ясно, что Олегъ просто шелъ на приступъ, съ поднятыми знаменами, а когда Греки стали просить его, чтобы онъ не губилъ, то есть, не разорялъ города, и обязывались уплатить ему за то дань, онъ отдалъ приказъ водрузить стяги,—и стави *Улегъ пра*,— чѣмъ и выражался самый приказъ дружинамъ немедленно остановиться. Далѣе, когда Олегъ согласился уже на мирные переговоры, онъ приказалъ дружинамъ отступить отъ города на не-дальнее разстояніе. Въ подлинномъ текстѣ нашей лѣтописи хотя и стоитъ здѣсь слово *воа*, а въ другихъ спискахъ слово *вои*, но въ древнѣйшей лѣтописной редакціи слово это здѣсь, очевидно, не могло находиться. Слово *вои*, въ смыслѣ *воинъ* (*bellator, πολεμιστής*) имѣло въ древности множ. ч. только: *вои*. Всего вѣроятно, по смыслу цѣлаго разсказа, здѣсь стояло слово: *пра*.—Олегъ, передъ этимъ, двинулъ дружины къ Царюграду, и это выражено въ лѣтописи словами: *взпаша прѣ* с *пола*. Теперь, когда Олегъ, по просьбѣ Грековъ, останавливаетъ движеніе, лѣтопись говоритъ: и стави *Улегъ пра*. Слово *пра* могло быть прочтено въ послѣдствіи за слово *воа*, такъ какъ то и другое слово состоитъ одинаково изъ трехъ буквъ, при чемъ буква *п* очень сходна въ древнемъ почеркѣ съ буквою *в*, а буква *р*, при стершейся нижней прямой чертѣ, могла быть принята за *о*.

Тѣ же самыя выраженія, какія относились въ древности къ слову *пръ*, мы находимъ въ нашемъ Лѣтописномъ Сводѣ отнесенными и къ слову *стягъ*, употребляемому, въ переносномъ смыслѣ, вмѣсто слова *пръ*, въ значеніи знамени, какъ напр.:

Приближающимъ же ся имъ къ городу, и видящимъ *стягы* отца своего и *пѣшіѣ* вышедши изъ города, и стрѣляющимъ съ ними, Ростиславу же, и Борисови, и Мстиславу не вѣдущимъ мысли брата своего Андрея, яко хочеть ткнути на *пѣшіѣ*, зане и *стягы* его видяхуть *не възволочень*.

И *постави стягы* Галичскыѣ, и поидоша Галичане подъ своѣ *стягы*. Болгары... *исѣкоша* множество, а *стягы* ихъ поимаша..... *Стояху же пѣши* съ святою Богородицею на *полчище*, подъ *стягы*. И потяша *стяговника* нашего и *челку стяговую* сторгоша съ *стяга*.

И выступи полкъ изъ загорья, вси во броняхъ яко во всякомъ леду, и подъяша стяги¹.

Въ морскомъ походѣ также точно вспасть или взлаучать прѣ означало поднять флагъ, т. е., тронуться въ путь. Такъ въ Изборникѣ Григоріа мниха, Превднтера Болгарскаго, въ помѣщенной тамъ книгѣ «Александръ», лист. 318 об., читаемъ: *Онъ же шѣдъ въ Макидонію стройтиса, хота възыити въ ѿсню, ѿ сѣдѣлавахъ лодіа многы конскыя ѿ ѿ повелѣ внити въ нѣ всѣмъ воѣмъ своѣмъ съ шрѣжѣмъ, ѿ въземъ талаитъ ѿ тѣмъ злата, ѿ вхепѣнше прѣ, прѣйдоша на страну Фрачскую.* И еще, въ пергаментной рукописи XIV в., хранящейся въ Синодальной библіотекѣ подь № 117, заключающей въ себѣ слова Григорія Богослова, находимъ: «с повелѣнн ажѣ сѣтъ пѣснн, ажѣ корабленицы поютъ пзрѣ възвлачащѣ» Слово прѣ здѣсь, однако, мы видимъ уже измѣнившимся въ пзрѣ. За тѣмъ, первоначальное значеніе слова прѣ утратилось, и оно вышло изъ употребленія. Отсюда, позднѣйшіе переписчики и толкователи, забывши древнее значеніе этого слова, вездѣ понимали подь *прѣ* уже не знамя, а парусъ, означавшійся въ древности совершенно другими словами, которые, также, съ теченіемъ времени, затерялись и забылись въ древнемъ своемъ смыслѣ. Слова эти, какъ мы уже видѣли, были: *адрина*, *адрина*, *адрило*, *вѣтрило*.

Подтвержденіе значенію слова *прѣ*, въ смыслѣ знамени, мы находимъ еще въ другомъ словѣ, также затерянномъ и вышедшемъ изъ употребленія въ этомъ смыслѣ. Въ древности, оно значило то же самое, что и *прѣ*. Слово это *челка*—*capnus arbori alligatus*,—*челка стаговаа*. Производныя слова отъ этого слова, которое, въ свою очередь, можетъ, какъ мы думаемъ, быть произведено, отъ слова—*чело*, въ смыслѣ главы, главенства, передоваго предмета,—это: *чельникъ*, *αρχος*, *принсерс*—далѣ *начальникъ*, —*αρχων*, *принсерс*, *вождь*.

Тотъ же самый смыслъ мы находимъ и въ словахъ производныхъ отъ слова *прѣ*. Таковы, напр., слова: *Прѣводитѣль*,—(пред-

1. Пол. Собр. Лѣт. т. I. стр. 140, 146, 150, 151, 154, 159. Лѣт. Русск. Царей стр. 61, 69, 75, 79, 87.

водитель), ἀρχων, princeps, вождь, воевода, водитель, распорядитель дружинъ, знамень. Прѣстоать—первенствовать, управлять Прѣ. моженик—victoria, —Прѣмошти—гж, жиши, κατισχύειν, vincere, —Прѣмогъ;—въ Изборникѣ Григоріа Презвітера мниха, лист. 26. «Векропъ звашежеса двѣгласенъ, аки двѣ странѣ прѣмогъ Владю и Ѣгиптъ». Прѣборати, лю, лѣши—exriguare, это слово сложное изъ слова прѣ (хоругвь) и борити,—рю,—риши—μαχεσθαι, riguare. Прѣаше, прѣа—въ смыслѣ покорить, составленное изъ прѣ и ати λαμβάνειν, prehendere и прѣать, περιλαμβάνειν, comprehendere. Память о древнемъ значеніи слова прѣ, какъ предмета, относящагося къ военному дѣлу, сохранилась и до нынѣ въ словѣ прѣа, употребляемомъ иногда, въ поэтическомъ, возвышенномъ слогѣ, вмѣсто слова: война.

Позднѣ слова: прѣ и чѣлка вышли вовсе изъ употребленія въ своемъ первоначальномъ, самостоятельномъ значеніи; онѣ замѣнились словами: хоругвь, стягъ, знамя и флагъ.

Предоставляемъ специалистамъ—филологамъ рѣшить, не отъ слова ли прѣ, какъ предмета *передоваго*, главнаго въ войскѣ, происходитъ слово *передъ*, *предѣ* (прѣдѣ),—или же на оборотъ. Для насъ несомнѣнно тутъ только одно, это то именно, что, въ глубокой древности, на Руси, слово *прѣ* означало никакъ не *парусъ*, а прямо *знамя* и *флагъ*; въ болѣе обширномъ смыслѣ—*хоругвь*.

При такомъ древнемъ значеніи этого слова, возстановляемомъ нами при чтеніи приведеннаго выше разсказа, въ повѣствованіи этомъ, тотчасъ же исчезаетъ всякая сказочность, и оно является во всемъ своемъ простомъ, естественномъ, дѣйствительно историческомъ смыслѣ: Олегъ не дожидается никакого попутнаго вѣтра для того, чтобы съѣсть съ войскомъ на суда и ѣхать по суху на парусахъ къ Цареграду, когда гораздо удобнѣе онъ могъ сдѣлать это самымъ обыкновеннымъ образомъ, просто двинувъ къ нему свои пѣшія и конныя войска, что и сдѣлалъ, поставивъ при этомъ свои ладьи, съ разными боевыми запасами, на *колесницы*, какъ объ этомъ прямо и говорится въ *Лѣтописцѣ Русскихъ Царей*, гдѣ слово *колеса* значитъ дѣйствительно *колесницы*, т. е., по просту, телеги, по болѣе древнему своему значенію.

То въ древности подъ словомъ кола, колеса, разумѣлось именно то, что, позднѣе, понималось подъ словомъ колесница, это мы видимъ изъ слѣдующаго сравненія болѣе и менѣе древней нашей письменности, гдѣ упоминаются эти самыя слова. Такъ мы читаемъ въ слѣдующихъ выпискахъ:

Въ четвертой книгѣ Моисеевой, Числа, гл. VII, ст. 3.

По переводу съ Греческаго языка, находящемуся въ Изборникѣ Григоріа Превднтера мннха; Архивская рукопись XIV вѣка, противень съ рукописи 1261 года.

И принесоша дары Гбн шестъ колѣсцъ црѣскыѣ бѣ воловх, кола едина ш двѡмъ кнѣзю и телець конжо, и принесоша прѣ храмъ.

Острожская Библия 1580 года.

И приведоша дары свои предъ Гмх ш колесницъ црѣскыхъ и бѣ воловх, и колесница едина ш двѡмъ кнѣзю и телець кождо ихъ, и принесоша прѣ храмъ.

Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697 года.

Καὶ ἤνεγκαν τὸ δῶρον αὐτῶν ἕνατι κολίβη ἐξ ἀμάξας λαμπνικας, καὶ δώδεκα βόας ἀμάξαν παρὰ δύο ἀρχόντων, καὶ μόσχον παρὰ ἑκάστων, καὶ προσήγαγον ἐνάτιον τῆς σκηνῆς.

Въ Лѣтописномъ сводѣ, по Лаврентьевскому списку, читаемъ, что Володимѣръ повелѣ прѣстрѡнти кола, чтобъ возить на нихъ

По переводу съ Еврейскаго языка, находящемуся въ Архивской рукописи XV вѣка, № 354.

И принесоша дары свои Гбн ш квалн црѣскыѣ и бѣ воловх, кола едина ш двѡмъ кнѣзю и телець кожѡ, и принесоша прѣ храмъ.

Библия Славянская, Московское изд. 1762 года.

И приведоша дары свои предъ Гдѣ, шестъ колесницъ покрытыхъ, и дванадцать воловх: колесницъ едина ш двѡмъ князей и телеца ш кождо и приведоша предъ скнию.

Русскій текстъ.

И представили приношеніе свое предъ Господа, шесть крытыхъ колесницъ и двѣнадцать воловх, по колесницъ отъ двухъ начальниковъ и по одному волу отъ каждаго и представили сіе предъ скнию.

по городу пищу для немощныхъ и больныхъ¹. Въ Лѣтописцѣ Рѣскихъ Царей, по тому же случаю, сказано: повелѣ по вса дни возити, накладъ возы, хлѣбы, мясо, рыбе, и пр. стр. 33. Въ томъ же Лѣтописцѣ, въ сказаніи объ убіеніи Св. мучениковъ Бориса и Глѣба, на стр. 38, читаемъ: «Плженнаго же Бориса шертѣша в шатеръ и възложиша на кола и възоша». Въ толкованіи Олимпіодора Александрійскаго и другихъ на книгу Іова, въ листъ полууставомъ, на бомбицинѣ, 309 л., 1412 г. находимъ: «арктоура сѣверныи хвѣзды, нуже нарочитъ *ἀμαξα* (телѣга) сирѣчь кола». Кола, колеса *ἀμαξα*, *carrus*, телега². — *Ἀμαξα* — телега, повозка, въ которую впрягались волы; *ἡ ἀμαξα τὸν βῆν*, телѣга везетъ вола. По древне-русски эта же пословица выражалась другою: по водѣ возитъ кола, по *εὐχου* же корабль, (Lexic., ed. Fr. Miklosich), гдѣ, очевидно, кораблю на морѣ противоплагается на сушѣ нѣчто соотвѣтственное ему, именно *колесница*, или *телѣга*. Чтобы ближе и нагляднѣе познакомить нашихъ читателей съ самымъ видомъ *телѣгъ*, возимыхъ волами, которыя означались въ древности словомъ: *кола*, *колеса*, и которыя Олегъ приказалъ дѣлать для перевозки на нихъ людей къ Царюграду, мы прилагаемъ при семъ точный рисунокъ съ древняго изображенія ихъ, находящагося на колоннѣ Антонина³. Монфоконъ говоритъ, что у Скивовъ каждый имѣлъ свою телѣгу, а болѣе богатые имѣли ихъ по нѣскольку, — и что даже самыя бѣднѣйшіе изъ нихъ, какъ свидѣтельствуемъ Лукіанъ, имѣли по одной телѣгѣ, запряженной двумя волами, и, поэтому

1. Полн. Собр. Р. Лѣтоп. т. I, стр. 54.

2. Lexicon palaeoslovenico graeco—latinum, ed. Fr. Miklosich, Vindob.

3. Изображеніе это мы заимствуемъ изъ L' Antiquité expliquée en figures par Dom Bernard de Montfaucon 1722. Tom. IV, p. 194, гдѣ при этомъ сказано: «Voici un chariot fort singulier, qui en cache un autre de même forme; il est à quarte roues solides, tiré par deux boeufs. Sur le caisson ou l'on met ordinairement la charge est un petit bateau ou esquif, dans le quel sont des cuirasses des casques et des boucliers: il y a apparence que ces bateaux servoient à faire des ponts de bateaux sur les rivières qui se rencontroient sur le chemin. Nous avons vû de nos jours dans les armées des bateaux portez sur des charettes pour faire des ponts. (Вотъ очень

ихъ звали octopedes, восьминогими. Намъ приходитъ при этомъ на мысль одна наша старинная пословица, которая, конечно, идетъ изъ глубокой древности. О самомъ послѣднемъ, крайнемъ бѣднякѣ, обыкновенно, говорится: у него нѣтъ ни кола, ни двора. Въ древнія времена эта же пословица, вѣроятно, говорила иначе, именно: *у него нѣтъ ни двора, ни кола*. Конечно, здѣсь подъ словомъ *кола* разумѣлся никакъ не *коль*, что не имѣло бы никакого смысла, ибо не было такого бѣдняка на Руси, который бы не могъ имѣть кола; но очевидно, здѣсь разумѣлось нѣкогда, при самомъ началѣ пословицы, именно *коло, телѣга*, возъ, на основаніи того древняго понятія о бѣдности, по которому у самаго послѣдняго бѣдняка все же предполагалось одно *коло*, т. е. одна телѣга, съ паркою воловъ. Въ послѣдствіи, при забытомъ первоначальномъ значеніи этого слова, и самый смыслъ пословицы, весьма замѣчательной по древности, совершенно утратился въ наше время и отыскивается только теперь, при восстановленномъ настоящемъ древнемъ значеніи слова *коло*. Переходя къ другимъ употребительнымъ въ обыкновенномъ разговорѣ выраженіямъ, мы должны припомнить также, что и въ настоящее время часто говорится: *ѣзда на колесахъ, ѣхать на колесахъ*, вмѣсто того, чтобы сказать: *ѣзда въ колесномъ экипажѣ*. Есть въ Россіи даже цѣлыя мѣстности, гдѣ слово *телѣга*, возъ, не употребляется вовсе, а замѣняется словомъ *колеса*.

Теперь, когда для насъ совершенно объяснилось уже настоящее значеніе встрѣчающихся въ разсказѣ о походѣ Олега къ Царюграду древнихъ словъ: *прѣ* и *колѣга*, мы можемъ восстановить по нимъ наиболее правильное чтеніе всего этого сказанія по *Лѣтописцѣ*

замѣчательная телѣга, которая скрываетъ другую такой же формы; она на четырехъ колесахъ, сдѣланныхъ изъ цѣльныхъ досокъ, и запряжена двумя волами. Въ кузовѣ, куда обыкновенно кладутся тяжести, поставлено небольшое судно, или ладья, въ которой находятся кольчуги, шлемы и щиты: эти суда, повидимому, служили къ тому, чтобы дѣлать пловучіе мосты на рѣкахъ, которыя встрѣчались на пути. Мы видѣли и въ наше время, что суда въ арміяхъ перевозились на телѣгахъ для постройки мостовъ).

Русских Царей, гдѣ и читаемъ его въ слѣдующемъ, дѣйствительно историческомъ, а не сказочномъ его смыслѣ, такимъ образомъ:

«Олегъ пошелъ на Грековъ, а Игоря оставилъ въ Кіевѣ. И взялъ онъ съ собою много дружинъ изъ Варягъ, Словенъ, Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, и Сѣверянъ, и Деревлянъ, и Радимичей, и Хорватовъ, и Дулебовъ, и Тивирцевъ, которые были кочевники. Всѣ эти племена прозывались у Грековъ: великая Скиѳія. Со всѣми этими дружинами Олегъ пошелъ на коняхъ и въ корабляхъ, и число кораблей было двѣ тысячи. И вотъ онъ подступилъ къ Царюграду. И Греки замкнули Судъ, а городъ затворили. И высадился Олегъ на берегъ, и приказалъ воемъ вытаскивать корабли на берегъ. Воины начали воевать окрестности города, избивать Грековъ, грабить и разорять загородные дворцы, жечь церкви, попадавшихся плѣнниковъ кого посѣкать мечами, кого мучить, кого разстрѣливать, кого бросать въ море. И много зла натворили Русы Грекамъ, какъ обыкновенно бываетъ отъ ратныхъ людей. И приказалъ Олегъ воемъ своимъ изготовить телѣги, и поставить корабли на эти телѣги. И подъ вліяніемъ благопріятныхъ вѣстей, приказалъ двинуть стяги съ поля (снятыя съ становища—коннымъ, пѣшимъ и телѣгамъ съ ладьями) и идти на приступъ къ Царюграду. Греки, увидавши это, въ ужасѣ выслали сказать Олегу: не губи города, мы готовы заплатить тебѣ дань, какую захочешь. И приказалъ Олегъ водрузить стяги. И вынесли изъ города къ нему вино и пищу. Но онъ не принялъ ничего, подозрѣвая отраву. Это подозрѣніе устрасило Грековъ, и они сказали: это не Олегъ, а Св. Дмитрій, котораго послалъ на насъ Богъ. И потребовалъ Олегъ дани на двѣ тысячи кораблей по 12 гривенъ на человѣка, а въ каждомъ кораблѣ было по 40 человѣкъ. Греки дали обѣщаніе заплатить требуемую дань, и начали мирные переговоры, прося Олега не воевать греческой земли. Олегъ отошелъ на недалнее разстояніе отъ города, и вступилъ въ переговоры о мирѣ съ греческими царями Леономъ и Александромъ и послалъ къ нимъ въ городъ Ярловъ: Фарлоа, Вермуда, Ргулава и Стемида, которые и сказали Грекамъ: согласны ли они на дань. Греки отвѣчали: что хотите, то и дадимъ. И Олегъ потребовалъ на двѣ тысячи кораблей по 12 гривенъ на человѣка, а въ каждомъ кораблѣ было по 40 человѣкъ, и Греки

согласились на это. И просили Греки мира, чтобы Олегъ не опустошалъ земли Греческой, и за то согласились давать уклады на города: въ первыхъ на Кіевъ, тоже на Черниговъ и на Переяславъ, также и на Новградъ, и на Полотскъ, на Ростовъ и Любечъ, въ которыхъ сидѣли князья, подчиненные Олегу. Притомъ постановили, чтобы Руссы, приходящіе въ греческую землю, получали установленное по договору,—а ежели придутъ русскіе гости, то имъ выдавалась бы мѣсячина, на 6 мѣсяцевъ: хлѣбъ, вино, мясо, рыба, овощи, и да будетъ имъ дозволено мыться въ банѣ, сколько пожелаютъ. Возвращающіеся же на Русь должны получить отъ Царя сѣстные припасы, якоря, канаты и шелковыя ткани, сколько потребно, на хоругви. И Греки согласились. И далѣе уговорились Греки и Царь: если придутъ Руссы не для купли, то имъ не брать мѣсячины, и чтобы Князь запретилъ словомъ своимъ Руссамъ безчинствовать въ селахъ, и чтобы привѣзжающіе Руссы пребывали у Св. Мамы, куда царь будетъ посылать своихъ вѣдѣльцевъ, для переписи именъ ихъ, и тогда гости будутъ имѣть право получать мѣсячину, во первыхъ (гости) отъ града Кіева, потомъ Чернигова, и отъ прочихъ городовъ. Сверхъ того, чтобы Руссы входили въ городъ только однѣми воротами, съ царевымъ мужемъ, безъ оружія, и не больше 50 человекъ въ одинъ разъ, при чемъ они могутъ творить куплю, безъ уплаты мытныхъ пошлинъ. Царь Леонъ и Александръ заключили мирный договоръ съ Олегомъ и утвердили его клятвою, и цѣловали крестъ. Олегъ клялся по своему закону, Перуномъ кумиромъ и Волосомъ, скотымъ богомъ. И приказалъ Олегъ: ищите на стяги намъ, Руссамъ, знамена парчевыя, а Словенамъ—кропійныя: такъ и сдѣлано. За тѣмъ онъ повѣсилъ щитъ свой на вратахъ, въ знакъ побѣды. И отступилъ отъ Царяграда, и прибылъ въ Кіевъ, и привезъ съ собой золото, и паволоки, и овощи, и вино; и народъ, по своему невѣжеству, прозвалъ его вѣщимъ.

Въ возстановленномъ нами, исторически вѣрномъ, чтеніи разсказа, о походѣ Олега къ Царюграду, мы не имѣли случая коснуться трехъ нерѣшенныхъ въ нашей исторической наукѣ вопросовъ, по поводу этого именно разсказа. Вопросы эти слѣдующіе: первый состоитъ въ томъ, почему въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ лѣтописей существуетъ странное противорѣчіе между первоначальнымъ тре-

бованіемъ Олега у Грековъ по 12 гривенъ на челоуѣка въ каждой ладѣ, включавшей въ себя по 40 челоуѣкѣ, на которое Греки тогда же и согласились, и между внесеннымъ тутъ же въ договоръ Олега съ Греками, уже совершенно другомъ требованіи, именно только по 12 гривенъ на ключъ, т. е., какъ думаютъ нѣкоторые, по числу уключинъ, или тѣхъ мѣстъ въ лодкахъ, у которыхъ прикрѣплялись весла. Вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, рѣшается очень удовлетворительно тѣмъ, что такое непонятное противорѣчіе въ первоначальной нашей лѣтописи, какъ это ясно изъ *Лѣтописца Рѣскихъ Царей*, какъ древнѣйшей ея редакціи, никогда и не находилось; внесено же оно въ нее только уже въ позднѣйшихъ редакціяхъ, изъ чего и слѣдуетъ еще, что тѣ редакціи, гдѣ не находится этого противорѣчія, гораздо ближе къ самой истинѣ событія, а потому, естественно, и древнѣе. Въ *Лѣтописцѣ Рѣскихъ Царей* прямо говорится, что сколько требовалъ Олегъ гривенъ на челоуѣка вначалѣ, столько же взялъ онъ ихъ и по договору. Считаемо нужнымъ здѣсь припомнить, что въ договорахъ Атиллы съ Греками, по свидѣтельству Приска, было постановлено: за Греческихъ плѣнныхъ платить выкупъ по 12 золотыхъ съ каждаго. Единство условій въ договорахъ V и X вѣка весьма знаменательно. Второй вопросъ состоитъ въ томъ, почему въ лѣтописяхъ нашихъ нигдѣ не говорится, чтобы Олегъ требовалъ дани на конницу, тогда какъ изъ лѣтописей же видно, что конница именно была въ этомъ походѣ. Требованіе дани Олегомъ ограничивается единственно дружинами его, бывшими въ ладьяхъ. Нѣкоторые думаютъ, что Олегъ требовалъ дани на однихъ лодейныхъ воиновъ, потому что конная рать будто бы не доходила до Царяграда, а проводивши корабли до моря, какъ прикрытіе ихъ отъ враждебныхъ племенъ, жившихъ въ низовьяхъ Днѣпра, затѣмъ возвращалась домой. Съ мнѣніемъ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться, хотя и знаемъ, по другимъ источникамъ, что дѣйствительно такія враждебныя племена обитали въ тѣхъ мѣстахъ, которыми лежалъ путь Олегу до моря. Конная рать не могла, конечно, защищать ладьи на водѣ, а еслибы и была въ ней для этого надобность, то надобность эта была бы одинакова, какъ при походѣ въ Царьградъ, такъ никакъ не менѣе и при возвращеніи дружинъ домой, почему конная рать и не могла не быть съ Олегомъ подъ Царяградомъ. Однако, поче-

му же, если рать эта была съ Олегомъ въ его походѣ, дань была затребована имъ, обойдя ее, только на однѣхъ ладахъ. Причина этому, по нашему мнѣнію, заключалась въ томъ, что рать эта была наемная, и состояла именно изъ кочевниковъ, или тѣхъ враждебныхъ племенъ, жившихъ по степямъ, которыя по огромнымъ пространствамъ, ими населяемымъ, гдѣ способъ передвиженія всего удобнѣе былъ на коняхъ, могли быть хорошею конницею, а притомъ же наймомъ своимъ у Олега заручали ему мирныя отношенія къ своимъ улусамъ, что было вполнѣ необходимо для него при переходѣ до Царяграда. Но будучи такими только наемниками въ его войскѣ, они тѣмъ самымъ теряли уже право на дань, которая, естественно, должна была принадлежать только кровнымъ Руссамъ и Словенамъ, не имѣвшимъ, кромѣ этой дани, никакого другаго вознагражденія за подъятыя на войнѣ труды. Въ лѣтописи нашей мы видимъ даже прямое свидѣтельство о томъ, что Печенѣги, напр., были именно наемниками у Руссовъ, при ихъ войнахъ. Такъ лѣтопись говоритъ объ Игорѣ: *Печенѣги нал*, а о Варягахъ, Словенахъ и Кривичахъ—*совокупивъ*, чѣмъ ясно означается, что послѣдніе участвовали въ походѣ не по найму, а по призыву, по добровольному приглашенію. Третій, наконецъ, вопросъ заключается въ томъ: отъ чего нигдѣ въ нашихъ лѣтописяхъ не говорится, какимъ именно путемъ направлялись Олеговы дружины къ Царюграду. Первоначальная лѣтопись наша объ этомъ совершенно умалчиваетъ, вѣроятно, потому, что составитель ея писалъ для современниковъ, которымъ путь этотъ, какъ и всѣ пріемы выше означеннаго похода, были вполнѣ извѣстны и не требовали никакихъ описаній. Но для тогдашнихъ Грековъ вопросъ этотъ имѣлъ такой же интересъ, какъ и для насъ, потомковъ Руссовъ. Благодаря любознательности Константина Багрянороднаго, сохранилось и для насъ драгоценное извѣстіе объ этомъ пути. Дополняя нашу лѣтопись показаніями Багрянороднаго, мы можемъ опредѣлить, какъ именно и по какимъ мѣстамъ двигалась рать Олегова къ Царюграду *на конихъ и въ кораблехъ*. Припомнимъ здѣсь слова лѣтописца о походѣ Олега.

Иде Олегъ на Греки... и поиде съ собою вои много Варягы,
Словены, Чудь, Кривичи, *Шерю*, Поланы и Сивѣры и Деревляны

и Радимичи и Хорваты и Дулебы и Тивирцы, иже суть тьковины. Лѣтописатель словомъ тьковины хочетъ выразить ту мысль, что послѣднія три изъ упоминаемыхъ здѣсь племенъ, т. е. Хорваты, Дулебы и Тивирцы, которыхъ Константинъ Багрянородный называетъ общимъ именемъ *Пацинаковъ*, были тьковины т. е. кочевники, ведшіе хищную и бродячую жизнь. Онъ вси звахуся отъ Грекъ и Скиды великаа. И съ ними всеми поиде Олегъ на конихъ и въ кораблехъ, и бѣ число кораблей 45. Описавъ такимъ образомъ составъ Олеговыхъ дружинъ, Лѣтописецъ ничего не объясняетъ далѣе, какимъ путемъ и какъ совершилъ Олегъ свой походъ, а говоритъ прямо: И прїиде къ Царьградѣ. Хотя изъ его словъ: на конихъ и въ кораблехъ видно, что Олеговы дружины шли частію сухимъ путемъ, частію водою; но остается непонятнымъ, могли ли одновременно и вмѣстѣ двигаться сухопутныя силы его и его флотилія, или же сухопутное войско и флотъ двигались совершенно отдѣльно, не подкрѣпляя другъ друга.

Константинъ Багрянородный своимъ рассказомъ о походахъ Руссовъ на Грецію совершенно восполняетъ этотъ пробѣлъ. По его свидѣтельству, на пути между устьемъ Днѣпра и устьемъ Дуная жили Пацинаки; слѣд. дружинамъ Олеговымъ, по крайней мѣрѣ сухопутнымъ, надо было проходить ихъ землю. Потому то Руссы (говоритъ Константинъ) стараются имѣть съ Пацинаками миръ.., ибо не могутъ вести войны съ чужеземными народами, не имѣя мира съ Пацинаками. И поелику этотъ народъ (Пацинаки) храбръ и мужественъ, то Руссы стараются всѣми силами имѣть его съ собою въ своихъ войнахъ. Руссы не могутъ вздѣть въ Константинополь какъ для войны, такъ и для торговли, не имѣя съ ними мира: ибо когда Русскіе приплываютъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, гдѣ они не могутъ продолжать плаванія, то должны выходить на землю и несть на себѣ свои небольшія суда, и тогда Пацинаки нападаютъ на нихъ и безъ труда побѣждаютъ, потому что они не могутъ въ одно и то же время заниматься двумя дѣлами...

Итакъ, отправляясь въ походъ, Олегъ долженъ былъ напередъ обезпечить своимъ дружинамъ свободный путь черезъ земли Пацинаковъ (Печенеговъ), что, безъ сомнѣнія онъ и сдѣлалъ, т. е., для предупрежденія нападеній съ ихъ стороны, или заключилъ съ

ними миръ, или даже предложилъ имъ участіе въ походъ. Последнее обстоятельство, кажется намъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: Лѣтописецъ говоритъ, что въ походъ Олега участвовали Хорваты, Дулебы и Тивирцы (которые между племенами, составлявшими тогдашнюю Русь, не изчисляются), а изъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго видно, что Пачинаки, или Печенеги, жили между Днѣпромъ и Дунаемъ и, простираясь далѣе къ сѣверо-востоку, занимали всю нынѣшнюю Бессарабію и Молдавію, большую часть Валахін, нѣсколько Семиградія, всю Подолію и Покутію, большую часть Червонной Россіи и значительную часть Волыни и Украйны. Соображая эти два указанія съ третьимъ указаніемъ Лѣтописца, что Хорваты и Дулебы живаху по Бугу, гдѣ Велици, а Оуличи, Тивирци сѣдаху по Бугу и по Днѣстру и до Дунаа, и бѣ множество ихъ и до моря, и есть градъ ихъ и нынѣ спы,—можно положительно заключить, что эти именно племена и были тотъ самый народъ, который у Константина Багрянороднаго носитъ названіе Пачинаковъ, слѣдственно, въ походъ Олега принимали участіе и Пачинаки.

Такимъ образомъ путь въ Грецію для Руссовъ со стороны Пачинаковъ былъ обезпеченъ. А со стороны Болгаріи? Во время похода Олега, въ Болгаріи царствовалъ, какъ извѣстно, Симеонъ, прозванный книголюбцемъ. Этотъ государь, въ началѣ царствованія до самой почти смерти, велъ періодически войны съ Греками. Въ разные случаи имѣлъ онъ съ греческими царями переговоры, заключалъ миръ, который однакоже за всегда нарушался въ скоромъ времени. Наконецъ, вознамѣрился сей ратный государь однимъ разомъ опровергнуть Византійское государство и возложить на себя цесарскій вѣнецъ (Шритт. ч. IV стр. 44), что едва и не удалось ему. Изъ этого можно заключить, что Болгарія, какъ будто предчувствуя, что скоро должна лишиться своей самостоятельности и что этимъ она обязана будетъ именно Грекамъ, никогда искренно къ нимъ не была расположена, а потому и во время похода Олега она или держала нейтралитетъ, или же была въ союзъ съ Руссами, и не мѣшала имъ разорять греческую имперію по той простой причинѣ, что въ ослабленіи Греціи видѣла средство къ своему собственному усиленію. Такимъ образомъ, навѣрное можно поло-

жить, что и со стороны Болгаріи для дѣйствій дружинъ Олеговыхъ не было препятствій. Потому то, вѣроятно, Лѣтописецъ и не счелъ нужнымъ описывать это путешествіе, что оно совершено было безъ всякихъ особенныхъ приключеній, каковыми были бы неизбежныя стычки съ Печенѣгами, или Болгарами, еслибъ Руссы не были съ ними въ мирѣ. А какъ совершались самыя путешествія Руссовъ, это подробно описываетъ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи: о Государственномъ Управленіи¹. Заимствуемъ изъ его разсказа о древнемъ пути Руссовъ къ Царюграду то, что относится собственно къ нашему предмету. Вотъ что говоритъ Багрянородный: «Провѣхавъ всѣ сіи пороги (Днѣпровскіе) благополучно, приходили они, Руссы, къ *Крарійскому перевозу*... Потомъ пріѣзжали они къ *острову Св. Григорія*, гдѣ приносили жертвы, бросали жеребья и гадали... Провѣхавъ сей островъ, не имѣли уже опасности отъ Печенѣговъ до самой рѣки *Селины*. Въ четыре дни ѣзды достигали они Днѣстровскаго устья, въ которомъ лежалъ островъ Св. Айѣерія. Здѣсь отдыхали они обыкновенно два или три дня, и между тѣмъ снабжали свои суда потребными вещами, а именно: парусами, мачтами и рулями, что все они привозили съ собою. А какъ Днѣстръ въ устьяхъ своихъ образуетъ обширный лиманъ, который простирается до самаго моря, гдѣ лежитъ островъ Св. Айѣерія, то они отъ устья въ поднимались вверхъ по Днѣстру, гдѣ еще отдыхали. Отсюда, ежели вѣтръ былъ благопріятенъ, шли къ рѣкѣ *Бълой*, и, пробывъ нѣсколько времени здѣсь, продолжали путь свой къ *Селину*, которая есть не иное что, какъ рукавъ рѣки Дуная... Переплывъ Селину... и потомъ достигнувъ Болгаріи, продолжали путь къ устьямъ рѣки Дуная, оттуда въ *Копону*, въ городъ Констанцію, къ рѣкамъ *Варнасу* и *Дицину*, которыя вытекаютъ изъ Болгаріи. На послѣдокъ приходили къ области *Месимврійской* (Месимврія—первый греческій городъ въ сей странѣ)»...

Въ изданіяхъ сочиненій Константина Багрянороднаго, въ приведенномъ выше мѣстѣ, вездѣ читается *Днѣпръ*, а не *Днѣстръ*.

1. См. Corpus scriptorum Historiae Byzantinae: Constantinus Porphyrogenitus: Vol. III. De administrando Imperio, Cap. IX, pag. 74.

Впрочемъ, уже и Штриттеръ замѣчаетъ, что тамъ, гдѣ въ послѣдній разъ говорится о Днѣпрѣ, вѣроятно, слѣдуетъ читать *Δανάριον*. — Днѣстръ, а не *Δάναριον*, — Днѣпръ. И дѣйствительно, войско Олега, состоявшее изъ конницы, шедшей берегомъ, и флотиліи, слѣдовавшей за нею вдоль берега отъ Днѣпровскаго устья, продолжая путь далѣе по побережью, доходило до Днѣстровскаго лимана. Здѣсь, по причинѣ ширины его, переправа по немъ конницы была затруднительна, а какъ конница, безъ сомнѣнія, не должна была нигдѣ отдѣляться отъ войска, сидящаго на судахъ, которыя ее сопровождали, и шла по берегу: то и здѣсь, чтобы не разрушить этого строя войска, другъ друга подкрѣплявшаго, оно должно было отступить отъ моря и, вошедши въ лиманъ, мимо острова Св. Айѳерія, поднималось нынѣшнимъ Очаковскимъ гирломъ въ сказанномъ порядкѣ, вверхъ до устья Днѣстра, гдѣ лодки и служили для переправы конницы на другую сторону рѣки, такъ какъ переправа въ этомъ мѣстѣ черезъ Днѣстръ не могла уже быть затруднительна. Днѣстръ не представлялъ уже здѣсь такой ширины, какъ въ лиманѣ, и ладьи съ войскомъ, остановясь у этого мѣста, въ то время, когда переправлялась конница на противоположный берегъ, могли, въ случаѣ нападенія, легко подать помощь войскамъ, находящимся какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу. Далѣе, перешедши Днѣстръ, они слѣдовали тѣмъ же порядкомъ, огибая лиманъ и направляясь къ Бѣлобережью, (*Aspron sive alba civitas*), откуда и выходили въ Черное море однимъ изъ рукавовъ Днѣстровскаго лимана, нынѣшнимъ Цареградскимъ гирломъ, называвшимся въ древности Бѣлой рѣкой (*albus fluvius*).

Итакъ, основываясь на этомъ путевомъ маршрутѣ, записанномъ Константиномъ Багрянороднымъ, мы можемъ сказать утвердительно, что флотилія Олега шла этимъ путемъ. Какъ же шли конныя дружины? Конныя, безъ сомнѣнія, шли берегомъ, и, притомъ, одновременно съ флотомъ. Когда же онѣ встрѣчали на пути рѣки, тогда лодки Олега отъ устьевъ этихъ рѣкъ поднимались вверхъ и перевозили конницу на другой берегъ. Такъ дѣлали они не только, какъ мы сказали выше, при устьѣ Днѣстра, но и при всѣхъ другихъ рѣкахъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ. Такимъ образомъ путешествіе могло совершаться съ полнымъ удобствомъ:

конница, идя берегомъ, не могла нуждаться въ фуражъ для коней, потому что для нихъ былъ лодножный кормъ; чрезъ рѣки переправлялись на лодкахъ, чему немало видимъ примѣровъ въ тѣ времена. Такъ, при императорѣ Теофилѣ, между 829 и 842 г., греческіе пльнники, бывшіе въ Болгаріи, вывезены были оттуда на судахъ, которыя этотъ царь, по ихъ требованію, прислалъ для того на рѣку Дунай¹. А между 912 и 919 г., при императрицѣ Зоѣ, когда Греки пригласили Печенѣговъ къ войнѣ противъ Симеона Болгарскаго, греческій флотъ отправленъ былъ къ Дунаю для *пересадки* чрезъ него² Пачинаковъ. Слѣдственно, это былъ обыкновенный способъ для перевозки войска вообще и особенно конницы чрезъ рѣки,—способъ, которымъ не могъ не пользоваться и Олегъ; при нападеніи же непріятелей могли дѣйствовать совокупно оба войска, и пѣшее, и конное. Достигнувъ *Месимврии*, безъ сомнѣнія, оба эти войска соединились на берегу и расположились станомъ; также и ладьи были вытащены на берегъ, чтобы непріятель не овладѣлъ ими и не истребилъ ихъ. Въ этомъ, самомъ достовѣрномъ, современномъ описаніи, каковъ разсказъ Константина Багрянороднаго о водномъ пути Руссовъ, который они совершали въ лодьяхъ, при походахъ своихъ на Царьградъ, мы имѣемъ положительное свидѣтельство, что этотъ водный путь оканчивался около города Месимврии. По этому несомнѣнному удостовѣренію, мы имѣемъ полное право заключать, что остальной путь Руссовъ отъ Месимврии до Царяграда совершался уже сухопутно. Въ томъ же сочиненіи: о Государственномъ управленіи, въ гл. 42, Константинъ Багрянородный также не говоритъ, чтобы Руссы отправлялись прямо въ Грецію моремъ, но, напротивъ, свидѣтельствуеть, что они направлялись изъ Днѣпра въ черную Болгарію, и, слѣдственно, достигли до Византіи сухимъ путемъ. Здѣсь то именно, въ области Месимврійской, Олегъ высадился на берегъ; здѣсь онъ опустошилъ окрестности и, повелѣвши изготовить телѣги и поставить на нихъ лоды, двинулся съ войскомъ къ устьямъ рѣки Варвизеса (Varbissus) и Кидара (Cydaris)³, вливающимся въ золотой Рогъ, а оттуда къ

1. См. Штритт. ч. IV, стр. 37.

2.—Leo Gram. Corpus Scr. Byz. T. VI. p. 389—390.

3. Турецкія ихъ названія: Али—бей—сою и Кеатъ—хане—сою.

передовымъ укрѣпленіямъ Цареградскимъ, или *Судамъ*, которые Греки замкнули, а городъ затворили.

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ обратиться къ объясненію значенія того *Суда*, который Греки замкнули, въ виду приближавшагося непріятельскаго войска. Шлецеръ можетъ служить превосходною помощію въ этомъ объясненіи. *Судомъ* назывался обыкновенно всякій, обнесенный палисадомъ ровъ, или, вообще, укрѣпленіе. Дюканжъ, въ обоихъ своихъ словаряхъ, греческомъ и латинскомъ, для объясненія слова *Судъ*, *Συδα*, *Συδατον*, *Suda*, *Sudare*, приводитъ множество мѣстъ, гдѣ слово это означаетъ мѣсто, обнесенное тыномъ, или заборомъ, *sudibus*. Въ обыкновенномъ же смыслѣ *suda* значить: *fossa seu potius valum, vel sudes, quibus vallum ipsum et castra muniuntur*,—ровъ или, скорѣе, валъ или палисадъ, которымъ самый валъ и лагери ограждаются и укрѣпляются. Уже у Аммиана читаемъ: *vallo sudibus fossaque formato*—составя окопъ изъ палисады и рва. Таковыхъ *Судъ* вѣрно было много кругомъ Константинополя. Тотъ *Судъ*, о которомъ здѣсь говорится, былъ сооруженъ въ предмѣстіяхъ Константинопольскихъ, и составлялъ передовое укрѣпленіе передъ Византіей, съ сѣверной ея стороны. Это былъ именно *Συδα πλατεια*, устроенный Императоромъ Львомъ Армяниномъ, который, когда, въ 814 г., Болгары угрожали даже Константинополю, считая недостаточною стѣну, бывшую передъ Влахерною, велѣлъ передъ нею сдѣлать еще другую и вырыть широкій ровъ¹; такъ какъ именно сюда направлялось нападеніе на Царьградъ, какъ Болгаръ, такъ, по примѣру ихъ, и Руссовъ. Укрѣпленіе это находилось на сѣверной сторонѣ Византіи, прямо предъ Влахерною. Въ указанной мѣстности находилось и предмѣстіе Св. Мамы, гдѣ во имя этого святаго сооружена была Церковь; былъ монастырь того же названія и устроена была Императоромъ Львомъ гавань

1. Вотъ что говоритъ объ этомъ Симеонъ Магистръ, р. 618: *ταῦτα ἀκούσας Λέων, πέμψας τε κατασκόπους καὶ μαθὼν τὴν ἀλήθειαν, συναθροίσας λαὸν πολὺν καὶ τεχνίτας ἤρξατο κτίζειν ἕτερον τεῖχος ἔξωθεν τοῦ τείχους τῶν Βλαχερνῶν, κόψας καὶ τὴν σοῦδαν πλατείαν.*

съ крытыми переходами (портиками). Около этого предмѣстія находился мостъ, на 12 аркахъ, соединявшій во времена Филиппа Македонскаго оба берега Золотаго Рога. Изъ вышеприведенныхъ древнихъ свидѣтельствъ о сказанныхъ двухъ мѣстностяхъ, видно: 1., что предмѣстіе Св. Мамы лежало на берегу Золотаго Рога, на сѣверной сторонѣ Византіи, противъ Влахерны; 2., что укрѣпленіе, называвшееся *Συδα πλατεια* возведено было также на сѣверной сторонѣ Византіи, противъ Влахерны. Изъ всего этого само собою вытекаетъ то неизбѣжное заключеніе, что именно Константинопольское предмѣстіе Св. Мамы и было обнесено валомъ съ частоколомъ, окружено ровомъ и составляло для Константинополя, по правдивому замѣчанію Шлецера, тоже, что Кронштатъ для Петербурга, и находилось такъ близко къ берегу Золотаго Рога, что по немъ можно было стрѣлять изъ *κακὰ βοπυρφοροῦς* (кораблей, вооруженныхъ греческимъ огнемъ). Теперь понятно, почему въ древности эту мѣстность нѣкоторые называли *Судомъ*, а другіе *весью Св. Мамы*.

Не можемъ здѣсь не замѣтить также, что *Лѣтописецъ Русскихъ Царей*, при изчисленіи русскихъ городовъ, на которые Олегъ требовалъ уклады, или дани отъ Грековъ, какъ мы видѣли выше, ясно изображаетъ, въ строго опредѣленномъ порядкѣ, тогдашнее древнѣйшее раздѣленіе Руси на южную и сѣверную Русь, съ Кіевомъ во главѣ первой и съ Новгородомъ во главѣ второй. Позднѣйшіе передѣльватели основной нашей лѣтописи, утративши эти свѣдѣнія о древнемъ строѣ русской земли, не упоминаютъ уже вовсе о Новгородѣ, и тѣмъ самымъ совершенно спутываютъ все дѣло и сбиваютъ съ толку новѣйшихъ изслѣдователей. Такъ, недавно еще, высказана была, по этому поводу, та мысль, что такое умолчаніе о Новгородѣ въ нашихъ лѣтописяхъ,—замѣтимъ съ своей стороны, не вездѣ, а только въ позднѣйшихъ редакціяхъ,—ясно свидѣтельствуетъ, что Новгородъ при Олегѣ уже не принадлежалъ къ русскимъ городамъ. Совершенно противное заключеніе слѣдуетъ изъ древнѣйшаго *Лѣтописца Русскихъ Царей*.

Здѣсь же, кстати, не можемъ не упомянуть и еще объ одномъ, не менѣе замѣчательномъ вариантѣ нашего Лѣтописца, сравнительно съ прочими Временниками.

Лѣтописецъ Русскихъ Царей, по списку Переяславля Суздальскаго, стр. 5.

И избраша ѿ братьи с родо своимъ. и поша по собѣ вси Русь. и придоша ко Словенѣ. и сздѣлаша гра Ладогѣ. и сздѣ старшинъ въ Ладозѣ Рюрикъ. а ѿ Синеусъ на Бѣле езерѣ. ѿ Трѣверъ въ Изворскѣ. и ѿ тѣ Варягъ прозваша Русская земля Новгородѣ. тѣи и сѣтъ Новгородци, ѿ рода Варяжска. прѣ во вѣше Словенѣ.

Лѣтописный сводъ, по списку Лаврентія мниха въ П. С. Р. Л., т. I., стр. 9.

И избрашася ѿ братья съ роды своими, поша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворѣ. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новгородци: ти суть людѣ Ноугородци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни.

Варианты: въ спискахъ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ нѣтъ: Новгородци... Словѣни; а въ Радзивиловскомъ и Троицкомъ: Новгородъ, тѣи суть людѣ Новгородци (Новгородци) отъ рода Варяжска (варяжска), преже бо бѣша Словѣне.

Въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей здѣсь особенно ясно отличается отъ другихъ лѣтописцевъ слово: **Новгородѣ**, тогда какъ во всѣхъ другихъ спискахъ мы видимъ здѣсь: **Новгородци** и **Новгородъ**, что во всякомъ случаѣ гораздо менѣе соотвѣтственно съ дѣйствительнымъ смысломъ описанія, чѣмъ **Новгородѣ**, такъ какъ здѣсь говорится прямо о землѣ русской, которая, очевидно, не могла прозваться ни **Новгородомъ**, ни **Новгородцами**, ибо, по свойству русскаго языка, первое названіе можетъ принадлежать только городу, а послѣднее только людямъ, но **Новгородѣмъ** называться могла; въ сообразность съ чѣмъ и новоселенцы ея назывались **Новгородци**. Въ позднѣйшихъ редакціяхъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, стершееся **д** подѣ титломъ и **ѣ** принятое за **з**, вѣроятно, ввело въ ошибку переписчиковъ, и слово **Новгородѣ** было неправильно замѣнено словами: **Новгородъ** и **Новгородци**. Отсюда, очевидно, Лѣтописецъ Русскихъ Царей представляеть и въ этомъ мѣстѣ самое правильное и вѣрное чтеніе древняго

1. Въ подлин. ѿ. а

разказа. Такое чтеніе, естественно, могло сохраниться только въ наиболее древней редакціи основной лѣтописи, отрывки которой преимущественно уцѣлѣли въ нашемъ лѣтописцѣ.

Въ приведенномъ выше мѣстѣ встрѣчается одно выраженіе, которое приводило и приводитъ до сихъ поръ въ недоумѣніе многихъ изслѣдователей древнихъ лѣтописныхъ памятниковъ. Это знаменитое: *Поаша по собѣ вси Рѹси*, какъ оно до сихъ поръ читалось. Намъ кажется, что здѣсь слѣдуетъ читать: *Поаша во собѣ вси Рѹси*. Въ первоначальномъ текстѣ здѣсь, вѣроятно, стояло слово *вси*, которое въ позднѣйшихъ редакціяхъ, легко могло обратиться въ слово *всю* черезъ простую и весьма возможную перемѣну буквы *к* на букву *ю*. Слово *Рѹси*, какъ замѣчаетъ А. Ѡ. Вельманъ, въ славянскомъ мірѣ означало и царство, и царскую дружину; было и частнымъ и общимъ прозвищемъ *мѹжей* войсковаго сословія¹. Такъ мы видимъ, что Рюрикъ, отправляясь въ Ладогу, составилъ свою дружину *вси* изъ одной Руси, т. е., не изъ народа Руси, а изъ Руси — сословія, или тѣхъ *мѹжей*, называемыхъ имъ вездѣ *своими*, которые составляли людей добродородныхъ (*nobiles*). Этихъ сословныхъ, добродородныхъ мужей, эту Русь дружины Рюриковой, никакъ не должно смѣшивать съ простородьемъ — съ Варягами. Необходимо заключить такъ и въ отношеніи Аскольда и Диры, что они, принадлежа только къ простымъ Варягамъ, завладѣвъ Кіевомъ, назвались Русью, и княжили въ немъ не по праву добрододія. Изъ чего становится яснымъ настоящій смыслъ словъ, обращенныхъ Олегомъ къ Аскольду и Диру: онъ обвиняетъ ихъ прямо въ самозванствѣ, и, вслѣдствіе этого, приказываетъ ихъ казнить. Подтверженіе указанному выше значенію Руси, какъ высшаго сословія, находимъ въ томъ еще, что какъ Рюрикъ, такъ и Олегъ, вездѣ ставили правителями въ земляхъ Славянскихъ добродородныхъ *мѹжей своихъ* — *Рѹси*. Отъ этихъ-то правителей, отъ этой то *Рѹси*, и всѣ земли славянскія, гдѣ они властвовали и начальствовали, стали называться *Рѹсью*. И въ новѣйшее время мы видимъ нѣчто этому подобное. Такъ, тѣ мѣстности въ Россіи, гдѣ преобладаетъ польское шляхетское сословіе, назывались губерніями

1. См. Аттила и Русь IV и V вѣка А. Вельмана, Москва 1858 г. стр. 118.

польскими, хотя большинство населенія всегда состояло и состоитъ изъ коренныхъ русскихъ. То же видимъ въ прибалтійскихъ мѣстностяхъ, гдѣ дворянство состоитъ изъ потомковъ нѣмецкаго рыцарства, а большинство, простонародье, изъ Латышей, Эстовъ, Русскихъ и другихъ народностей, не смотря на то что эти мѣстности назывались нѣмецкими провинціями. Въ Австріи, землѣ Галицкой, (Червонной Руси), гдѣ большинство народонаселенія чисто русское, а шляхетство польское,— стараются нынѣ навязать наименованіе польской земли.

Рѣчь, которую набралъ Рюрикъ въ дружину свою, состояла все изъ мужей именитыхъ, добродородныхъ (nobiles). Въ числѣ ихъ были: Ярлы, Гуды, Бруны, Моны.

Выше мы нашли необходимымъ исправить въ текстѣ договора Олегова ошибочное чтеніе слова: Карлы, замѣнивъ его словомъ Иарлы (Ярлы.) Не вдаваясь здѣсь въ подробное объясненіе этого слова, о которомъ мы говоримъ ниже въ Приложеніи¹, мы не можемъ не замѣтить, что собирательныя имена: Иарлы, Гуды, означавшія въ древней Лѣтописи извѣстное званіе, до сихъ поръ не были поняты и истолкованы въ настоящемъ своемъ смыслѣ изслѣдователями лѣтописныхъ русскихъ памятниковъ.

Первое изъ этихъ названій вовсе не составляло, какъ думаютъ нѣкоторые, имени собственнаго Карлы во множественномъ числѣ. Оно не болѣе какъ ошибочно написанное слово Иарлы, гдѣ буква и, по предвзятой идеѣ, или просто по недосмотру, обращено въ к. Въ настоящемъ своемъ чтеніи, Иарлы, это множественное число отъ слова Иарлы, Ярлы, означающаго званіе, равное Боярину. Въ договорѣ Игоря 945 года слово Карлы замѣнено словомъ Кары. Но для насъ здѣсь преимущественно важно наименованіе Гуды. Слово Гуды однозначуще слову Добрый человекъ, въ особенности замѣчательно потому, что въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей, подъ 993 годомъ, мы встрѣчаемъ важное указаніе на то обстоятельство, что Владимиръ, за единоборство съ Печенѣгомъ, возводитъ старца, сельскаго старшину, и его сына въ званіе Добра человекъ.

1. См. Приложеніе I.

Гѣды—это тоже, что наши древніе Добри мѡужи, добродные, т. е., владатели, люди именитые, владѣвшіе поземельною собственностію. Слово это, по производству своему, происходитъ отъ добра, не въ смыслѣ качественномъ, но въ смыслѣ имущественномъ, какъ имѣнія, владѣнія, достатка, а не нравственной доброты. Въ послѣдствіи, когда уже утратился въ народномъ представленіи этотъ первоначальный, коренной смыслъ слова, оно преобразилось въ народномъ говорѣ, по одному словесному своему смыслу, въ слова: именитые, (отъ имѣнія), лѣпшіе, лучшіе, великіе мужи.

Не можемъ не обратить снова вниманія, по поводу этой замѣны словъ, на замѣчательный древній вариантъ, находящійся въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей. Въ разсказъ о вызовѣ Печенѣгами русскаго богатыря на ратоборство съ печенѣжскимъ великаномъ, мы встречаемся въ немъ съ слѣдующими особенностями противъ другихъ нашихъ Лѣтописцевъ. Разсказъ представляетъ болѣе сжатости, простоты и соответствія съ дѣйствительностью. Кроме того, мы находимъ въ немъ много подробностей, обращающихъ на себя особенное вниманіе, изъ которыхъ мы укажемъ здѣсь только прямо относящіяся къ нашему предмету. Такъ, въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей сказано: И прииде к нѣмю (Володиміру) Стариць нѣкій; въ Лаврентьевскомъ же: И единъ старъ мѡжъ. Далѣе, гдѣ говорится, что послѣ единоборства русскаго юноши съ печенѣжскимъ богатыремъ, награждая побѣдителя, Володимиръ же члкомъ створи его и ѡца ѣ,—въ Лаврентьевскомъ спискѣ сказано: Володимиръ же великимъ мѡжмъ створи того и отца его. Очевидно, въ томъ спискѣ, гдѣ мы читаемъ, что Володимиръ створи члкомъ его и отца его, въ древнемъ подлинникѣ стояло добрымъ члкомъ, изъ коихъ первое слово составляетъ позднѣйшій уже пропускъ. Безъ этаго слова, нѣтъ сомнѣнія, послѣднее не могло здѣсь стоять; иначе это мѣсто не имѣло бы смысла. Истина того предположенія, что въ указанномъ мѣстѣ стояло въ первоначальной лѣтописи: добрымъ члкомъ, подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что это выраженіе, въ позднѣйшихъ редакціяхъ, замѣнено словами: великимъ мѡжмъ; разница состоитъ только въ томъ, что въ древнѣйшей редакціи выраженіе добрымъ члкомъ имѣетъ опредѣленный, точный смыслъ; тогда какъ слова, замѣнившія это

выраженіе, въ позднѣйшихъ спискахъ, бланкиміи мѣжміи, имѣютъ отвлеченный, неопредѣленный смыслъ.

Такое же точно общее, неопредѣленное выраженіе, или, даже вовсе отсутствіе всякаго смысла произошло въ позднѣйшихъ редакціяхъ отъ такого же непонятаго значенія слова добрѣи въ настоящемъ древнемъ смыслѣ этого слова. Смыслъ этотъ сохранился въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей; въ другихъ же спискахъ онъ совершенно утратился. Въ Лѣтописцѣ нашемъ мы читаемъ, что Ольга, призвавши къ себѣ пословъ Древлянскихъ, спрашиваетъ ихъ: добрѣи гости прѣидоша? т. е., именитые—ли, добры—ли эти мѣжи; такъ какъ это—то именно и было необходимо для нея знать при извѣстныхъ ей цѣляхъ, въ видахъ отмщенія Древлянамъ за смерть ея мужа,—какъ это мы видимъ ниже въ Лѣтописцѣ, гдѣ Ольга требуетъ, чтобы были присланы къ ней именно нарочитые, добродородные люди, т. е., добры мѣжи. На вопросъ этотъ Древляне даютъ Ольгѣ самый соответственный отвѣтъ. Они отвѣчаютъ ей: Добры, княгинѣ, т. е., мы люди дѣйствительно добродородные, или, что то же, Добры мѣжи. Все это вполне сообразно и до точности согласно съ дѣйствительнымъ древнимъ смысломъ всего сказанія. Въ позднѣйшихъ же редакціяхъ мы встрѣчаемся съ неудачною передѣлкою разсказа. Ольга, хотя и дѣлаетъ въ немъ тотъ же вопросъ: добрѣи гости прѣидоша, но получаетъ уже совсѣмъ иной отвѣтъ. Въмѣсто словъ: добры, княгинѣ, поставлено уже: прѣидохомѣи, княгинѣ. Въ отвѣтъ этомъ нѣтъ уже того точнаго древняго смысла, который вполне отвѣчаетъ вопросу Ольги. Удивительно, что до сихъ поръ не замѣчено было, какъ странно отвѣтъ Древлянскихъ пословъ на очень естественный вопросъ княгини о ихъ добродороствѣ. Они отвѣчаютъ, въ позднѣйшихъ редакціяхъ, вовсе не на то, о чемъ спрашиваетъ ихъ Ольга, а напротивъ на то, о чемъ она никакъ не могла ихъ спрашивать, именно потому что и безъ того знала, что они пришли къ ней и видѣла уже ихъ передъ собою, и, слѣдственно, вопросъ ея къ нимъ никакъ не могъ быть о томъ, пришли ли они къ ней. Позднѣйшая редакція, не понявши истиннаго значенія вопроса Ольги, и, лишивъ его, на основаніи своихъ наивныхъ соображеній, вовсе смысла, обезсмыслила и самый отвѣтъ пословъ Древлянскихъ.

еперь переходимъ къ другому сказанію — о крещеніи Великой Княгини Ольги въ Царѣградѣ.

Въ лѣт. ꙗз. ѱг. ѱг. Олга иде¹ въ Греки прииде къ Црѣградѣ. и бѣ тогда црѣ Константинъ. синъ Левшновъ. и видѣвъ ю красную стѣло лицемъ. и смыслену оумомъ. и оудивѣ црѣ разумю еѣ. и бесѣдова к ней. и рѣ еѣ слово к любви. побна еѣи црѣтовати. с нами въ граде семъ. она же разумевши рѣ еѣмоу. како то слово исполнися црѣю понеже азъ погана есмь. да аще ма хоцеши видѣти царницею ровною собѣ². то первѣе крести ма. рече црѣ³ да аще взмѣнишь тѣ⁴. Бгъ съ крщеными. то и съ полуучиши. Она же рече⁵. да аще ма хоцеши крестити. то крести ма самъ. ащели ни⁶. то не крещиеш. црѣ же безмерно рѣ бы. и рѣ еѣ патриарху възвещиши слово еѣ. она же рѣ готовъ ли еѣи поручитица по мнѣ Бгю и патриарху. онъ же рѣ. и поручиеш рѣ. она же рѣ. то оуже время прииде крѣти ма самъ. и поручиеш црѣ патриарху. и посла къ патриарху да ю креститъ. Олга жъ пришедъ къ церкви не видѣ царя оу церкви. и рече кому ма крестити. патриархъ же рече азъ крещоу тѣ. Олга жъ посла ко царю и рече аще ма хоцешъ крестити, то самъ ма крести. аще ли не крестиши ма самъ. то не крещоуся. и шедъ царь. и крѣстиша ю патриархъ и црѣ. Просвѣщена же бывши радовашеса дшю и тѣломъ. и поуцѣ ю патриархъ. рѣ еѣ сице ѡ вѣрѣ. блвна ты въ женѣ

1. Слова, напечатанныя съ разстановкой буквъ, заимствованы изъ текста списковъ, помѣщенныхъ въ 1 т. Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, и изъ текста рукописи Архангелогородской, приведенной у Шлецера, Т. III, стр. 359, по переводу Д. Языкова.

2. Слово ровнѣ, какъ это ясно теперь по смыслу и связи рѣчи, очевидно пропущено здѣсь переписчикомъ.

3. Слова рече Царь пропущены переписчикомъ.

4. Въ подлинникѣ: ма.

5. Слова эти: она же рече, здѣсь, безъ сомнѣнія, также были пропущены при перепискѣ.

6. Въ подлинникѣ: аще ли.

Рѹсскій, яко възлюбилъ свѣтъ а тмю шѣтѣви. влѣвити бо та имоу снѣвѣ Рѹстїи. и въ послѣднїи рѣчѣхъ твоихъ. и заповѣда єи шѣ црковнѣмъ оустѣвѣ. и мѣтѣхъ. и постѣхъ. и шѣ мѣлостини. и шѣ въздѣржанїи тѣла ѹта. шѣна же поклонивши главоу стоаше. акїи гюба водоу принимаше въ свое єитво. тако оучителѣ изъ оустъ слово. въ срѣци принимаше. и поклонше патриархѹ рѣчи. мѣтвѣми твоими влѣкш да сзхрѣненѣ боудѣ шѣ сѣтѣи неприназненѣ. Бѣже имѣ єи речено въ крѣщенїи Шленѣ. якоже и прѣзва црѣца. мѣти великаго Кѹстантина. и влѣви ю патриархѹ и шѣпѣтї ю. и прѣзва ю црѣ. рѣчи єи. хощѣша рѣчати женѣ. шѣна же шѣвѣща како ма хощешїи рѣчати женѣ а крѣтив ма сѣ и нарекѣ ма дщери. а бо хрѣтнанѣ

7 и 8. Въ подлинникѣ: понати. Очевидно, переписчикѣ, безъ всякаго умысла, не нашедши въ этомъ мѣстѣ, въ обветшаломъ спискѣ, долженствовавшей стоять надъ словомъ, буквы в, подъ титломъ, и не разобравши стершейся буквы р, и легко принявъ послѣднюю за п, написалъ понати, вмѣсто стоявшаго тутъ прежде: рѣчати. Самое написанїе здѣсь слова: понати ясно указываетъ на такое образованїе его изъ слова ровнати, потому что въ немъ осталась буква и, которая бы никакъ не могла тутъ явиться, если бы переписчикъ долженъ былъ написать прямо: полти. Если же принять предположенїе, что невѣжественный поновитель древней лѣтописи, понявши превратно разсказъ лѣтописца, вознамѣрился замѣнить непонятое имъ слово: ровнати словомъ, соответственнымъ предвзятой имъ мысли, то онъ поставилъ бы не слово понати, а полти, такъ какъ слово понати въ древности не употреблялось. Въ Изборникѣ Григорїа мниха, Превсвитера Болгарскаго, на листѣ 33 обор., читаемъ: и видѣхъ въ трѣбници прѣбывающю шѣтроковицю въ службѣхъ възданю шѣцѣмъ своимъ Вифешѣмъ нарицаемою Адромедю дѣцю. Оию исторгѣхъ ис трѣбница и влоудивѣхъ с нею вѣ бо красна. пол ю женѣ.» Также и въ Лѣтописцѣ Рѹсскихъ Царей на стр. 69: «пол ю советѣ женѣ.» Поэтому то позднѣйшіе переписчики, встрѣтивъ въ древней рукописи, которая, въ сокращенномъ видѣ, перешла въ Лѣтописецъ Рѹсскихъ Царей, слово: понати, переправили его въ слово: полти, чего добросовѣстный переписчикъ нашей рукописи сдѣлать не рѣшился.

того нѣ законѣ. ты и сѧ вси. и рѣ црѣ. прѣканка ма Шл҃га.
и вѣдѣсть еѣ дары многы. злато и сребро и паволоки. и
сребды рѣзаныя. и шпѣсти ю. нарѣкз ю дщерь себе. и пакы приде
кз патриархѣ бл҃венїа просѣ на дѣ. и рѣ емоу людїе мои погани
и снѣ мон. дабы ма Бѣх сзбавї ш̄ всего зла. и рѣ патриархѣ уѧ
верное вѣ Хѧ крѣтилѣса еѣ. и вѣ Хѧ шблѣса. Хѣ имать сзхранити
тѧ. ꙗко же сзхранї еноха. вѣ. а. а роды. и Ноѧ ш̄ потопа.
ѡбрама ш̄ Авимелеха. Лота ш̄ Обмланѣ. Мшѣса ш̄ Фараѡна.
Дѣда. ш̄ Саулѧ. г. ю штрѡкѣ ш̄ пещи. Данила ш̄ лвовѣ. тако
и тѣбѣ избавї ш̄ невриѣзни и сѣти егѡ. и бл҃ви ю патриархѣ.
и дасть еѣ прозѣвѣтера. и приде вѣ Киевѣх. Се бѣ бл҃ши Оужь-
скїе црѣци. и приде видѣти прѣмоуѣрѡсть Голомани. ꙗ сѧ же Хѧ
оувидѣ. пакы приелѧ к неѣ црѣ рѣ. азѣ дарї тѧ. ꙗ ты такѣ рекла
еѣ. егда възвѣрашѡса тогда шдарю. шна же рѣ. саю. ꙗще ты
такѡже постоиши вѣ Почаїне. ꙗко азѣ в Оудѣ. тогда ти въз-
дамѣ. и шпоусти слѣ. и живаше сѣ сынѡ етѡславома оууаше егѡ
крѣтитї. шнже ни вѣ оуши приѣмаше. но ꙗще ктѡ хѡщѣть крѣ-
титѣ не възвѣранахѣ. Шл҃га. молаше Бѧ за снѧ. по всѣ дни и ношї.

Возстановивши здѣсь, по возможности, изъ уцѣлѣвшихъ облом-
ковъ первоначальнаго лѣтописнаго повѣствованїя, правильное его
чтенїе, мы постараемся теперь возстановить и настоящїй смыслъ
сказанїя.

Общее содержанїе всего этого разсказа еще и до сихъ поръ
толкуется нѣкоторыми историками въ совершенномъ противорѣчїи
съ прямыми указанїями нашей первоначальной лѣтописи. Какъ
извѣстно, многїе, предполагая въ В. К. Ольгѣ одну только исклю-
чительно набожную цѣль поѣздки въ Царьградъ, во всемъ этомъ
разсказѣ только и видятъ эту одну цѣль. Не признавая за этимъ
сказанїемъ, какъ бы слѣдовало признавать, всецѣлой исторической
истинности, и считая его баснословнымъ, они позволяютъ себѣ
относиться къ разсказу первоначальной лѣтописи съ необыкновенной
легкостїю, не какъ къ основѣ всей нашей исторїи, а, напротивъ,
какъ къ такому неважному и неглубокому произведенїю, которое

9. Въ подлинникѣ: в Оудѣ рѣцѣ.

можно переиначивать, какъ угодно, по своему собственному усмотрѣнію, по своимъ особеннымъ предвзятымъ понятіямъ. Держась совершенно инаго взгляда, относительно первоначальной нашей лѣтописи; ставя ее первою основою нашей исторической науки и дорожа каждымъ словомъ этого драгоценнаго памятника древней нашей письменности, мы, съ своей стороны, находимъ въ немъ, въ данномъ случаѣ, совершенно иное содержаніе, нежели тѣ, которые не желаютъ строго держаться самаго текста. Такъ, при всемъ глубокомъ уваженіи нашемъ къ памяти Преосвященнаго Филарета, Архіепископа Черниговскаго, мы не можемъ не заявить здѣсь нашего несогласія съ его пониманіемъ приведеннаго выше сказанія. Въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: «Русскіе Святые, чтимые Православною Церковію», мѣсяць Іюнь, стр. 66, описывая жизнь Св. равноапостольной В. К. Ольги, Преосвященный говоритъ, что, въ словахъ лѣтописи, «кромѣ подтвержденія главному событію—пребыванію Ольги въ Царѣградѣ, видѣнъ самый порядокъ занятій ея въ Царѣградѣ. Первымъ дѣломъ ея было открыть Патриарху свои искреннія намѣренія о вѣрѣ; потомъ, выслушавъ наставленія въ вѣрѣ, принять крещеніе, наконецъ уже видѣться съ дворомъ.» Лѣтопись же сама представляетъ это дѣло иначе. Въ ней мы видимъ:

1. Ольга, довольно долгое время была задержана въ Суду. О причинахъ такого задержанія ея лѣтопись наша скромно умалчиваетъ; но изъ записокъ Константина Багрянороднаго, въ которыхъ онъ, какъ очевидно, противъ своего желанія, проговаривается объ этомъ обстоятельстве, непріятномъ и унижительномъ, по его понятіямъ, для Византійскаго Двора, мы, при посредствѣ и съ помощію нашей лѣтописи, вправѣ предположить, что въ это самое время, именно отъ конца Іюня или начала Іюля до перваго пріема Ольги при Дворѣ, т. е., до 9 Сентября, она вела переговоры съ Константиномъ о брачномъ союзѣ Святослава съ одною изъ греческихъ принцессъ и о цесарскомъ достоинствѣ какъ для него, такъ и для себя самой; при чемъ Ольга хотя и потерпѣла неудачу въ отношеніи своего перваго предложенія, но ей подана была надежда на полученіе цесарскаго достоинства собственно для нея лично.

2. За тѣмъ Ольга допущена въ Константинополь, гдѣ имѣетъ первое представленіе ко Двору, 9 Сентября. Здѣсь Императоръ,

бесѣдуя съ Ольгой, дѣлаетъ ей намеки на то, что въ случаѣ согласія ея на заключеніе мирнаго договора съ Византіей, она будетъ пользоваться цесарскими почестями отъ Византійскаго Двора.

3. Ольга возражаетъ противъ этого тѣмъ, что она язычница.

4. Императоръ говоритъ, что ежели она крестится, то этимъ уничтожатся всѣ препятствія въ этомъ дѣлѣ.

5. Ольга изъявляетъ свое согласіе на крещеніе, но только съ тѣмъ условіемъ, если самъ Императоръ будетъ по ней поручителемъ, какъ предъ Богомъ, такъ и предъ Патріархомъ, при оглашеніи и при крещеніи, на что Императоръ съ своей стороны тоже соглашается.

6. Императоръ увѣдомляетъ Патріарха о желаніи Ольги креститься. Послѣ этого только и могло послѣдовать первое ея оглашеніе.

Здѣсь мы считаемъ неизлишнимъ, для наибольшаго поясненія самаго событія, привести описаніе обряда оглашенія и таинства Св. Крещенія, какъ совершались они надъ возрастными язычниками, въ Софійскомъ Константинопольскомъ Соборѣ. Заимствуемъ описаніе обряда оглашенія и таинства Св. Крещенія изъ «Пособія къ изученію устава богослуженія православной церкви», превосходнаго сочиненія Священника Константина Никольскаго:

«Взрослаго, т. е., начиная съ 7-ми лѣтняго возраста (Тимоѡ. Александр. пр. 1), желающаго креститься Святая Церковь не прежде допускаетъ до святаго крещенія, какъ напередъ испытать, искренно ли онъ желаетъ оставить прежнія заблужденія и войти въ общеніе съ Православною Церковію, и огласивъ его, то есть, научивъ вѣрѣ Христовой.

Оглашеніе надъ возрастными совершается не надъ всѣми одинаково. Иначе, напр., надъ язычниками, иначе надъ Іудеями, иначе надъ магометанами. Воспріемники бывають какъ при крещеніи младенцевъ, такъ и возрастныхъ. При крещеніи возрастныхъ, воспріемники служатъ къ тому, чтобы быть свидѣтелями и поручителями вѣры и обѣтовъ крещаемаго, и такимъ образомъ устранивъ въ крещеніи ихъ всякій обманъ, подлогъ, лицемѣріе, и проч.

(VI Всел. Соб. пр. 14). При крещеніи возрастныхъ соблюдается слѣдующее: желающіе креститься сперва молитвословіями и Священнодѣйствіями отдѣляются отъ общества невѣрующихъ, при чемъ нарекаютъ имъ христіанское имя, за тѣмъ совершаются три оглашенія. Въ первомъ оглашеніи желающіе креститься подробно изчисляють заблужденія ихъ вѣры, отрекаются отъ нихъ и изъявляютъ желаніе сочетаться Христу. Во второмъ оглашеніи раздѣльно исповѣдуютъ догматы Православной Церкви и читаютъ клятвенное исповѣданіе, что они отвергаются отъ всѣхъ прежнихъ заблужденій, приѣмлютъ догматы Православной Церкви не изъ какой либо бѣды, нужды, не изъ страха или нищеты, долга или прибытка, но ради спасенія души, любя Христа Спасителя отъ всей души. Первое и второе оглашеніе бываетъ только надъ возрастными. Третіе же оглашеніе совершается и надъ возрастными, и надъ младенцами, и начинается съ одними и тѣми же обрядами надъ ними. Въ Требникѣ сказано, что это оглашеніе начинается такимъ образомъ: «разрѣшаетъ Священникъ поясъ хотящаго просвѣтитися и отрѣшаетъ его, и поставляетъ его къ востоку, во единой ризѣ не препоясана, не покровена, и не обувена, имущаго руцѣ долѣ.

Разрѣшеніе пояса и совлеченіе одежды изображаетъ совлеченіе ветхаго человѣка съ дѣяньми его, (Колос. 3. 9), оставленіе грѣховной жизни. За тѣмъ слѣдуютъ священнодѣйствія и молитвы, коими, главнымъ образомъ, отгоняется діаволь. *Священникъ дуеъ* трижды на лице оглашеннаго и *знаменуетъ чело его и перси* трижды, и *налагаетъ руку* на главу его, и читаетъ сперва *предогласительныя*, а потомъ *молитвы заклинательныя*. При окончаніи заклинательныхъ молитвъ Священникъ опять совершаетъ *дуновеніе*. За тѣмъ бываетъ отреченіе самого оглашеннаго отъ сатаны. Оглашеннаго съ подъятыми къверху руками (*ἀνωτὰς χεῖρας ἔχοντα*) Священникъ *обращаетъ на западъ*, къ той странѣ, на которой появляется тьма, потому что сатана, отъ котораго надлежитъ отречься, есть тьма и во тѣмъ имѣетъ державу. Оглашенный, *имѣя руцѣ горь*, указываетъ ими область міродержателя тьмы, духа злобы поднебеснаго (Еф. 6: 12). Стоя въ такомъ положеніи, оглашенный, по троекратному вопросу Священника, *отрицается сатаны* и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ аггелъ его, и всего служенія его, и всея гордыни его.

Это троекратное отреченіе оканчивается тѣмъ, что *дуетъ и плюетъ* на сатану, показывая немощь діавола и выражая презрѣніе къ нему.

Послѣ отреченія отъ діавола оглашенный *сочетавается Христу*. Оглашенный *обращается на востокъ*, страну свѣта, «*долъ руцъ и муци*» т. е., *опускаетъ руки*, изображая тѣмъ смиреніе и покорность Богу, и троекратно выражаетъ желаніе сочетаться Христу (*συντάξασθαι τῷ Χριστῷ*). Сочетаніе Христу означаетъ обѣщаніе быть покорнымъ Ему, обязательство вступить въ число Его воиновъ. Какъ бы въ видѣ присяги, которую воинъ даетъ Государю, оглашенный троекратно на вопросы Священника: «сочетался ли Христу и вѣруешь ли Ему», отвѣчаетъ: «сочетался и вѣрую Ему (Христу), яко Царю и Богу», и трижды читаетъ исповѣданіе вѣры, какъ бы изъясняя, какъ онъ вѣруетъ. За тѣмъ Священникъ приглашаетъ его поклониться Христу; оглашенный покланяется, говоря: «покланяюся Отцу, Сыну и Святому Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй». Это поклоненіе должно быть съ коленнопреклоненіемъ, говоритъ Св. Василій Великій (Вас. Вел. сл. о крещеніи XIII, Нов. Скр. ч. IV, гл. 5, § 20). Все это уставъ повелѣваетъ совершать въ притворѣ храма.»

Надѣмся, что на насъ не посвѣтуютъ какъ за то, что мы здѣсь выписали, такъ и за то, что мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ изъ относящагося къ этому предмету, заимствуя греческій текстъ изъ Евхологіона Гоара, и славянскіе переводы изъ древнихъ Требниковъ Московской Синодальной Библіотеки.

7. По окончаніи втораго оглашенія надъ В. Кн. Ольгою, совершено таинство Св. крещенія въ великой крещальнѣ Софійскаго Собора. Крещеніе это, какъ мы полагаемъ, должно было произойти въ одинъ изъ торжественныхъ праздничныхъ дней, какъ по тому обстоятельству, что оно совершалось надъ такою знаменитою личностію, какъ правительница Руси, такъ и потому, что въ то время существовалъ еще обычай избирать для крещенія нарочитые дни въ году, преимущественно день Богоявленія, Пасхи и Пятидесятницы, и хотя положительныхъ правилъ на это въ Церкви не опредѣлено, но общеою мыслию св. отцевъ всегда было только

то, чтобы крещеніе совершалось безотлагательно¹. Въ 957 году 18-го Октября приходилось въ Воскресенье, и въ это же число совершается празднество Св. Апостола и Евангелиста Луки, сотрудника Ап. Павла. Мощи Св. Луки перенесены въ Константинополь при Констанціѣ въ 360 году, и потому этотъ день праздновался въ Византіи съ особенною торжественностію. Совпаденіе какъ этого праздника, такъ и Воскресенія, въ одномъ числѣ, еще болѣе увеличивали святость этого дня. Онъ же былъ дорогъ и для самой В. К. Ольги, которой не могло не быть извѣстно отъ спутника ея Григорія, что Ап. Павелъ, сотрудникомъ котораго былъ Св. Лука, былъ первымъ учителемъ Славянъ. Для Византійскаго же Двора назначеніе въ этотъ именно день крещенія В. К. Ольги было также особенно удобно потому, что при этомъ онъ одновременно праздновалъ оба торжества, какъ крещеніе Ольги, такъ и самый день праздника, и тѣмъ охранялъ себя отъ излишнихъ издержекъ, какія необходимы были бы для него при разновременномъ празднованіи того и другаго.

8. Вслѣдъ за крещеніемъ послѣдовало нареченіе В. К. Ольги дочерью Цесаря.

9. Торжественный пріемъ ея при дворѣ, гдѣ, послѣ церемоніальнаго обѣда, Ольга бесѣдуетъ съ Императоромъ въ его внутреннихъ покояхъ и ведетъ переговоры о Цесарскомъ вѣнчаніи.

Въ такомъ именно порядкѣ, какъ это надѣмся, будетъ ясно теперь для cadaго, лѣтопись наша представляетъ разсказъ о пребываніи Ольги въ Константинополь и о переговорахъ ея съ Византійскимъ Дворомъ. Порядокъ этотъ, очевидно, не тотъ, какимъ представлялся онъ Преосвященному Филарету и другимъ изслѣдователямъ нашихъ временниковъ.

Теперь мы приступимъ къ болѣе подробному возстановленію настоящаго смысла всего этого разсказа.

Въ лѣтѣ 45. ҃. 57. Ольга иде въ Греки прииде къ Цариграду.

Въ 1 томѣ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, противъ показаннаго здѣсь года отъ С. М. 6463, на полѣ поставлено 955

1. Св. Григорія бог. слово 40 о крещеніи.

годъ отъ Р. Х., изъ чего видно, что издателями вычтено здѣсь число 5508¹: такъ дѣлали, и до сихъ поръ дѣлаютъ всѣ историки и изслѣдователи русскихъ лѣтописей, и нѣкоторые изъ нихъ обвиняютъ при этомъ древнюю лѣтопись въ неправильномъ показаніи года прибытія Ольги въ Константинополь. Но если мы, по принятому въ древности, на югѣ Россіи, правилу, вычтемъ изъ 6463 —

1. Академикъ А. А. Куникъ въ ученыхъ запискахъ Императорской Академіи наукъ по I и III отд., т. III. выпускъ V, о вычитаніи 5508 изъ годовъ отъ С. М. въ изданіи Русскихъ лѣтописей, говоритъ: «при переложеніи лѣтописныхъ годовъ на нынѣшнее лѣтосчисленіе, въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей, г. Бердниковъ вычитаетъ изъ числа лѣтъ отъ С. М. всегда 5508, но никогда не 5509, или 5507: за это можетъ быть вздумается иному упрекнуть его. Но, разсудивъ со всѣхъ сторонъ о нынѣшнемъ состояніи Русской хронологіи, какъ науки, надобно, напротивъ, рѣшительно изъявить одобреніе этому способу переложенія годовъ, котораго впрочемъ держались и другіе издатели нашихъ лѣтописей. *Въ историческихъ изслѣдованіяхъ* конечно должно впредь наблюдать вышензложенныя (см. Уч. Зап. II, стр. 769) правила вычисленія Мартовскихъ и Сентябрскихъ годовъ, чтобы опять не надѣлать такихъ наивныхъ анахронизмовъ, какіе встрѣчаются у насъ и въ иностранныхъ литературахъ, вслѣдствіе односторонняго способа вычисленія Мартовскихъ и Сентябрскихъ годовъ посредствомъ вычитанія 5508. Но иное дѣло перелагать годы *при изданіи лѣтописей*. Здѣсь числа христіанскаго лѣтосчисленія служатъ лишь къ тому, чтобы *облегчить* изслѣдователямъ отыскиваніе нужныхъ фактовъ. При нынѣшнемъ состояніи нашей хронологіи, разнымъ образомъ перепутанной, не возможно требовать, чтобы издатель лѣтописи выставлялъ вездѣ на поляхъ лишь провѣренныя и исправленныя Мартовскіе и Сентябрскіе годы Христіанскаго лѣтосчисленія, особенно когда мы еще не знаемъ въ точности, въ какихъ компиляціяхъ всего прежде смѣшаны Мартовскіе и Сентябрскіе годы, или въ какихъ лѣтописяхъ Мартовское лѣтосчисленіе вдругъ замѣнено Сентябрскимъ, или, наконецъ какія извѣстія внесены въ Русскія лѣтописи изъ Византійскихъ источниковъ съ Сентябр-

число 5506, то получимъ 957 годъ, безошибочно тотъ самый, въ который Ольга прибыла въ Цареградъ².

и вѣ тогда царь Константинъ сынъ Левіновъ.

Въ нашемъ спискѣ Лѣтописца сказано, что въ то время, когда В. К. Ольга прибыла въ Цареградъ, въ Греціи царствовалъ Константинъ сынъ Левонъ. Дѣйствительно, Ольгу принималъ Константинъ Порфирородный. Изъ чего видно, что лѣтописецъ нашъ совершенно вѣренъ этой древней дѣйствительности событія, и потому онъ, безспорно, древнѣе тѣхъ списковъ, гдѣ въ этомъ же разсказѣ говорится, что Ольгу принималъ не Константинъ, а Цимисхій, что совершенно ошибочно. Поэтому всѣ тѣ списки, гдѣ стоитъ имя Константина, древнѣе тѣхъ, гдѣ, вмѣсто этого имени, поставлено имя Императора Цимисхія.

и видѣвъ ю краснѹ зѣло лицемъ. и смысленѹ оумомъ. и оудивись царь разумѹ еѣ. и вѣсѣдова к ней. и рече ѣи слово к любви.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ свидѣтельствомъ современника и сторонника В. К. Ольги не объ одной ея наружности, а о самой ея личности, гдѣ словами: краснѹ зѣло лицемъ и смысленѹ оумомъ, онъ, безъ сомнѣнія, никакъ не хотѣлъ выразить ея красоту телесную, но собственно ея величавую сановитость и царственную мудрость. Въ сообразность съ этимъ, далѣе мы читаемъ: и оудивись царь разумѹ еѣ, изъ чего ясно, что Царь плѣнился не ея женскою красотою, но высокимъ ея разумомъ, и, всего вѣроятнѣе, ея глубокимъ знаніемъ, какъ это мы увидимъ ниже, всѣхъ тонкостей

скими годами? Остается выставлять на полѣ лишь такіе годы отъ Р. Х., которые соотвѣтствовали бы наибольшей части Мартовскаго и Сентябрскаго года. Хорошо еще, что по обоимъ новолѣтіямъ въ наибольшемъ числѣ мѣсяцевъ приходится вычитать одно и тоже число—5508, что и выполняетъ г. Бередниковъ совершенно послѣдовательно во всемъ продолженіи лѣтописей.

2. Доказательство правильности этого способа вычисленія въ отношеніи къ древнѣйшимъ событіямъ нашей исторіи смотри въ приложеніи II-мъ.

тогдашняго, государственнаго придворнаго Византійскаго этикета, что не могло не повлечь дѣйствительно Императора Константина, который, какъ извѣстно, былъ самъ знатокъ и почитатель всѣхъ тонкостей придворныхъ обычаевъ и обрядовъ, и гордился, какъ этимъ знаніемъ, такъ и всей этой пышной, царственной обстановкой Византійской Имперіи.

И вѣстдова к ней. и рече ѿн слово к любви.

Здѣсь это также нисколько не означаетъ никакого объясненія въ любви, будто бы предшествовавшаго дальнѣйшему предложенію о бракѣ. Въ этомъ, мы надѣемся, вполне убѣдится со временемъ большинство изслѣдователей русскихъ древностей. Слово к любви, послужившее здѣсь прямымъ поводомъ къ толкованію всего этого мѣста въ смыслѣ страннаго изъясненія между Ольгою и Константиномъ, ни какъ не можетъ быть понято здѣсь ни въ какомъ другомъ смыслѣ, кромѣ того смысла, на какой указываетъ самъ первый нашъ лѣтописатель, употребляя это именно слово для выраженія просто добрыхъ, дружескихъ, мирныхъ отношеній. Такъ, напр., въ мирномъ договорѣ Олега, заключенномъ съ Греческими Императорами: Львомъ, Александромъ и Константиномъ, сказано: на оудержании и на извѣщеніи отъ многихъ лѣтъ между христианы и Русію бывшюю любовь, по хотѣнію нашихъ князь и по повелѣнію, и отъ вѣстухъ иже подя роукою нго соущихъ Русіи наша свѣтлость коле инѣхъ, хотящихъ же о Бозѣ оудержати и извѣстити такую любовь, бывшюю между христианы и Русію... такую любовь извѣстити и оутвердити... яко по неже мы снимили по божий миръ и любовь... Нѣсколько поздне въ мирномъ же договорѣ, заключенномъ Игоремъ съ Греческими Императорами, говорится: «великий князь нашъ Игорь, и воляри нго, и люди вси Русьтинъ послаша ны къ Роману, и Константину, и къ Стефану, къ великимъ царемъ Греческимъ, сътворити любовь съ самѣми цари»¹. Въ Греческомъ Евхологіонѣ, изд. Гоаромъ², мы

1. См. Полн. Собр. Рус. Л. т. I. стр. 20.

2. См. *Εὐχολόγιον* sive *Rituale Graecorum*, opera R. P. F. Jacobi Goar, Lutetiae Parisiorum, MDCXLVII (1647). in fol., лист. 898; «Oratio in pacem et concordiam post aliquam simultatem.»

с трѣчаемъ молитву подѣ заглавіемъ: «*Εὐχή εἰς ἀγάπην καὶ ὀμολογίαν εἰς ἔχθρας τινος*». Это заглавіе, въ древне-славянскомъ пергаментномъ требникѣ XIV или XV вѣка, переведено такъ: «*Млтва в љубовь ѣже бѣтъ мѣрѣ*». Изъ всего этого, какъ и изъ многого другаго, до очевидности ясно то настоящее значеніе слова *любовь*, въ какомъ именно оно принимается и приводится нашимъ лѣтописателемъ.

Отсюда и мы никакъ не можемъ понимать здѣсь иначе этого слова к љубви, какъ единственно въ смыслѣ предложенія, сдѣланнаго Ольгѣ Константиномъ, о заключеніи съ Русью мирнаго, наступательнаго и оборонительнаго, или, что тоже, взаимнаго, вспомогательнаго союза. При этомъ, чтобы еще болѣе расположить ее къ этому союзу, онъ далъ понять ей, что въ случаѣ заключенія сказанныхъ дружественныхъ отношеній между ними, она достойна будетъ пользоваться равными съ нимъ царскими почестями въ Царѣградѣ; почему въ лѣтописи послѣ слова к љубви и прибавлено:

Подокна еси цесарствовати с нами въ граде семъ.

Настоящій смыслъ этихъ послѣднихъ словъ Константина, какъ и всего разсказа, теперь начинаетъ становиться вполне яснымъ изъ связи его съ возстановленнымъ подлиннымъ смысломъ предыдущихъ словъ о љубви, составлявшихъ до сихъ поръ весь узелъ запутанности и несбыточности въ этомъ повѣствованіи. Объясненіе этихъ словъ, въ смыслѣ какихъ-то странныхъ любезностей со стороны Византійскаго Императора, по отношенію его къ Ольгѣ, переходило, между толкователями первоначальной лѣтописи, изъ поколѣнія въ поколѣніе и дошло до насъ изъ древней, не понявшей ихъ, монастырской письменности, уже освященное вѣками, какъ нѣкая непоколебимая историческая истина.

Мы не сомнѣваемся, что изъ уваженія къ различнымъ, предвзятымъ, авторитетнымъ мнѣніямъ, наслоившимся въ продолженіи многихъ вѣковъ въ громадную массу свидѣтельствъ противъ на-

3. См. Требникъ пергам. рук. Синод. Библиотеки, № ⁸⁷¹₆₇₅, въ листѣ, уставомъ, конца XIV или XV в., на лист. 29. об.

стоящаго, въ этомъ дѣлѣ, истиннаго смысла всего разсказа, противъ эгого, новаго въ наукѣ, теперь только впервые появляющагося въ ней свѣта изъ разработки самыхъ лѣтописей,—конечно, возстануть многіе, если не всѣ, по привычкѣ къ старинѣ. Но непреложная истина самыхъ основъ исторіи, хранящаяся въ остаткахъ нашей первоначальной письменности, безспорно, должна быть дороже для насъ всякихъ авторитетовъ. Притомъ же, въ данномъ случаѣ, эта истина являетъ намъ въ новомъ, яркомъ сіяніи все величіе общественнаго и государственнаго значенія Св. равноапостольной Кн. Ольги,—значеніе, совершенно затемнявшееся до сихъ поръ неправильнымъ толкованіемъ неправильно прочитаннаго сказанія о ней. Это сказаніе дошло до насъ, въ наименѣ искаженномъ своемъ видѣ, отъ самого очевидца и основоположника первой русской лѣтописи, и наиболее сохранилось въ *Лѣтописцѣ Русскихъ Царей*. Но обратимся къ самому этому сказанію. Константинъ, бесѣдуя съ Ольгою, удивляясь ея величію и проницательному разуму и говоря ей слова къ любви, между прочимъ, высказываетъ ей:

Подобна еси цѣсарствовати с нами въ граде семѣ.

Прежде чѣмъ говорить о настоящемъ значеніи въ нашей лѣтописи этихъ словъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о надлежащемъ ихъ чтеніи. Раскрывая титул въ словѣ: *цѣрствовати*, мы полагаемъ, что здѣсь должно читать: *цѣсарствовати*. Въ Полн. Собр. Р. Л., т. I, стр. 26, Я. И. Беренниковъ читаетъ *цѣрствовати*. Каждый, надѣясь, убѣдится изъ всего, представленнаго далѣе, что слово *цѣсарствовати* имѣетъ здѣсь особенно важное значеніе и вполне сообразно съ той дѣйствительностью, которую занесла на свои листы первая наша лѣтопись. Последнее выраженіе: *цѣрствовати съ нами* означало бы здѣсь—владѣть Византією вмѣстѣ съ Константиномъ и Романомъ,—что, конечно, было немислимо, между тѣмъ, какъ выраженіе: *цѣсарствовати съ нами* значитъ только пользоваться цесарскими почестями, одинаковыми съ Императорами греческими, и права на это Константинъ имѣлъ полную возможность даровать В. К. Ольгѣ, по ея крещеніи.

Здѣсь, очевидно, мы находимъ разсказъ, дословно сохранившійся въ исторической своей вѣрности. Константинъ прямо гово-

рять здѣсь, что Ольга достойна цесарствовать не съ ними, а съ нами въ Царѣградѣ. Извѣстно, что Константинъ царствовалъ не одинъ, а съ 948 по 959 годъ имѣлъ соправителемъ сына своего Романа II, на что, очевидно, и указываетъ это выраженіе лѣтописи: *съ нами*¹. Въ другихъ мѣстахъ тотъ же Константинъ, говоря не о царствованіи, а о себѣ лично, вездѣ говоритъ уже не во множественномъ, а въ единственномъ числѣ. Не смотря, однакожъ, на такое важное указаніе въ нашемъ Лѣтописцѣ,—по которому, при большемъ вниманіи къ самому тексту, сохранившемуся въ немъ отъ первоосновной древнѣйшей лѣтописи, никакъ не могло бы возникнуть здѣсь ни малѣйшаго повода къ предложенію о какомъ либо брачномъ союзѣ Ольги съ Константиномъ,—тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, такое именно наивное предположеніе выведено здѣсь прямо изъ этихъ словъ: *подобна еси цесарствовать съ нами въ градѣ сѣмъ*,—по связи ихъ съ другими, предыдущими, точно также наивно понятными, выраженіями: *слова къ любви*, обращенными отъ Императора къ правительницѣ Руси и протолкованными позднѣе въ смыслѣ объясненія будто бы въ любви, вырвавшася изъ устъ Константина, пришедшаго въ восторгъ отъ красоты и ума Ольги. Объясненіе это, какъ и слѣдовало ожидать, поразивши прежде всего воображеніе передѣльвателя первоосновной лѣтописи мыслию о какомъ-то предваряющемъ бракъ, союзѣ любви, создавало для него далѣе, изъ послѣдующихъ словъ цѣлую картину брачнаго союза и предложенія отъ Императора руки и сердца Ольгѣ. Ловкій отказъ со стороны ея отъ такого неловкаго Императорскаго предложенія, очевидно, явился далѣе въ умѣ передѣльвателя, изъ того же, непонятаго имъ, отказа Ольги на дѣйствительно сдѣланное ей, но только совершенно другое, предложеніе, какъ это мы увидимъ ниже. Наивность и простодушность всѣхъ подобныхъ предпо-

1. Что составителю первоосновной нашей лѣтописи обстоятельство это было совершенно извѣстно, объ этомъ мы знаемъ изъ другаго источника,—изъ собственнаго его перевода греческихъ хроникъ. Въ Изборникѣ Григорія пресвитера мнѣха, на лист. 481, мы читаемъ: *Сѣ Константинъ вѣнча на цѣтѣо Романа ѿ ѿшѣрѣ живнѣ кѣго*.

ложеній, толкованій и передѣлокъ едва ли даже требуетъ какого-либо опроверженія. Не ясно ли до очевидности, какъ въ первыхъ словахъ къ любви древнѣйшій лѣтописатель кратко и вѣрно передаетъ только самую сущность начатыхъ Константиномъ переговоровъ о мирномъ союзѣ между Русью и Византіей, такъ же точно и въ послѣдующемъ, сдѣланномъ имъ намекѣ Ольгѣ—цесарствовать изъ нами въ Царградѣ, тотъ же Лѣтописатель ясно говоритъ о поданной ей Императоромъ надеждѣ относительно подобающихъ ей цесарскихъ почестей, какъ единовластной правительницѣ такого великаго и могущественнаго народа, какъ Русь.

Почести эти, какъ извѣстно, заключали въ себѣ тогда не обыкновенно важное значеніе и составляли предметъ самыхъ усиленныхъ исканій для всѣхъ тогдашнихъ народовъ, близко стоявшихъ къ Византіи. Ольга, по своему высокому положенію, какимъ, обыкновенно, пользовалась у Славянъ вдовствующая, единовластная правительница народа, не могла не искать для Руси въ Византіи тѣхъ же точно правъ, какими уже пользовалась, въ это время, (что не могло не быть извѣстно Ольгѣ) соплеменная ей Болгарія. Права эти состояли въ томъ, что государь Болгаріи титуловался по отношенію къ Византіи также Царемъ, т. е., Императоромъ, но только какъ второй по отношенію къ первому, или, по тогдашнему этикету, какъ сынъ по отношенію къ отцу, что и выражалось въ разныхъ государственныхъ актахъ наименованіемъ Болгарскаго государя *духовнымъ чадомъ* Императора Византійскаго. Менѣе высокія степени государственнаго достоинства относились къ Византіи уже не какъ сыны *духовные*, а только какъ внуки.

В. К. Ольга, сама правительница могучей тогдашней Руси, не могла не требовать и для себя отъ Византіи такихъ же точно правъ, какими уже пользовались правители Болгаріи. Права эти для В. К. Ольги должны были состоять въ томъ, чтобы Византійскій Императоръ, немедленно по крещеніи, *нарекъ* ее своею *дщерію*, и такимъ образомъ сравнилъ бы ее во всѣхъ правахъ съ *сыномъ*, какимъ уже былъ въ то время Царь Петръ въ Болгаріи. Сюда то именно, къ достиженію этихъ правъ, какъ мы видимъ изъ древнѣйшаго нашего Лѣтописца, дѣйствительно и стремятся всѣ переговоры Ольги съ Константиномъ, и эти то права имѣетъ она въ виду,

предлагая ему самому быть воспріемникомъ при крещеніи ея въ Царѣградѣ (иначе она давно могла бы уже принять крещеніе и на Руси). Здѣсь то именно видна та далекая политика Ольги, которая если не de facto, какъ оказалось впоследствии, то de jure торжествуетъ здѣсь надъ тонкою политикою Византіи. Константинъ, какъ великій защитникъ и цѣнитель всякихъ правъ Византійскаго престола, никакъ не соглашается признать Ольгу равною себѣ по правамъ всѣхъ почестей, воздаваемыхъ Императору. Ольга съ своей стороны не мирится съ нимъ ни на какихъ другихъ правахъ. Номинально она, наконецъ, даже противъ его воли, какъ бы вынуждаетъ у него признаніе за собою этихъ правъ. Но, въ дѣйствительности, вполне права эти, какъ извѣстно, утверждаются за Русью уже много позднѣе, именно при Владимірѣ Святославичѣ, который получилъ отъ греческихъ императоровъ какъ корону, такъ и всю царскую утварь. Не можемъ не припомнить здѣсь пророчесственныхъ словъ Патріарха Поліэвкта, знаменитаго своею ученостью и добродѣтелями, сказанныхъ имъ В. К. Ольгѣ, послѣ ея крещенія: *благословена ты въ женахъ русьскихъ, акъ въ любивъ свѣтъ, а тмоу остави, благословити бо та мноугъ сынове русѣти и въ послѣдній родъ вноукъ твоихъ.* Дѣйствительно, при внукѣ и воспитанникѣ Ольги пророчество это исполнилось: вся Русь пріяла православіе, и Восточная Церковь причла В. К. Ольгу къ лику Святыхъ. Вначалѣ, при первыхъ переговорахъ, Константинъ, предлагая Ольгѣ чрезвычайно важный для Византіи, мирный союзъ съ Русью, очень хитро, въ видахъ склоненія ея къ этому союзу, подаетъ ей, въ самыхъ общихъ, нисколько неопредѣленныхъ выраженіяхъ, далекія надежды на то, что она, въ случаѣ заключенія такого союза, можетъ получить отъ Византіи подобающія ей цесарскія почести: *подобна еси цесарствобати с нами въ градѣ сѣмъ,* говоритъ ей Константинъ. Тонкая политика Византіи, какъ мы видимъ здѣсь въ Лѣтописцѣ, смѣняетъ теперь другую, именно тотъ надменный пріемъ, какимъ встрѣтила она правительницу Руси при первомъ прибытіи ея къ Царюграду, когда, продержавши Ольгу долгое время въ Суду, Греки безуспѣшно старались смирить въ ней гордыя ея требованія тѣхъ правъ, какія подобали ей, какъ единовластной правительницѣ Русскаго народа. Теперь, отвѣчая на тѣ же запросы съ ея стороны объ этихъ правахъ, и стараясь вначалѣ отдѣлаться отъ нея одними общими

выраженіями, Константинъ, какъ видно, опять надѣялся уклониться отъ исполненія законныхъ ея требованій. Но Ольга, съ своей стороны, вполне понимая всю Византійскую его хитрость, старается, напротивъ, принудить его объясниться объ этомъ предметѣ, сколько возможно, точнѣе и опредѣленнѣе. Съ этой цѣлью она предлагаетъ ему самому на разрѣшеніе, въ видѣ вопроса, быть можетъ, даже иронически, — вопросъ о томъ самомъ препятствіи къ пользованію предложенными ей отъ него цесарскими правами, на какое, вѣроятно, еще недавно указывали ей самой Греки, пока не допустили ее въ Цареградъ. Совершенно неустранимое препятствіе это къ признанію за ней цесарскаго достоинства состояло въ томъ именно, что Ольга была еще язычница. Лѣтописецъ говоритъ:

Ѡна же разоумевши рече емоу: како то слово исполнитца цесарю, понеже азъ погана есмь; да аще мѧ хоцеши видѣти царицю ровную собѣ, то первѣе крести мѧ.

Изъ вышеприведенныхъ объясненій каждый пойметъ настоящій смыслъ приведеннаго мѣста, а потому мы и не вдаемся въ излишнее толкованіе, но не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ важныхъ особенностей въ написаніи здѣсь слова: *цѣрю*. Держась строго нашего лѣтописнаго текста, мы, раскрывая титло, читаемъ: *цесарю*. Въ другихъ мѣстахъ у того же слова мы этого слова-титла не находимъ, а видимъ только одно титло, а потому и читаемъ *царь*. Такой различный способъ написанія этихъ словъ, конечно, употреблялся не безъ причины. Должно полагать, что у Славянъ, въ древности, придавалось этимъ словамъ каждому особое значеніе, котораго мы въ настоящее время объяснить въ точности не можемъ. Особенности такого написанія словъ: *царь* и *цесарь* мы удержали выше, при раскрытіи титла, также и въ производномъ словѣ: *цесарство*-вати, и нашли, при этомъ, что это древнее написаніе вполне соответствуетъ настоящему смыслу древняго сказанія.

Рече царь да аще взмѣнитъ тѧ Богъ съ крещеными то и се получиши.

Въ словахъ этихъ мы видимъ новое завѣреніе, данное со стороны Императора В. К. Ольгѣ въ томъ, что она будетъ пользоваться желаемыми ею цесарскими почестями, если крестится.

Она же рече: да аще ма хоцешн крестити, то крести ма самъ аще ли ни, то не крестюсма.

Здѣсь Ольга говоритъ, что она готова креститься, но съ неизмѣннымъ условіемъ, чтобы воспріемникомъ ея отъ купели былъ самъ Императоръ. На слова эти до сихъ поръ не обращалось вовсе никакого вниманія, или же онѣ толковались никакъ не въ томъ смыслѣ, который въ нихъ здѣсь совершенно очевиденъ. Желанію Ольги креститься именно въ Царѣградѣ приписывалась цѣль исключительно только благочестивая. Думали, что изъ-за того только, чтобы въ центрѣ христіанскаго міра созерцать величіе и благолѣпіе христіанства, она предприняла эту трудную и небезопасную поѣздку въ Византію. Противъ такого предположенія сдѣланы были также и нѣкоторыя возраженія, но за тѣмъ, если и устраняли эту цѣль, то, взаменъ ея, не давали никакой другой, болѣе вѣроподобной. Между тѣмъ, не ясно ли здѣсь, при восстановленномъ чтеніи настоящаго разсказа, что цѣль крещенія Ольги именно въ Константинополѣ была не одна исключительно благочестивая, но вмѣстѣ и государственная, именно та цѣль, чтобы воспріемникомъ ея отъ купели былъ самъ Императоръ. Для чего же, однако, желала этого В. Княгиня? Очевидно, для того только, чтобы, какъ слѣдовало по Византійскому этикету, немедленно послѣ крещенія, принять нареченіе дщерью отъ самого Императора-отца и, значить, получить такимъ образомъ право на пользованіе цесарскими почестями. Ольга, какъ мы увидимъ далѣе, именно настаиваетъ и настояла на томъ, чтобы самъ Императоръ присутствовалъ въ церкви при ея крещеніи.

Царь же безмерно радъ бытъ, и рече ей: патрїарху възвещъ ли слово се. Она же рече: готовъ ли еси поручитиса по мнѣ Богоу и патрїарху. Он же радъ, и поручюсма рече. Она же рече: то оуже время прииде крести ма самъ.

Здѣсь, ясно, рѣчь идетъ о воспріемничествѣ при оглашеніи: Императоръ даетъ поручительство Патрїарху еще до крещенія Ольги, — и поручиса царь патрїарху, и, затѣмъ уже, пошла къ патрїарху, да ю креститъ. Какъ извѣстно, воспріемники должны были бытъ какъ при оглашеніи, такъ и при крещеніи свидѣтелями и поручителями вѣры и обѣтовъ крещаемыхъ, и такимъ образомъ

устранять въ крещеніи ихъ всякій обманъ, подлогъ, лицемѣріе и пр. (VI Всел. Соб. пр. 59; VII Всел. Соб. пр. 14). При этомъ, по Византійскому этикету, императоры, будучи воспріемниками, иногда назначали вмѣсто себя, какъ это дѣлается и нынѣ, присутствовать при священнодѣйствіи другихъ лицъ, замѣняющихъ воспріемника. Такъ, вѣроятно, и при оглашеніи В. К. Ольги, Императоромъ было назначено, вмѣсто себя, какое-либо другое знатное лицо, противъ чего Ольга и не возражала, такъ какъ здѣсь это отсутствіе Императора не имѣло никакого государственнаго значенія. Совсѣмъ не то мы видимъ при совершеніи таинства св. крещенія. Тамъ Ольга уже требуетъ неуклонно, чтобы Императоръ, какъ воспріемникъ, самъ присутствовалъ при совершеніи этого таинства, — почему? причины этому мы увидимъ яснѣе ниже.

И порученса царь патриархѣ. и посла къ патриарху да ю креститъ. Ольга же пришеде къ церкви не видѣ царя оу церкви. и рече кому ма крестити. патриархъ же рече азъ крещу тѣ. Ольга же посла ко царю и рече аще ма хоцешъ крестити, то самъ ма крести, аще ли не крестиши ма самъ то не крещу сѣ.

Здѣсь мы видимъ, вслѣдъ за обрядомъ оглашенія, совершающаеся надъ В. К. Ольгой таинство св. крещенія. Императоръ точно также, какъ и при оглашеніи, былъ не намѣренъ присутствовать лично при крещеніи Ольги. Онъ послалъ сказать Патриарху, чтобы тотъ самъ крестилъ ее, разумѣя, конечно, при этомъ, такую же замѣну себя при крещеніи, какъ это уже и было при оглашеніи, другимъ лицомъ. Весьма вѣроятно, что Императоръ имѣлъ при этомъ свою особенную цѣль. Очень возможно, что не встрѣтивъ со стороны Ольги возраженія противъ отсутствія своего при ея оглашеніи, онъ возымѣлъ надежду, что она не будетъ возражать противъ того же и при крещеніи; а это то для него и было чрезвычайно важно. Онъ всячески съ своей стороны хотѣлъ затруднить нареченіе Ольги своей дочерью и такимъ образомъ отдалить дарованіе ей цесарскихъ правъ. Ольга, однакожь, не поддавалась обману, что и выражено далѣе въ нашемъ Лѣтописцѣ словами самого Императора: прѣкликъ ма Ольга. Ольга, пришедши къ церкви, не нашла Царя. Не видя его теперь въ Софійскомъ Соборномъ храмѣ, теперь она уже рѣшительно воспротивилась такому его отсутствію. Кому же мѣна крестити? сказала

она Патриарху, — и когда тотъ отвѣчалъ ей, что онъ самъ ее креститъ, то она послала сказать Императору, что если онъ не будетъ присутствовать при ея крещеніи, какъ воспріемникъ, то она не крестится. Понятно, какое тяжелое, неловкое положеніе ожидало Императора, какъ лицо, поручившееся при оглашеніи В. К. Ольги за твердое ея желаніе обратиться изъ язычества въ христіанскую вѣру, если бы вдругъ она, эта новооглашенная язычница, рѣшительно отказалась отъ св. купели, и отказалась именно потому, что Цесарь не исполнилъ своего обѣщанія, не захотѣлъ присутствовать лично при ея крещеніи. И Цесарь, безъ сомнѣнія, не могъ не придти въ церковь, не могъ не удовлетворить этого непреклоннаго желанія Великой Княгини. Желаніе это въ данномъ случаѣ для насъ совершенно понятно изъ ниже приводимыхъ словъ самой В. К. Ольги. До сихъ поръ, подъ вліяніемъ господствовавшихъ идей въ нашей исторической наукѣ, не обращалось никакого вниманія на эти многозначительныя слова: *аще мѣ хощеши крестити, то самъ мѣ крести, аще ли не крестиши мѣ самъ, то не крестюусѣ*. Ясно до очевидности, что присутствіе Императора въ церкви, какъ воспріемника при крещеніи, — такъ настоятельно требуемое В. К. Ольгою, — было прямо необходимо для совершенія надъ ней еще обряда, который, по правиламъ Византійскаго этикета, обычно исполнялся надъ могущественными языческими государями, вслѣдъ за таинствомъ св. крещенія. Обрядъ этотъ былъ обрядъ нареченія дщерью, по которому Ольга должна была вступить въ право пользованія цесарскими почестями, торжественно ей обѣщанными Императоромъ. Должно быть, В. К. Ольга знала, что обрядъ нареченія дщерью, безъ присутствія при немъ самого Императора отца, совершиться никакъ не могъ.

Нѣкоторыя изысканія, сдѣланныя нами въ Византійской письменности, еще болѣе убѣждаютъ насъ въ подлинности того смысла, какой указали мы выше въ приведенныхъ нами мѣстахъ нашего Лѣтописца. Отмѣтимъ одно очень важное обстоятельство изъ древняго Византійскаго быта, на которое до сихъ поръ не было обращено надлежащаго вниманія нашими историками. Обстоятельство это слѣдующее: въ древней Императорской Византіи обряду вѣнчанія на цесарство (коронаціи), въ извѣстныхъ случаяхъ, предшествовалъ обрядъ нареченія. Кромѣ того существовалъ еще обрядъ нареченія

въ санъ патриціа. Тъ изъ иноземныхъ властителей (*ἀρχόντων*), которые искали отъ Императора, Цесаря отца, правъ на почести, большія противъ тѣхъ правъ, коими пользовались они, какъ лзычскіе князья, возводились этимъ обрядомъ въ санъ Патриція, съ возложеніемъ на нихъ епитрахили.

Изъ различныхъ церковныхъ, патриаршихъ службъ, приводимыхъ у Гоара,¹ видно, что, кромѣ обрядовъ вѣнчанія, или коронованія Императора отца, существовали также особые обряды коронованія Императора сына и Императрицы: дочери и августы (жены). Обряды эти, при коронаціи сына и дочери, были другіе, чѣмъ при коронаціи августы; при чемъ, естественно, различались и самые обряды нареченія сыномъ, дочерью и августою, которые предшествовали коронаціи, такъ какъ, сообразно съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ достоинствъ, или государственныхъ званій, совершался и самый обрядъ цесарскаго вѣнчанія, — различный для августы отъ того же обряда для сына и дочери. Соотвѣтственно съ этимъ различіемъ и постепенностью обрядовъ коронованія, которымъ долженствовала предшествовать обрядъ нареченія, мы видимъ и въ нашемъ Лѣтописцѣ, — написанномъ, какъ очевидно, лицомъ вполне понимавшимъ дѣло и описавшимъ событіе, какъ близкій его очевидецъ, — что В. К. Ольга домогалась, чтобы, послѣ крещенія, немедленно быть нареченной дочерію цесаря. В. К. Ольгѣ было извѣстно, что болгарскій царь Борисъ, вслѣдъ за своимъ крещеніемъ, былъ нареченъ отъ Императора Михаила Цесаремъ сыномъ. Въ поясненіе этого приводимъ здѣсь:

Греческій текстъ изъ хронографа Георгія Амартола и его продолжателей по изданію Э. Г. фонъ Муральта, лист. 732—733.

Ἐχοτρατεύσας δὲ Μιχαὴλ ἄμα Βάρδα Καίσαρι, κίνησιν ποιῆι κατὰ Μιχαὴλ ἀρχοντος Βουλγαρίας διὰ τε γῆς καὶ θαλάσσης, μαθὼν τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος

Славянскій текстъ по переводу Григорія мниха, пресвитера Болгарскаго:

Μιχαὴλ γὰρ ἔβη κἀπὸ ἐκείνου ἐβη Βαρδὸς ἐπὶ τὸν Βουλγαρικὸν ἔθνος ἐκ τῆς γῆς καὶ τῆς θαλάσσης, μαθὼν τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος, Μιχαὴλ οὐβὲδὲν Βουλγαρε

1. См. приложение III.

λιμῶ τήκεσθαι. Οἱ δὲ Βούλγαροι τοῦτο μαθόντες ὡς ἦχον βροντῆς ὑπεκλίθησαν, καὶ πρὸ τῶν ἀγῶνων καὶ τῆς μάχης περὶ τῆς νίκης ἀπέγνωσαν (καὶ χριστιανοὶ γενέσθαι καὶ ὑποτάττεσθαι τῷ βασιλεῖ καὶ Ῥωμαίοις ἠτήσαντο). Ὁ δὲ βασιλεὺς τὸν μὲν ἄρχοντα αὐτῶν βαπτίσας καὶ δεξιόμενος ἐπέθηκεν αὐτῷ τὸ αὐτοῦ ὄνομα· τοὺς δὲ μεγιστάνας αὐτοῦ ἐν τῇ πόλει ἀγαγὼν ἐβάπτισεν αὐτούς, ἐκτοτε γενομένης εἰρήνης βαθείας.

же такъ вѣсть примѣше, стрѣмъ шдрьжили многѣ вѣхъ, прѣже трѣда ѡ бранѣ ѡ побѣды не доуѣмѣвѣхъса ѡ хрѣтіаномъ быти прошиша и покораѣтисѣ грекомъ. Црь же князѣ ѡ крѣтивѣз ѡ ш сѣгѡ крѣщенѣ прѣнѣти ѡ сномъ ѡ нарѣ. Еше ѡ велможѣ его введѣ в Констанѣтинъ грѣ, вѣса крѣти ѡ мирѣ створи.

Изъ приведеннаго у Э. Г. Фонъ Муральта греческаго текста и изъ славянскаго перевода усматривается, что переводъ Григорія, пресвитера болгарскаго, сходенъ съ изложеніемъ Ватиканскаго списка. Вотъ что говорится въ этомъ спискѣ о крещеніи болгарскаго князя Бориса: «*Ἐκ τοῦ ἀγίου αὐτὸν ἀναδεξιόμενος βαπτίσματος τὸ ἑαυτοῦ αὐτῷ ἐπιτέθεικε ὄνομα.*» Въ буквальный переводъ это значить: «Императоръ же, князя ихъ крестивъ и отъ святаго крещенія принявъ, возложилъ на него собственное свое названіе» (то есть собственный свой санъ Цесаря). Такъ понимаетъ это мѣсто и Григорій, пресвитеръ болгарскій, ближайшій по современности славянскій переводчикъ греческихъ хронографовъ,—переводя его такимъ образомъ: «Царь же князѣ ихъ крестивѣз и отъ святаго крещенѣ прѣнѣти ѡ сномъ ѡ нарѣ». Не можемъ не замѣтить здѣсь, по поводу этого сличенія греческаго подлинника съ древнимъ славянскимъ его переводомъ, какъ важно было бы изданіе греческихъ хроникъ въ этихъ древнихъ переводахъ. Изъ показаннаго выше мѣста, какъ и изъ другихъ тому подобныхъ, о чемъ мы говорили еще въ 1847 году,¹ вполне очевидно, что эти переводы возстановляютъ настоящій смыслъ Византійскихъ Лѣтописей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пра-

1. См. о Греческомъ кодексѣ хроники Георгія Амартола Московск. Синод. Библіотеки М. 1847 г.

вильное ихъ чтеніе, и потому не могутъ не составлять драгоценности для эллинистовъ. Для насъ собственно приведенное выше мѣсто особенно важно по отношенію его къ другому такому же въ нашей Лѣтописи. Выраженіе, употребляемое здѣсь, относительно послѣдствій крещенія для болгарскаго Царя Бориса, состоявшихъ въ томъ, что Императоръ Михаилъ возложилъ на него собственный свой санъ, т. е., санъ Цесаря, что, по древнему характеру рѣчи, выражалось словами: *сыномах и нарече*,—выраженіе это буквально то же самое, какое употребляется, по такому же случаю крещенія и нареченія въ нашемъ Лѣтописцѣ: «И *нарекх* (Константинъ) и дщери *собѣ*», говорится въ немъ о В. К. Ольгѣ, послѣ того, какъ она приняла уже крещеніе. Выше мы объяснили, что *нарече* въ свою дщери онъ не могъ иначе, какъ только въ томъ государственномъ значеніи, по которому ей, вмѣстѣ съ именемъ дочери, придавался также и *цесарскій санъ*. Здѣсь по поводу настоящаго выраженія въ славянскомъ переводѣ относительно крестившагося Бориса—«*сыномах и нарече*,» мы не можемъ не замѣтить слѣдующаго: буквальное значеніе греческаго подлинника здѣсь такое: «Императоръ князя ихъ крестивъ и отъ святаго крещенія принявъ, возложилъ на него собственное свое названіе,» т. е., названіе Цесаря. Нѣкоторыя позднѣйшія редакціи греческихъ хронографовъ, чѣмъ онъ позднѣе, тѣмъ далѣе отступаютъ отъ этого подлиннаго смысла хроники. Латинскіе переводчики только вторятъ подобнымъ отступленіямъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, очевидно, не поняли настоящаго значенія этихъ выраженій, и вѣроятно, утративъ уже знаніе Византійскаго этикета, старались передать ихъ только въ томъ обыкновенномъ, обыденномъ смыслѣ, что болгарскій князь Борисъ получилъ имя Михаила въ честь греческаго Императора, своего воспріемника. Изъ такой невѣрной передачи подлинника, какъ у переводчиковъ на латинскій языкъ, такъ и въ позднѣйшихъ греческихъ хронографахъ, выходитъ почти бессмыслица. Ибо, если даже и допустить, что одно только это, безспорно, весьма неважное обстоятельство было занесено въ подлинникъ Византійской Лѣтописи, то, безъ сомнѣнія, въ такомъ случаѣ, хронистъ непременно выразился бы объ этомъ иначе, а не такъ, какъ мы читаемъ это въ иныхъ редакціяхъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, онъ никакъ бы уже не сказалъ, какъ мы это видимъ въ подлинникѣ, что Михаилъ, послѣ уже

крещенія, далъ свое названіе Борису; ибо ясно, что имя Михаила Борисъ имѣлъ уже отъ самаго крещенія, да притомъ же и дать крестному сыну своего имени самъ Михаилъ ни въ какомъ случаѣ не могъ, такъ какъ, при крещеніи, всякое христіанское имя дается, какъ извѣстно, крещаемому только самою церковію, а никакъ не воспріемникомъ; и хотя имя Михаила и было, что вѣроятно, дано Борису въ честь греческаго Цесаря Михаила, но, конечно, крещенъ онъ былъ уже никакъ не въ его имя, а во имя святаго, прославленнаго въ христіанской церкви. Вообще, вполне очевидно, что Цесарь никакъ не могъ дать Борису, послѣ его крещенія, того, что могла дать ему при самомъ крещеніи только сама церковь, принявши его въ число вѣрующихъ чадъ своихъ, и даровавши ему при этомъ свое, новое, христіанское имя. За тѣмъ, послѣ крещенія, какъ уже христіанину, именно какъ уже *христіанскому* правителю болгарскаго народа, Цесарь могъ дать ему, и дѣйствительно далъ, только то, что могъ дать ему, какъ царственный воспріемникъ его отъ св. купели, какъ Императоръ Византіи. Онъ далъ ему чадство не по церкви, не по имени христіанскому, а по царственному своему сану, по новому отношенію своему къ Борису, какъ отца къ сыну, далъ именно то *цесарское* достоинство, которое, по силѣ дворскаго, Византійскаго обычая, онъ могъ и долженъ былъ дать ему, какъ своему духовному чаду, т. е. наречь его своимъ сыномъ, или, что то же, почтить его высшимъ достоинствомъ, каковаго, въ то время, кромѣ Цесаря, не было. По этимъ же самымъ основаніямъ, того же самаго, какъ мы видѣли уже, требовала и наша В. К. Ольга, послѣ своего крещенія, отъ воспріемника своего Константина.

Здѣсь мы не лишнимъ считаемъ, въ видахъ поясненія разсказа нашей Лѣтописи, припомнить тѣ обряды, которыми сопровождалось въ Византіи возведеніе въ *цесарское* достоинство. Какъ выше мы уже сказали, обрядъ нареченія предшествовалъ при этомъ самому вѣнчанію, или коронаціи, которое было различно, смотря потому, короновался ли *цесарь—отецъ* (*βασιλεύς*, *imperator pater*), *цесарь сынъ* (*σεβαστός*, *imperator filius*), или *цесарица—дочь*, или *цесарица—жена* (*ἄβυουστα*, *augusta*). Памятники Византійской древности, сохранившіеся отчасти въ Евхологіонѣ, изданномъ Гоаромъ, показываютъ намъ, что обрядъ, предшествовавшій вѣнчанію *цесаря*, именно обрядъ

усыновленія, или нареченія сыномъ, состоялъ въ слѣдующемъ: лицо, посвящаемое въ санъ Цесаря, т. е., нарицаемое сыномъ Императора отца, или же дочерію,—если то была женщина, получающая цесарское достоинство,—становилось, вмѣстѣ съ Патріархомъ и Императоромъ—отцомъ, въ Солеѣ собора, предъ столомъ, на который надѣвалась одежда и который покрывался особою пеленою. Столъ, такимъ образомъ устроенный, назывался антиминосомъ. На этотъ антиминосъ полагалась епитрахиль, долженствовавшая служить принадлежностью новонарекаемаго. За тѣмъ Патріархъ произносилъ соотвѣтственную этому торжеству, особенную молитву, и, потомъ, снявши епитрахиль съ антиминоса и благословивъ ее, онъ подавалъ ее Императору, а Императоръ возлагалъ ее на нареченныхъ сына, или дочь. Въ заключеніе всего, Патріархъ, пріобщивши святыми преждеосвященными дарами новонареченнаго, преподавалъ ему благословеніе, и, отпуская его, говорилъ ему краткое поученіе. Тотъ же обрядъ, съ небольшою разницею, совершался и при нареченіи августы.¹

Что касается до коронаціи, или собственно до цесарскаго вѣнчанія, которое слѣдовало, по прошествіи нѣкотораго времени, за такимъ усыновленіемъ, или нареченіемъ сыномъ, либо дочерію, то при немъ вѣнчаемый получалъ новые еще знаки своего достоинства кромѣ полученной уже эпитрахили. Знаки эти были для Цесаря, или сына и дочери: 1) цесарская корона. Короны, употребляемыя при цесарскомъ вѣнчаніи, имѣли большую разницу между собою. Корона, которою вѣнчался Цесарь отецъ (*imperator pater*), какъ говоритъ Анна Комнина, окружала голову въ видѣ полушарія; корона эта была украшена жемчугомъ и дорогими камнями, изъ которыхъ одни лежали на ней, а другіе были свѣшены, и, на вискахъ, спускались, справа и слѣва въ видѣ прядей, украшенныхъ жемчугомъ и камнями; въ этомъ-то послѣднемъ украшеніи и состояло отличіе собственно этой короны; вѣнцы же цесаря сына или цесарицы дочери, по цѣнности своей, были далеко ниже короны

1. См. Гоара, стр. 924: *Εὐχή ἐπὶ προχείρισει βασιλέως*, а также стр. 931—*Εὐχή ἐπὶ προσαγωγῇ ἀρχόντων, ἢ τοι πατριχίων*.—Молитва на князи, хотяще пріяти власть великѣю отъ цара.

цесаря отца; они только по мѣстамъ украшались жемчугомъ и камнями и сверху не имѣли полушарія; 2) *бармы*; 3) *порфира*; 4) унизанная золотомъ и жемчугомъ *одежда*; 5) красныя *сапдаліи* и проч.¹ Цесари получали также право провозглашаться, подобно Императору, Царемъ, какъ лица, пользующіяся цесарскими почестями. Въ числѣ примѣровъ подобнаго усыновленія, или нареченія сыномъ, и, за тѣмъ, возведенія въ санъ Цесаря и царскаго вѣнчанія, мы укажемъ на тотъ примѣръ усыновленія, и, потомъ, возведенія въ Цесари, съ обычнымъ возложеніемъ вѣнца, о которомъ упоминается въ запискахъ Никифора Врѣннія Цесаря, сановника при дворѣ Алексѣя Комнина,² гдѣ Царь Вотаніать, какъ *Императоръ отецъ*, предлагаетъ Врѣннію, какъ *сыну*, вторую честь послѣ себя, честь Цесаря, убѣждалъ его принять усыновленіе, а затѣмъ и цесарскій вѣнецъ. Участъ этого предложенія цесарства Врѣннію, чѣмъ самымъ Вотаніать хотѣлъ только расположить Врѣннія въ свою пользу, отчасти сходна съ судьбами нареченія дочерью Византійскаго Императора нашей В. К. Ольги, которую Императоръ Константинъ также желалъ, какъ мы узнаемъ изъ нашего Лѣтописца, подвинуть къ мирному союзу съ Византіей, чрезъ предложеніе *наречь ее дочерью* послѣ крещенія, и чрезъ *вѣнчаніе* ея, затѣмъ, *августой*. Противъ этого послѣдняго предложенія, Ольга, какъ извѣстно изъ нашего Лѣтописца, возстала, на основаніи самыхъ Византійскихъ законовъ. «*Вакъ хоцѣши ма ровнати женѣ, а крестивах ма самъ. и нарѣкх ма дщери, — а въ христіанѣхъ того нѣсть закона, ты и самъ беси,*» говоритъ Константину Ольга. Обладая подробнымъ знаніемъ, чрезъ спутника своего Григоріа, Византійскихъ обычаевъ, она прямо обличала Константина въ томъ нарушеніи этихъ именно обрядовъ, противъ которыхъ погрѣшалъ самъ Константинъ, предлагая ей цесарское вѣнчаніе, какъ *августы*, послѣ того, какъ она получила уже, вслѣдъ за крещеніемъ, нареченіе *дщерию*, и, следовательно, должна была короноваться уже не какъ *августа*, а именно

1. См. Визант. Историки въ перев. Проф. Карпова: сказаніе о дѣлахъ Царя Алексѣя Комнина ч. 1, стр. 142—145.

2. См. тоже изданіе Карпова: Историческія записки Врѣннія стр. 132—126.

какъ дщеря Императора, равная по этимъ правамъ сынѣ, превышавшимъ права дщери. Относительно этихъ правъ, т. е., правъ Цесаря, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что права эти, съ теченіемъ времени, какъ свидѣтельствуеъ Анна Комнина,¹ отчасти измѣнились. Она говоритъ, что Никифору Мелиссинскому, по обѣщанію, слѣдовало получить санъ Кесаря; но и Исаака, какъ перваго изъ братьевъ по возрасту, надлежало также почтить высшимъ достоинствомъ (каковаго, кромѣ Кесаря, не было); по этому, царь Алексѣй придумалъ и усвоилъ брату новое названіе *Сивастократора*, составилъ его изъ *Сиваста* и *Автократора*, какъ бы, то есть, представлялъ его вторымъ Цесаремъ, и возвышалъ надъ Царемъ, которому въ торжественныхъ привѣтствіяхъ назначалось уже третье мѣсто послѣ Самодержца.

Чтобы объяснить себѣ, сколько возможно, нагляднѣе, самими событіями времени, ближайшихъ къ В. К. Ольгѣ, обряды цесарскаго нареченія, печатаемъ здѣсь греческій текстъ Георгія Монаха (*ΓΕΩΡΓΙΟΥ ΜΟΝΑΧΟΥ ΒΙΟΙ ΤΩΝ ΝΕΩΝ ΒΑΣΙΛΕΩΝ*) съ латинскимъ переводомъ изъ *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae: Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonnæ 1838. pag. 877—878.*

Αὐγούστῳ δὲ μηνὶ Συμεὼν ὁ Βούλγαρος ἄρχων, ἐκστρατεύσας κατὰ Ῥωμαίων σὺν ὄχλῳ πολλῷ καὶ βαρεῖ, κατέλαβεν τὴν Κωνσταντινοῦπολιν, καὶ δὴ περικαθίσας αὐτὴν χάρακα περιέβαλεν ἀπὸ Βλαχερνῶν καὶ μέχρι τῆς λεγομένης Χρυσῆς πόρτης, ἐλπίσι μετέωρος ὧν ἀπονητὶ ταύτην πάντως ἐλεῖν. Ἐπεὶ δὲ τὴν τε τῶν τοίχων κατέμαθεν ὀχυρότητα τὴν τε ἐκ τοῦ πλήθους καὶ τῶν πετροβόλων ἀσφάλειαν, τῶν ἐλπίδων σφαλεῖς ἐν τῷ

Mense Augusto Symeon Bulgariae princeps, expeditione adversus Romanos cum numeroso fortique exercitu suscepta, Byzantium petit; obsessaque urbe, ductoque a Blachernis ad portam usque, cui Avreae nomen, vallo, ejus omnino facili negotio potiundi spe elatus erat. Enim vero perspecta murorum firmitate populique ac armorum multitudine, nec non balistarum copia, spe frustratus, ad Hebdomum (См. Banduri T. I, pars. III, pag. 416, cap. VI.) quod vocant

1. См. сокращ. Сказаніе о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина, трудъ Анны Комниной СПБ. 1859 г. въ 8 ч. I. стр. 142.

λεγομένων Ἐβδόμῳ ὑπέστρεψεν, εἰρηνικῶς σπονδὰς αἰτησάμενος. τῶν δὲ ἐπιτρόπων τὴν εἰρήνην ἀσμενέστατα ἀποδεξαμένων, ἀποστέλλει Συμεὼν Θεόδωρον μάγιστρον τοῦ συλλαλῆσαι τὰ τῆς εἰρήνης. ἀναλαβόμενοι δὲ ὁ τε πατριάρχης Νικόλαος καὶ Στέφανος καὶ Ἰωάννης οἱ μάγιστροι τὸν βασιλέα ἤλθον μέγχι τῶν Βλαχερνῶν καὶ εἰσήγαγον τοὺς δύο υἱοὺς Συμεῶν, καὶ σινεσιτάθησαν τῷ βασιλεῖ ἐν τοῖς παλατίοις. Νικόλαος δὲ ὁ πατριάρχης ἐξῆλθε πρὸς Συμεῶν. ὃ τινὶ τὴν κεφαλὴν ὑπέκλινε Συμεῶν. εὐχὴν οὖν ὁ πατριάρχης ποιήσας ἀντὶ στέμματος, ὡς φασί, τὸ ἴδιον ἐπιρριπτάριον τῇ αὐτοῦ ἐπέθηκε κεφαλῇ. δώροις οὖν ἀμέτροις τε καὶ μεγίστοις φιλοφρονηθέντες ὁ τε Συμεὼν καὶ οἱ τούτου υἱοὶ εἰς τὴν ἰδίαν χώραν ὑπέστρεψαν, ἀσύμφωνοι ἐπὶ τῇ εἰρημένῃ εἰρήνῃ διαλυθέντες.

reversus pacis foedera expetivit. Fuit res tutoribus gratissima: missus a Symeone, qui de pace colloqueretur, Theodorus magister. Assumpto autem Nicolaus patriarcha et Stephanus ac Ioannes magistri imperatore ad Blachernas usque profecti, ambos Symeonis filios introduxere ac cum imperatore in palatio epulis exceperunt. Nicolaus vero patriarcha ad Symeonem egresso, ille ei caput modeste inclinavit; fusaque super eum prece, patriarcha stemmatis loco sui capitis operimentum ejus capiti, ut ajunt, injecit. Amplissimis itaque immensisque accepti muneribus Symeon ac liberi, cum de praedicta pace inter eos non satis convinisset, in regionem suam rediere.

Славянскій текстъ по переводу Григорія мниха Пресвитера Болгарскаго.

Възвѣста же мѣца Семень Блѣгарскыи кнѣзь войною ѡзиде на грекы с народомъ тѣмъкимъ. приде къ Константиноу граду ѡ ѡбѣде ѡ ѡ Блахерны и до глѣмѣи златѣи вратъ, чалнѣмъ высокъ сынъ тако весъ трѣда възплѣнѣти ѡ. еѣга ѡѡвѣда стѣнь градскѣи тврдыни ѡ множитѣво люди ѡ ѡрѣжитѣ ѡ тврдыни ѡ каменѣи мѣщемѣи, чалнѣмъ изклазниса, къ глѣмомъ вѡѡдомъ възвратиса, мирскѣи клѣтъ проса. Порѣчникомѣ же миролюбезно приимѣмъ, посла Семѣу Феѡдора магистра своѣго вѣстѣвати ѡ мирѣ. Поѣмъ же Николъ патрѣрха ѡ Стефана ѡ ѡанна, магистрѣ ѡ ѡба црѣва, придоста же ѡ до Блахерны. и възведоша два сѣна Семѣѡна ѡ ѡвѣдѣста сз црѣмъ вз

полатѣ. Никола же патріархъ ѿиде къ Семеѡнѣ. семѣ же главѣ поклони Семеѡна. Мѣтѣ ѿбо патріархъ створивъ, въ вѣнца бо мѣсто свой ѿшвѣцъ на главѣ его положи, ѿко глѣхъ. Дары же ѿбо бесчисльнѣми великими ѡдарена, Семеѡн же и оба сѣа ѣ въ свой странѣ ѡбратиша, безъ глашенѣи грамотѣ ѡ мирѣ разошася.

Для большей ясности передаемъ этотъ разсказъ современнымъ русскимъ языкомъ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ Симеонъ князь Болгарскій, выступивъ войною противъ Грековъ, съ многочисленнымъ войскомъ, подошелъ къ Константинополю и осадилъ его отъ Влахернскихъ до такъ называемыхъ Золотыхъ воротъ; онъ былъ убѣжденъ, что безъ труда покорить его совершенно. Но когда убѣдился въ твердости городскихъ стѣнъ, вооруженныхъ множествомъ людей, и машинами для метанія камней, онъ поколебался въ своихъ намѣреніяхъ и обратился съ мирными предложеніями къ Правительственному Совѣту. Когда же правители охотно согласились на заключеніе мира, то Симеонъ назначилъ для веденія переговоровъ магистра Феодора. Правители же: Патріархъ Николай и воспитатели Императора Стефанъ и Іоаннъ пришли во Влахернскій храмъ; откуда взяли двухъ сыновей Симеона, которыхъ увели во дворецъ, гдѣ они и обѣдали съ Императоромъ. Николай же Патріархъ вышелъ къ Симеону, который преклонилъ свою голову. Патріархъ прочиталъ надъ нимъ молитву и вмѣсто части царской утвари снялъ съ себя накладную одежду (омофоръ), и накинулъ оную, какъ говорятъ, на Симеона. Послѣ сего, надѣленный многочисленными дарами, Симеонъ съ сыновьями возвратился въ свою страну, не заключивши договорныхъ грамотъ, по случаю возникшихъ разногласій при переговорахъ о мирѣ.

Изъ приведеннаго мѣста видно, что надъ Симеономъ совершается какой—то обрядъ. Какой же это обрядъ? Очевидно, это обрядъ цесарскаго ѡсыновленія. Въ немъ Патріархъ, въ замѣнъ установленной епитрахили, снимаетъ съ себя омофоръ и возлагаетъ его на Симеона. Тутъ, кажется, вполне ясно, что Симеонъ желалъ и домогался получить отъ православной Византійской имперіи цесарскій санъ; что нареченіе въ этотъ санъ онъ уже и получилъ, и если онъ не достигъ цесарскаго вѣнчанія въ Византіи, то этому воспрепятствовали только непредвидимыя обстоятельства. Къ сожа-

лѣнію, до сихъ поръ, обрядъ **цесарскаго оузыновленія**, совершившійся надъ Симеономъ въ Царѣградѣ, прошелъ незамѣченнымъ даже и предъ такимъ прозорливымъ нашимъ историкомъ, какъ А. Ф. Гильфердингъ. Событіе это не обратило на себя того вниманія, какого оно вполне заслуживаетъ. Въ сочиненіи своемъ, воскрешающемъ предъ нами древнюю историческую жизнь Сербовъ и Болгарь, знаменитый нашъ Славянистъ говоритъ: «чтобы узаконить и освятить императорскій титулъ, нужно было архипастырское благословеніе и вѣнчаніе, а какъ въ то время императорское достоинство сопряжено было съ двумя столицами Римскаго міра, Римомъ и Константинополемъ, то совершать этотъ обрядъ могли Папа и Патріархъ Константинопольскій. И вотъ Симеонъ возобновляетъ давно прерванныя сношенія съ Папою; было, конечно, странно и неправильно, что онъ, домогаясь престола Константинопольскаго, искалъ духовнаго утвержденія своему царскому достоинству не отъ Константинопольскаго Патріарха, а отъ Римскаго первосвященника.»¹

Еще удивительнѣе, что такой многоученный знатокъ древностей Византійскихъ, какъ Гоаръ, хотя и замѣтилъ обрядъ, совершенный въ Византіи Патріархомъ Николаемъ надъ Симеономъ, но не понялъ настоящаго значенія этаго обряда, и истолковалъ его въ смыслъ **цесарскаго вѣнчанія**. Вотъ что говоритъ Гоаръ въ изданномъ имъ Евхологіонѣ, въ примѣчаніяхъ на обрядъ коронованія на стр. 329: «*Στέφει αὐτὸν. Κεφαλοκλισίας oratione perlecta Coronatur Imperator Symeon. ταινιοῦται τὴν κεφαλὴν ὁ ἄρχων γεγονῶς πάντων, καὶ ταινιωθεὶς ὑποκλίνει τὴν κεφαλὴν διὰ τὴν δουλείαν τῷ τῶν ὄλων δεσπότῃ. Redimitur caput, princeps omnium factus et coronatus omnium Domino, in obsequium, caput suam inclinat.*»

Чтобы понять всю историческую важность этого событія, совершившагося, какъ говорили, — **акоже глаголахъ**, — въ это время, мы должны взглянуть на него въ связи, какъ съ предшествовавшими ему, такъ и съ послѣдовавшими за нимъ обстоятельствами. Въ Византіи, какъ въ это время, такъ и нѣсколько ранѣе, происходила, по случаю малолѣтства Константина, борьба двухъ, враждебныхъ между собою, придворныхъ партій. Одна изъ этихъ

1. См. Собр. сочин. Гильфердинга т. I. стр. 102.

партій была благопріятна для Симеона, и, вѣроятно, съ помощію ея, Симеонъ надѣялся осуществить давнишнія, завѣтныя свои мечты, о достиженіи Цесарскаго сана, чрезъ оустановленіе. Въ то время, къ которому относится приводимое нами сказаніе, именно, къ 913 году, Симеонъ, какъ мы видимъ, подступилъ съ своими войсками къ Византіи, и обложилъ ее. Правительственная власть въ Царѣградѣ сосредоточивалась въ это время въ лицѣ Патріарха и первыхъ сановниковъ, желавшихъ мира съ Болгаріей. Симеонъ, съ своей стороны, недостаточно готовый къ осадѣ города, былъ также не прочь войти въ мирныя переговоры съ Греками. Воспользовавшись этимъ расположеніемъ Симеона, Византія вступила съ нимъ въ перемиріе. При начавшихся переговорахъ, Симеонъ, всего вѣроятнѣе, первымъ условіемъ мирныхъ отношеній предъявилъ Византійскому Правительству давно желанное имъ признаніе его сыномъ цесаря, и утвержденіе за нимъ цесарскихъ правъ. Стоявшая тогда во главѣ правительственная партія, естественно, поспѣшила удовлетворить такому требованію Симеона. По крайней мѣрѣ, прямое свидѣтельство объ этомъ сохранилось вполнѣ въ приводимомъ нами мѣстѣ изъ Византійской хроники: Никола же патріархъ изиде къ Семенѣ; семѣ же главѣ поклонн Семень. Илѣтъ оуко патріархъ створишь, въ вѣнца во мѣсто свои оушьвецъ на главѣ его положи, аже глаголахъ. Здѣсь предъ нами, ясно происходитъ тотъ обрядъ нареченія Симеона отъ Патріарха цесаремъ, который обыкновенно предварялъ цесарское вѣнчаніе. И какъ нареченіе это должно было, естественно, совершиться, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, въ наивозможно скорѣйшемъ времени, безъ всякаго надлежащаго приготовления къ нему, какъ то—безъ предварительнаго освященія одной изъ царскихъ утварей, именно, епитрахили; и даже безъ присутствія при этомъ самого Императора, по случаю его малолѣтства,—то, въ сообразность со всеми этими обстоятельствами, мы и видимъ у Греческаго хрониста, что Патріархъ взамятъ царственной утвари (*ἀντὶ στέμματος*) возложилъ на Симеона свой собственный омофоръ,—оушьвецъ.

Что касается до словъ: *ἀντὶ στέμματος*, стоящихъ здѣсь въ греческомъ текстѣ и переведенныхъ въ древне-славянскомъ переводѣ словами: *въ вѣнца ко мѣсто*, мы замѣтимъ здѣсь одно, что на

языкъ подлинника слово—*στέμνα* не значить только вѣнецъ, но значить также и то, что принадлежитъ къ вѣнчанію, и, слѣдственно вообще всю царственную утварь; собственно же вѣнецъ *корона*, это *στεφάνη*. Что же касается до слова *оушвѣцъ* въ приводимомъ нами переводѣ (въ подлинникѣ *ἐπιρριπτάριον*), то мы не можемъ разумѣть здѣсь подъ нимъ ничего другаго, кромѣ *омодора*, по слѣдующимъ соображеніямъ. Слово *оушвѣцъ* есть уменьшительное отъ слова *оушкѣ*, которое значить собственно *дѣдѣму*, въ какомъ именно смыслѣ и употребляется это слово въ древне-славянскомъ переводѣ кн. Эсѳири, гл. 8, ст. 15: «Вѣнѣцъ златъ великъ на главѣ его и оушкѣ шелковъ лептоушкѣхъ.» Въ Греческомъ текстѣ LXX толковниковъ этому слову *оушкѣ* соответствуетъ здѣсь слово *διάδημα*, а слово *дѣдѣма* (*διάδημα*) равнозначуще слову *бармы*. Какъ *бармы* составляютъ въ одеждѣ царской утварь снимаемую и налагаемую на рамена; такъ и въ патріаршемъ облаченіи *омодоръ* возлагается на плечи, на рамена Патріарху, сверхъ другихъ одеждъ, и, по причинѣ особеннаго значенія, какое дано *омодорѣ*, онъ, во время служенія литургіи Патріархомъ, бываетъ нѣсколько разъ снимаемъ и надѣваемъ; почему, въ патріаршемъ облаченіи у Николая *ἐπιρριπτάριον*,—накладная одежда—*оушкѣцъ*,—и не могло означать ничего другаго, кромѣ *омодора*. Во всякомъ случаѣ, какъ бы, впрочемъ, ни толковалось это слово,—самый смыслъ событія, описаннаго выше въ древней хроникѣ, нисколько отъ этого не измѣняется. Объясненіе слова *оушкѣцъ* мы считаемъ не излишнимъ здѣсь собственно лишь въ филологическомъ отношеніи; и въ этомъ только смыслѣ мы сочли не неумѣстнымъ высказать здѣсь наше замѣчаніе объ этомъ словѣ. Не можемъ, по этому случаю, не замѣтить также кстати, что слово *оушкѣ*, употребленное въ указанномъ мѣстѣ, въ переводѣ кн. Эсѳири, и служащее первоначаломъ слову *оушкѣцъ*, приводимому въ древне-славянскомъ переводѣ хроники *Амартола*, никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ подобнымъ же словомъ *оушкѣ*, хотя и весьма сходнымъ въ написаніи съ первымъ словомъ, но совершенно различнымъ отъ него по своему значенію. Слово *оушкѣ* значить здѣсь уже не *дѣдѣму*, не *омофоръ*, какъ первое, а собственно *шапку*, *pileus*, какъ это ясно изъ слѣдующаго выраженія, приводимаго Миклошичемъ: «*σχίμα ούσκησιν σὺν τῆσιν ἀσπίδων*»

Но спѣшимъ возвратиться отъ этихъ филологическихъ соображеній къ самымъ событіямъ древне-болгарской государственной жизни. Симеонъ, получивши, какъ мы видѣли, царское нареченіе отъ Патріарха, за тѣмъ, естественно, въ своихъ переговорахъ о мирѣ, имѣлъ полное право, по Византійскимъ обычаямъ, требовать и, безъ сомнѣнія, требовалъ для себя и соответственнаго царскаго вѣнчанія. Вѣнчаніе это должно было служить окончательнымъ утвержденіемъ за нимъ давно искомымъ имъ царскихъ правъ. Въ этомъ, вполне законномъ, требованіи его, вѣроятно, было ему, однакожъ, отказано со стороны Византіи, и, вотъ, мы видимъ новый разрывъ его съ нею, новыя битвы и новыя побѣды, вѣнчающія оружіе Симеона. Вѣнчаніе же его, собственно царскихъ, долженствовавшее послѣдовать за совершившимся уже надъ нимъ, обрядомъ нареченія, въ этотъ разъ не могло состояться; по крайней мѣрѣ никакихъ грамотъ отъ Византіи, провозглашавшихъ Симеона Царемъ, какъ мы видѣли уже у греческаго хрониста, не было дано правителю Болгаріи. Безъ глашенныхъ грамотъ о мирѣ разошлась. Въ словахъ этихъ ясно выражается то обстоятельство, что эти глашенные грамоты, какъ договоры о мирѣ, не были даны, и не могли быть даны потому именно, что Симеонъ, какъ получившій уже царское нареченіе, отъ Патріарха Николая, долженъ былъ и въ мирныхъ договорахъ именоваться царскихъ, между тѣмъ какъ этого нисколько не хотѣла тогдашняя новая правительственная власть у Грековъ. Причина тутъ была совершенно та же, по какой были отмѣнены и всѣ другія рѣшенія и распоряженія, современныя нареченію Симеона, и исходившія отъ одной и той же тогдашней временной правительственной власти въ Византіи, благопріятной для Болгаръ. Вслѣдъ за тѣмъ, Императрица—мать и правительница Зоя, овладѣвши государственнымъ управленіемъ, отнеслась враждебно къ Симеону. Рѣшено было противопоставить ему всѣ силы имперіи. Понятно, что, при такомъ оборотѣ дѣла, о царскомъ вѣнчаніи его не могло уже быть и рѣчи. Всѣ эти враждебныя отношенія, возникшія вновь у Симеона къ Византіи, естественно побудили его возобновить прерванныя сношенія съ Папой. Теперь Симеону необходимо было уже царское вѣнчаніе. Самое нареченіе сыномъ царя онъ имѣлъ уже отъ Византіи. По этимъ обстоя-

тельствамъ онъ и поспѣшилъ обратиться къ Риму съ переговорами объ своемъ вѣнчаніи. Папа, съ своей стороны, безъ сомнѣнія, соревнуя Византіи, также не замедлилъ отвѣтить вполне благопріятно ожиданіямъ Симеона. Онъ прислалъ ему не только *цесарскую*, но даже *императорскую* корону, и свое патріаршее благословеніе (*coronam imperii et patriarchalem benedictionem*). Въ посланіяхъ Патріарха Николая Мистика къ Симеону, сохранились отчасти слѣды тѣхъ переговоровъ, какіе велись у Византіи съ правителемъ Болгаріи относительно признанія за нимъ Византіей правъ сына Византійскаго Императора, т. е., правъ *цесаря*, и даже высшихъ императорскихъ правъ *брата*. Такъ, мы читаемъ въ нихъ: «И нынѣ еще, христіанобивый Цесарь готовъ союзомъ мира сдружиться съ тобою какъ съ сыномъ и братомъ, и благодарно исполнить то, чѣмъ съумѣлъ бы удовлетворить вашей власти, не нарушая приличія,¹ т. е., не нарушая, конечно, тѣхъ Византійскихъ традицій по этому случаю, которыя такъ высоко цѣнились Константиномъ. Очевидно, посланіе это было писано тогда, когда Симеонъ получилъ уже отъ Папы императорскій вѣнецъ.

Печатаемъ здѣсь еще два мѣста изъ Теофанова Продолжателя (*Theophanis Continuati*) вмѣстѣ съ древнимъ переводомъ Григорія мниха, Пресвитера Болгарскаго, гдѣ видно, что обрядъ *цесарскаго нареченія*, предшествуя *цесарскому вѣнчанію*, обыкновенно отдѣлялся отъ него большимъ или меньшимъ промежуткомъ времени. Вотъ эти мѣста:

Греческій текстъ изъ Продолжателя Теофана (*Theophanis Continuati*). Ed. Niebuhrii, Bonnæ 1838. pag. 397—398.

Εἰκάδι δὲ τετάρτῃ Σεπτεμβρίου μηνὸς τριῶνται Ῥωμανὸς τῆ τοῦ

По переводу Григорія мниха, Пресвитера Болгарскаго.

Въ к̄ ѿ д̄ дн̄ь Септемвриа мѣца поутенъ въ Романы Кесаревомъ

1. См. Посланія Патріарха Николая Мистика къ Симеону князю Болгарскому, въ приложеніи къ рѣчи профессора Григоровича: «Какъ выражались отношенія Константинопольской Церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ Болгарамъ въ началѣ X столѣтія?» Одесса 1866.

Καίσαρος ἀξία· καὶ Δεκεμβρίῳ μην-
νί, ἐξ' τοῦ μηνός, τῇ τῶν προπα-
τόρων κυριακῇ, τῷ τῆς βασιλείας
στέφεται διαδήματι παρὰ Κων-
σταντίνου βασιλέως καὶ Νικολάου
πατριάρχου.

Ἐν ἔτει ρυκῆ, Ἰνδικτιῶνος ἧ' καὶ
'Ιανουαρίῳ ε', τῇ τῶν ἁγίων φώ-
των ἡμερᾷ στέφει Θεοδώραν τὴν
γυναῖκα αὐτοῦ: Μαΐῳ δὲ μηνί ἐξ'
στέφει Χριστοφόρον τὸν υἱὸν αὐτοῦ
διὰ βασιλέως τῇ τῆς ἁγίας πεν-
τηκοστῆς ἡμέρᾳ, καὶ μόνοι δύο
ἐν τῇ αὐτῇ προελεύσει προῆλθον.

саномъ, ѿ Декаврія мѣа въ хї днѣ
въ нѣлѣ прѣоцѣмъ въ црѣскыи вѣнѣць
вѣнчанъ бы Константиномъ црѣмъ
затемъ своимъ ѿ Николомъ пат-
риархомъ.

В лѣтѣ хс̄. γ̄. кѣ индикта ѿ.
Генваріа мѣа въ с̄ стѣи Бѣомвѣнїи
днѣ вѣнчавѣтъ црѣ Феодору женѣ
ѣго црѣцею; Маїа же мѣа іх̄
Христофоръ снѣ Романовъ наре-
ченъ бы црѣмъ и вѣнчѣа того мѣа
въ кѣ Константиномъ црѣмъ въ стѣи
днѣ пѣдесатный, тхѣтѣю сна двѣ в
то пришествіе прѣидоста.

Замѣчательно, что благочестивый инокъ, вносившій въ Никонов-
скій Лѣтописный Сборникъ извѣстіе о коронаціи Романа Лакапина,
тщательно избѣгаетъ выраженія: вѣнчавѣтъ вѣнцемъ царскимъ, и
говорить вмѣсто того: «Увезаетъ вѣнцемъ царскимъ Романъ Лака-
пинъ отъ зятя своего, царя Константина Багрянороднаго, сына
Льва премудраго, внука Василія Македонова.»¹

Но возвратимся къ разсказу нашей лѣтописи. Говоря о крещеніи
Ольги, она повѣствуетъ:

И шедъ царь и крестниша ю патриархъ и царь.

Такъ, мы видимъ, Ольгѣ, наконецъ, удалось уничтожить
уклончивое, хитрое намѣреніе властителя Византіи, и своею настой-
чивостію заставить Императора присутствовать при своемъ крещеніи
и наречь ее дочерью.

Провѣщена же бывши радовашеся душою и теломъ. И поучи
ю патриархъ, рече ѣи сице ѿ вѣрѣ: благословена ты въ женахъ
Рѣльскихъ яко възлюблѣи свѣтъ, а тмоу ѿстаѣи, благословити бо

1. Смотри П. С. Р. Л. т. IX, Лѣтописный Сборникъ, именуе-
мый Патриаршею или Никоновскою Лѣтописью стр. 27.

та и моути сынове Русїи и въ послѣднїи родъ вноукъ твоихъ; и зановѣда єи ѿ церковнѣмъ оуставѣ и молитвѣ и постѣ и ѿ милостини и ѿ въздѣржанїи тѣла чиста. Она же поклонивши главѣ стояше, акї губа водоу принимаше въ своѣ естество, тако оучителъ изъ оустъ слово въ сердци принимаше. И поклоншеся патриархѣ реуе: молитвами твоими, владыкъ, да схранена боудѣ шти сѣтен неприазненныхъ. Бѣже ѿма єи реуено въ крещенїи Елена, яко же и прзваа цесарица, мати великаго Константина. И благослови ю патриархъ и штиветї ю.

Здѣсь, въ самомъ нареченїи Ольги при крещенїи Еленой, по имени первой царицы, мы видимъ прямое указанїе на тѣ именно царственныя стремленїя, какїя были главнѣйшей причиною поѣздки Ольги въ Царьградъ. Мысль о томъ же государственномъ значенїи Руси, при тогдашнемъ ея единовластїи, проникаеть и всю первую, Основную нашу Лѣтопись, изъ которой удержалось за нашимъ Лѣтописцемъ и самое его названїе Лѣтописца Русскихъ Царей. Не можемъ, при этомъ, не замѣтить, что весь, приведенный выше рассказъ о бесѣдахъ Ольги, послѣ крещенїя, съ Патриархомъ, такъ естественно и такъ очевидно списанъ съ дѣйствительности, что представляетъ собою вполне примѣръ той краткости и простоты, которая, какъ говоритъ Шафарикъ, служитъ вѣрнѣйшею примѣтою глубокой древности Лѣтописей.

И призва ю царь, реуе єи: хощѣ та ровнати женѣ. Она же штиѣща: како ма хощешї ровнати женѣ, а крестивъ ма самъ, и нарекъ ма дщерь а во христіанехъ того нѣсть законѣ, ты и самъ крест.

Здѣсь, въ этомъ сказанїи, очевидно, урѣзанномъ и передѣланномъ позднѣйшими редакціями, Лѣтопись наша, первоначально, заключала въ себѣ, по всему вѣроятїю, записанный современникомъ, спутникомъ В. К. Ольги, обстоятельный и правдивый рассказъ о переговорахъ ея съ Константиномъ, едва дошедшихъ до насъ только въ самыхъ небольшихъ отрывкахъ. Во всѣхъ этихъ переговорахъ сохранилось, по нашему Лѣтописцу, та самая постепенность, какая необходимо долженствовала быть и въ самомъ ходѣ событїй, на которыя указываютъ эти переговоры. Очевидно, какъ изъ этого,

такъ и по многимъ другимъ, указаннымъ нами ниже, несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, все это сказаніе записано было первоначально съ самой дѣйствительности лицомъ близкимъ къ ней, о чемъ мы уже здѣсь говорили. Въ этой дѣйствительности тотъ порядокъ, какому слѣдовали обряды *до* крещенія и *по* крещеніи Ольги, не могъ не быть тѣмъ самымъ, какимъ онъ описанъ въ *Лѣтописцѣ Русскихъ Царей*. Такъ, мы видимъ въ немъ, вначалѣ, обрядъ оглашенія, обыкновенно предварявшій крещеніе, гдѣ сказано, что Императоръ поручается по Ольгѣ, и что, за тѣмъ, срокъ крещенія ея уже пришелъ. Далѣе, описывается и самое крещеніе, а потомъ, немедленно за нимъ, совершается обрядъ *нареченія* дочери, и, на послѣдокъ, какъ ясно видно изъ дошедшихъ до насъ, хотя и самыхъ краткихъ, отрывковъ изъ переговоровъ Ольги съ Константиномъ, необходимо долженствовало совершиться и обрядъ *царскаго вѣнчанія* Ольги, какъ дочери, который, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, былъ отложенъ на неопредѣленное время, — но который именно былъ предметомъ переговоровъ Ольги съ Византійскимъ Императоромъ, какъ мы это уже видѣли выше.

По остаткамъ нашего древняго лѣтописнаго сказанія, въ связи ихъ съ остатками Византійскихъ древностей, при надлежащемъ вниманіи къ нимъ, намъ представляется возможнымъ возстановить основной смыслъ и главное содержаніе помянутыхъ переговоровъ. Переговоры эти, какъ это ясно, при правильномъ чтеніи приведеннаго выше лѣтописнаго текста, велись между Византійскимъ цесаремъ и Русской Великой Княгиней относительно того вѣнчанія ея *царскими* *каномъ*, которое должно было совершиться, по Византійскимъ обычаямъ, какъ необходимое послѣдствіе совершившагося уже надъ нею, по крещеніи, обряда *нареченія* ея *дочерью* Императора, т. е., *цесарицы*, о чемъ мы узнаемъ изъ другаго отрывка тойже нашей Лѣтописи. Это именно формальное, обрядовое признаніе и утвержденіе за собою достоинства *дщери* Византійскаго Императора, Ольга, какъ мы также видѣли уже выше, въ томъ же Лѣтописцѣ, вынудила у Императора, помимо его желанія. Онъ самъ даже уклонялся было присутствовать въ Софійскомъ соборѣ при ея крещеніи, что, по тогдашнему церковному Византійскому уставу было совершенно необходимо не столько для воспринятія ея отъ

св. купели, такъ какъ воспріемникомъ онъ могъ быть и заочно, — сколько именно для обряда нареченія ея дщери, при чемъ непременно онъ самъ долженствовалъ принять отъ Патріарха и возложить на нареченную дщери освященную епитрахиль. И только, уже по настоящему призыву Ольги, вѣроятно, въ силу даннаго обѣщанія, Императоръ, какъ мы видимъ въ нашей Лѣтописи, приходитъ и присутствуетъ въ Соборѣ, — и креститъ и патріархъ и царь. Смыслъ этого сказанія, очевидно, тотъ, что по крещеніи Ольги Патріархомъ, Цесарь, съ своей стороны, даруетъ ей свое цесарское названіе, или, что тоже, цесарской титулъ, нарекаетъ ее своею дщерию, совершая для этого надъ нею, вмѣстѣ съ Патріархомъ, особый, установленный на подобные случаи, обрядъ, описаніе котораго дошло до нашего времени въ Византійскомъ Евхологіонѣ, изданномъ Гоаромъ. При этомъ, и самое имя, дарованное Ольгѣ отъ святой купели, было именемъ Елены, супруги Царя Константина, въ память первой христіанской царицы. Дальнѣйшее, окончательное утвержденіе себя въ этомъ именно цесарскомъ санѣ, чрезъ соответственное ему, подобающее вѣнчаніе, или коронованіе, какъ уже дщери Императора, какъ цесариссы, а не какъ дѣвѣты, Ольга и ставитъ главнымъ предметомъ вторичныхъ, послѣ крещенія, переговоровъ своихъ съ Константиномъ. Но потому-ли, что тѣ дары, какими, вѣроятно, Ольга приобрѣла себѣ свое нареченіе дщерию Императора, были недостаточно удовлетворительны для Византійцевъ, или же, напротивъ, были такъ цѣнны, что подавали имъ еще большія надежды на другія, еще обильнѣйшія приношенія со стороны Ольги, или же, наконецъ потому, что тѣ немаловажныя издержки, какія соединялись для Императора съ вѣнчаніемъ Ольги, какъ цесариссы, — при чемъ требовались для нея и золотая съ дорогими камнями и жемчугомъ корона и все остальное, весьма цѣнное, цесарское облаченіе, не говоря уже о высокости даруемаго при этомъ цесарскаго сана, особенно высоко цѣнимаго именно Константиномъ Багрянороднымъ, какъ мы это знаемъ изъ его записокъ: какъ бы то ни было, по этимъ-ли, или, по другимъ причинамъ, Цесарь, какъ это ясно въ нашей Лѣтописи, старался всячески затруднить и отдалить окончательное утвержденіе Ольги въ качествѣ дщери, т. е. вѣнчаніе ея, какъ цесариссы. Съ этой, конечно, цѣлью, онъ и предлагаетъ ей вѣнчаніе, только какъ

августы (жены), а не какъ дочери Императора, избывая этого послѣдняго вѣнчанія, какъ болѣе высшаго, чѣмъ первое. Другими словами, онъ просто договаривается съ ней, стараясь при этомъ выговорить, сколько можно болѣе, выгодъ для себя, для Византіи. При этомъ, вѣроятно, онъ отклонялъ вѣнчаніе нареченной своей дочери, какъ цесариссы, подъ разными предлогами, какъ напр., подъ тѣмъ, что цесарское облаченіе для нея еще неготово; что для изготавленія его потребуется не мало времени, и т. п. Ольга, съ своей стороны, также, вѣроятно, старалась, сколько возможно болѣе, выговорить выгодъ отъ Византіи для Руси, съ наименьшими пожертвованіями съ своей стороны. Всего же вѣроятнѣе, Константинъ желалъ, заручившись чрезъ Ольгу мирнымъ договоромъ съ Русью, — словомъ к любви, — и нарекиши ее за то своей дочерью, т. е. цесариссой, тогда только вѣнчать ее этимъ саномъ и прислать ей для этого цесарскую корону и все прочее облаченіе, когда она, по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, пришлетъ ему, съ своей стороны, то вспомогательное войско, о которомъ позднѣе, какъ мы видимъ въ нашей Лѣтописи, напоминаетъ Ольгѣ цесарскій посолъ, и въ которомъ Византія имѣла, въ это время, вѣроятно, особенную надобность. Въ этомъ случаѣ вѣнчаніе Ольги могло бы совершиться уже не въ Византіи, а прямо въ Кіевѣ, и, затѣмъ, всѣ издержки по царскому облаченію для такого вѣнчанія отлагались уже до болѣе благопріятнаго времени, а пока Византія, съ своей стороны, могла дать Ольгѣ для этого только своего Пресвитера, который и могъ вѣнчать ее въ Кіевѣ отъ имени Патріарха. Пресвитеръ грекъ дѣйствительно и данъ былъ Ольгѣ, не смотря на то, что при ней уже находилось другое духовное лицо, спутникъ ея *παλας* Григорій. По этому случаю, Константинъ, вѣроятно, представлялъ Ольгѣ, что такое торжественное событіе, какъ вѣнчаніе ея цесариссой, нигдѣ, какъ въ Кіевѣ, не возвеличитъ такъ высоко царскій санъ, какъ и самое христіанство, въ глазахъ грубой, языческой толпы, и даже въ глазахъ самого Святослава, и что, во всякомъ случаѣ, оно будетъ несравненно знаменательнѣе для нея на ея родинѣ, чѣмъ здѣсь, въ Византіи, вдали отъ всѣхъ ея подданныхъ. На сколько Ольга соглашалась съ такими убѣжденіями Цесаря, объ этомъ можно судить только потому, что она дѣйствительно не была вѣнчана въ Византіи.

Изъ всего того, что сейчас мы видѣли въ немногихъ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ нашей Первоосновной Лѣтописи, о переговорахъ В. К. Ольги съ Константиномъ, относительно цесарскаго ея вѣнчанія, мы можемъ заключить о необыкновенной важности этого сказанія. Въ немъ раскрывается вполне та великая цѣль, которую въ видахъ государственнаго возвеличенія своей родины, Ольга старалась соединить съ другою, чисто благочестивою цѣлью. Вполне вѣроятныя причины того, почему это сказаніе дошло до насъ только въ очень краткихъ, замѣтно урѣзанныхъ и искаженныхъ чертахъ, достаточно говорятъ сами за себя. Упомянемъ о нихъ ниже, и при этомъ замѣтимъ также и то, что вообще вся вѣроятность представленнаго выше подлиннаго смысла этого разсказа не можетъ, для безпристрастнаго изслѣдователя, не обратиться въ полнѣйшую достовѣрность, когда она встрѣчается съ подтвержденіями о томъ же въ другихъ, не менѣе достовѣрныхъ, современныхъ свидѣльствахъ. Такое подтвержденіе представляетъ самъ Константинъ Порфиродный. Такъ именно, совершенно согласно съ нашей Лѣтописью, гдѣ мы видимъ, что Ольга два раза видѣлась съ нимъ въ Византіи, два раза лично вела переговоры о своемъ вѣнчаніи, въ первый разъ до крещенія и въ другой по крещеніи, — тоже самое находимъ мы и въ запискахъ Константина. Въ нихъ также Ольга два раза бесѣдуетъ съ нимъ, одинъ разъ до крещенія, гдѣ, въ качествѣ только архонтисы, она сидитъ за столомъ съ почетными женами, Зостами, и другой разъ, когда уже въ качествѣ дщери Императора мы видимъ ее за трапезою съ императорскою семьею. Изъ этого точнаго совпаденія двухъ современныхъ, совершенно тождественныхъ свидѣтельствъ объ одномъ и томъ же событіи, самое событіе получаетъ, безспорно, самую строгую достовѣрность.

Что касается до причинъ, почему это важное сказаніе дошло до насъ такъ жестоко изуродованнымъ, причины эти будутъ для насъ достаточно понятны, если мы припомнимъ, что благочестивый монахъ, сводя лѣтописныя сказанія въ одно цѣлое, и читая въ Первоосновной Лѣтописи разсказъ очевидца о переговорахъ Ольги съ Константиномъ о цесарскомъ вѣнчаніи, естественно былъ не въ состояніи выразумѣть настоящій смыслъ этихъ переговоровъ. Монастырская замкнутость его понятій, не выходившихъ изъ круга

обыкновенной отшельнической жизни, не могла перенести его въ тайны древняго Византійскаго этикета. Два цѣлыхъ столѣтія отдѣляли его отъ времени этихъ переговоровъ. Тогдашняя Русь давно уже утратила всякую мысль о какомъ либо другомъ вѣнчаніи, кромѣ обыкновеннаго брачнаго вѣнчанія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ долженъ былъ понять и нашъ составитель Свода всѣ переговоры о вѣнчаніи Ольги, рассказанные древнимъ ихъ современникомъ. Въ этихъ разсказахъ видя, что Ольга переговаривалась съ Константиномъ о какомъ-то непостижимомъ для него царскомъ вѣнчаніи, гдѣ и сама Ольга соглашалась вѣнчаться, но только какъ дщерь, а не какъ дѣвѣта и даже требовала такого вѣнчанія, онъ пришелъ въ недоумѣніе и былъ не въ силахъ понять все это вѣнчаніе въ какомъ—либо иномъ, неизвѣстномъ для тогдашней Руси смыслѣ, кромѣ общеизвѣстнаго брачнаго вѣнчанія. Обращеніе Императора къ Ольгѣ, хотя уже и не юной, хотя и тотчасъ же, послѣ ея крещенія, не могло, конечно, не смутить благочестиваго инока, встрѣтившаго тутъ слово: ровнати жѣнѣ. Это выраженіе, естественно, должно было только утвердить его въ тѣхъ мысляхъ, о брачномъ предложеніи, будтобы сдѣланномъ Ольгѣ отъ Константина, которыя уже были возбуждены въ немъ предыдущими, непонятыми имъ словами къ любви и приглашеніемъ, обращеннымъ къ Ольгѣ царствовать вмѣстѣ съ императорами, въ Византіи. По этому-то самому не могли понять въ надлежащемъ смыслѣ выраженія: ровнати жѣнѣ, онъ замѣнилъ его выраженіемъ: понати жѣнѣ. Несогласіе, затѣмъ, Ольги (также непонятое въ надлежащемъ значеніи) на предложеніе Константина быть будто бы его женою, выраженное ею, на основаніи того закона, у христіанъ, по которому она была уже духовною дщерью Императора и не могла, поэтому, стать его супругою, окончательно убѣдило составителя Лѣтописнаго нашего Свода въ томъ мнѣніи, будто Константинъ дѣйствительно предлагалъ Ольгѣ брачный союзъ съ собою. Онъ счелъ этотъ разсказъ унижительнымъ для Ольги, а потому и рѣшился исключить по всѣмъ этимъ причинамъ, въ видахъ охраны ея чести отъ нареканія, все, что говорила сама Ольга объ этомъ предметѣ въ своихъ переговорахъ съ Цесаремъ, все, кромѣ отказа ея вѣнчаться, какъ жѣнѣ, и оставилъ въ нихъ одно только то, что говорилъ самъ Константинъ, да и то, въ такомъ сокращеніи и

переименованіи всего разсказа, какое вполнѣ отвѣчало какъ недалѣ-
нимъ понятіямъ его объ этомъ событіи, такъ, быть можетъ, и
самому желанію осмѣять, какъ думаютъ нѣкоторые, Византійскаго
Императора, получившаго будтобы постыдный отказъ и укоръ за
беззаконное свое предложеніе отъ В. К. Ольги. Въ тожѣ время такой
отказъ возвеличивалъ въ глазахъ благочестиваго отшельника мудрое
поведеніе Великой Княгини, надменно отвергнувшей будто бы неза-
конное цесарское предложеніе брачнаго союза. Въ замѣнъ Константи-
на, не справляясь съ временемъ, иные позднѣйшіе списки ставятъ
для этого даже другое имя, болѣе ненавистное для сторонниковъ
Святослава, именно—Цимисхія. И чѣмъ позднѣе редакціи нашей
Лѣтописи, тѣмъ вообще, виднѣе въ нихъ этотъ произволъ въ пере-
дѣлкѣ древняго разсказа по этой позднѣйшей идеѣ составителей
Лѣтописнаго Свода. Вообще, отъ этой передѣлки историческая наша
наука лишилась самаго любопытнаго и самаго важнаго разсказа изъ
первоначальной Русской Лѣтописи. Разсказъ этотъ перешелъ, какъ
извѣстно, въ самую нелѣпую басню у позднѣйшихъ какъ передѣ-
львателей, такъ и толкователей остатковъ этой Лѣтописи. И до
сихъ поръ еще, къ великому сожалѣнію, эти остатки составляютъ
только обильный источникъ для страннаго, наивнаго глумленія надъ
мнимымъ простодушіемъ перваго нашего Лѣтописца. Въка даже
освятили такое глумленіе и дали ему защитниковъ въ средѣ немало-
важныхъ авторитетовъ исторической нашей науки. Но все это,
конечно, только до времени. Наука идетъ все впередъ, и впередъ,
отъ тьмы къ свѣту.

И рече царь: преклика ма Ольга.

Ольга дѣйствительно прекликала, перехитрила Константина,
при веденіи вышеописанныхъ переговоровъ, своимъ тонкимъ зна-
ніемъ Византійскихъ обычаевъ, которыми, какъ извѣстно, такъ
тщеславился Константинъ. Знаніе это она имѣла, конечно, не сама
собою, но легко могла получить его, какъ несомнѣнно, отъ Гри-
горія, Пресвитера Болгарскаго, который, въ лицѣ извѣстнаго
Константину Багрянородному, *палѣс'а* Григорія, былъ ближай-
шимъ ея руководителемъ.

И вѣдасть ей дары многы: злато и сребро и паволоки, и
созвды рѣзанымы. И штивети ю. Нарекъ ю дщерь себе.

Летописецъ нашъ говоритъ, что отпуская Ольгу изъ Византіи, Императоръ нарекъ и дщерию своеѣ. Естественно и очевидно слова эти выражаютъ, что въ силу происшедшаго отъ того для Ольги дѣховнаго уаства, какъ дщери Императорской, неизбежно утверждалось за нею, по тогдашнему государственному Византійскому порядку, право въ договорахъ на титуль: «возлюбленной дѣховной дщери Бленѣ, царицѣ Русси.» При размѣнѣ договорныхъ грамотъ вручены были Ольгѣ дары. Съ своей стороны, Великая Княгиня Русская обѣщалась отдарить Императора, по возвращеніи на Русь, и тогда уже оказать Византіи вооруженную помощь. Договорныя грамоты Ольги съ Константиномъ Багрянороднымъ до насъ не дошли, но нѣкоторое подтвержденіе о дарованныхъ Ольгѣ правахъ, въ согласіи съ Лѣтописцемъ Русскихъ Царей, мы находимъ у Византійскихъ лѣтописцевъ, которые прямо говорятъ, что Ольга получила отъ Императора подобающія ей почести, при возвращеніи ея на Русь. У Кедрина: *Elga Russorum principis uxor, qui classem in Romanos duxerat, marito defuncto, Constantinopolin venit: et baptizata, cum magnum verae pietatis studium demonstrasset, dignis suo instituto honoribus effecta domum rediit* (Corpus Hist. Byz. VIII pag. 499. Venet); у Скилиты: *et ea, quæ fuerat uxor ducis Rhos, qui contra Romanos classem adduxerat, Olga nomine, mortuo ipsius viro, ad Gonstantinopolin se contulit, et baptizata, cum sinceræ fidei cultum se suscipire instituisse ostendisset, pro sui propositi dignitate ornata domum rediit* (Шлецер. Нестор. III, стр. 464); у Зонара: *Elga, uxor ducis Russorum, qui Romanos classe infestarat, defuncto marito, se ad Imperatorem contulit, ac baptizata, et pro dignitate tractata domum rediit* (Corpus Byz. XI, pag. 152 Venet.).

И пакы приде къ патрнархѣ благословеніа прося на домъ. И рече емоу: людѣ мои погани и сынъ мой, дабы мѣ Богъ съблжхъ штъ всего зла. И рече патрнархъ: уадо верное, въ Христа крестила. ея еси, и въ Христа шблечеся. Христога имать съхранити тѣ, іако же съхранѣ ноха. въ а. а роды. И Ноа ш потопа. Авраама ш Авимелеха. Лота ш Содомлянъ. Моуѣсеа ш Фараоша. Давида ш Саула. Г. ю штрокъ ш печи. Данила ш лвовъ. Тако и тебѣ избавитъ ш неприязни и сѣти его. И благослови ю патрнархъ, и дасть еи прозьвнтера. И прииде въ Киевъ. Сеже бысть больши Оужьскіе царици, ижъ приде видети премоудрость Соломани. Я ея же Христа оубиде.

Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ такимъ же, какъ и выше, простымъ, вѣрнымъ словомъ древнѣйшаго лѣтописателя, очевидно, нисколько неискаженнымъ переписчиками. Читая его, точно мы сами присутствуемъ при этомъ прощаніи В. К. Ольги съ Патріархомъ: такъ живо и наглядно передается дѣйствительность. Какой искусной, тонкой кистью опытнаго писателя нашъ первый Лѣтописатель дѣлаетъ намеки, въ этомъ сравненіи В. К. Ольги съ Оужьскою царицею, какъ и выше съ первой царицею Еленой, на новополученный ею, вмѣстѣ съ пріятіемъ св. крещенія, царскій санъ. Безъ этого новаго царскаго достоинства ея, конечно, и подобныя сравненія не имѣли бы тутъ мѣста. При этомъ мы не можемъ не замѣтить одного выраженія, доказывающаго древность редакціи приводимаго нами разсказа. Выраженіе это: *сѣже бысть болюши Оужьскіе царици*. Слово *Оужьскіе*, очевидно, указываетъ въ нашемъ спискѣ на современность его съ древнѣйшими списками св. Евангелія и совершенную тождественность языка его съ первоначальнымъ переводомъ слова Божія. Въ св. Евангеліи отъ Матѳея гл. XII ст. 42 (по рукописи Болгарскаго извода, писаннаго въ XIV в. издан. въ 1856 г. Миклошичемъ) мы читаемъ: «Цѣсарица Южская възстанеть на сѣдхъ съ родомъ имъ и осждитъ и, яко приде отъ коньць землиа сажшатъ прѣмждрости Соломанга.» И въ св. Евангеліи отъ Луки гл. XI ст. 31 (по пергаментной рукописи XIII в. Болгарскаго извода, принадлежащей мнѣ): «Цѣсарица Южска възстанеть на сѣдхъ съ мѣжи рода сего и шѣсждитъ ихъ, яко приде отъ коньць земли.» Въ новѣйшихъ спискахъ Русскаго Временника вмѣсто Южскіа царицы поставлено царица Бдіопьскіа. Въ несомнѣнно древнѣйшемъ памятникѣ нашей письменности, сохранившемся безъ всякихъ перемѣнъ до нашего времени, въ переводахъ Св. Писанія, мы находимъ, также какъ и въ нашемъ Лѣтописцѣ, слово *Оужьскіа*. Слово это, очевидно, принадлежитъ къ древнѣйшей Болгарской эпохѣ нашей письменности. Позднѣе, какъ это видно по другимъ новѣйшимъ ея произведеніямъ, оно уже замѣнилось, гдѣ могло замѣниться, другимъ словомъ, именно: *Бдіопьскіа*. Замѣна эта не поспѣла коснуться только текста священнаго Евангелія, прошедшаго вѣка неповрежденнымъ. Въ другихъ же, собственно свѣтскихъ произведеніяхъ, она явилась, какъ обличеніе позднѣйшаго ихъ

происхожденія. Такъ въ Лаврентьевской Лѣтописи мы читаемъ: «се же бысть, якоже при Соломанѣ приде царица Ѳдіопыскаа къ Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знаменья: такоже и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости Божьей, но она чловѣчьски, а си Божья.» Укажемъ и самый источникъ такой позднѣйшей замѣны. Это именно Юсифъ Флавій. Разсказывая тоже событіе, о которомъ говорится въ Евангеліи, онъ называетъ царицу Оужскую царицею Ѳдіопскою.

ЮСИФА ФЛАВІЯ ДРЕВНОСТИ ІУДЕЙСКІЯ

Греческій текстъ по изд. 1544 г. ч. II кн. 8 гл. 2, стр. 241.

Τὴν δὲ τῆ αἰγύπτου καὶ αἰθιοπίας τότε βασιλεύουσαν γυναικα. σοφία διαπεποιημένη καὶ τὰλλα θαυμαστὴν. ἀκέσσαν τὴν σολομῶνος ἀρετὴν καὶ φρόνησιν, θυμία τῆς ὄψεως αὐτοῦ καὶ τῶν ὁσημέραι περὶ τῶν ἐκεῖ λεγομένων πρὸς αὐτὸν ἤγαγε.

Русскій текстъ перевода Священника Самуилова, по изданію 1795 г. ч. II, кн. 8, гл. VI, стр. 29 и 30

Между тѣмъ временемъ царица Ѳгипта и Ѳдіопін, жена высокихъ дарованій и великая рачительница премудрости, услышавъ о Соломоновой добродѣтели и несравненномъ его разумѣ, восхотѣла видѣти его особу и быть самозрительницею славныхъ дѣлъ его, которыя до ея доходили слуха.

Вѣроятно, какой—либо изъ позднѣйшихъ начетчиковъ внесъ и въ позднѣйшія Лѣтописныя наши редакціи эту же самую замѣну словъ, которой нѣтъ нигдѣ въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности, въ переводѣ книгъ Св. Писанія.

Паки присла к неи царь рече: азъ дарихъ та. Я ты такъ рекла еси: ѳгда възвращоуся тогда ѡдарюся. Она же рече слоу: аще ты такоже постоиши въ Поуаине, якоже азъ в Ѳдѣ, тогда ти въздамъ, и ѡпоусти слы.

Этотъ замѣчательный отвѣтъ Ольги посламъ Константина, вполне достойный ея величія, говоритъ самъ за себя. Вѣроятно, послы Цесаря не привезли съ собою обѣщанныхъ Императоромъ короны и другихъ цесарскихъ утварей. Ожиданія Ольги не сбылись,

и это не могло не отразиться на приѣмъ ея Византійскихъ пословъ. Но и здѣсь, вѣрная своему характеру, всегдашней своей политикѣ, Ольга даетъ всему этому дѣлу самый соотвѣтственный оборотъ. Она утаиваетъ свое недовольство о томъ, что переговоры ея о цесарскомъ вѣнчаніи остались безъ послѣдствій и, прикрывая безуспѣшность своего вліянія на дикую, языческую Русь и на Святослава, относительно обѣщаннаго вспомогательнаго войска для Византіи, она представляетъ самый благовидный для себя предлогъ такому отказу. Въ отвѣтъ своемъ посламъ она даетъ понять Императору, что все это произошло единственно отъ недостаточно почтительнаго приѣма ея въ Царѣградѣ. Она какъ бы намекаетъ на то, что отказъ въ подобающемъ ей вѣнчаніи и приѣмъ при Византійскомъ дворѣ, какъ цесарицы, а также промедленіе въ признаніи за нею этого именно сана, составляютъ всю ту причину, почему, она теперь не можетъ исполнить своего обѣщанія, относительно взаимнаго, мирнаго, оборонительнаго и наступательнаго союза съ Византіей. «Пусть теперь самъ Цесарь пріѣдетъ въ Кіевъ и столько же подождетъ приѣма его на Руси, какъ Цесаря, какъ я ждала подобающаго мнѣ цесарскаго приѣма въ Византіи, и тогда только я исполню свое обѣщаніе.» Такъ говоритъ Ольга посламъ его, по возвращеніи своемъ въ Кіевъ. Въ это время, она, по примѣру Болгарскаго царя Симеона, вѣроятно, уже имѣла надежды получить цесарское вѣнчаніе помимо Византіи, отъ Римско-Императорской власти. Соперничествуя съ Греціей, Римское духовенство охотно могло согласиться помочь Императору Оттону въ исполненіи такого желанія мудрой правительницы могучей Руси. Оно могло, при этомъ, питать надежду подѣйствовать, чрезъ Великую Княгиню, и на сына ея Святослава и на весь народъ Русскій, въ пользу воссоединенія ихъ съ церковію Римскою. Дѣйствительно, вскорѣ, по возвращеніи Ольги изъ Царяграда, отъ котораго она не получила желаемаго цесарскаго вѣнчанія, она отправила пословъ къ Римскому Императору. Ясно, что цѣль этого посольства не могла быть никакая другая, кромѣ той, которую она имѣла при своей недавней поѣздкѣ въ Византію, и которая не осуществилась въ столицѣ Восточной Римской имперіи. Западъ, какъ ей близко было извѣстно отъ ближайшаго ея совѣтника *παλαῖσα* Григорія, былъ благопріятнѣе въ томъ же отношеніи къ Великому Симеону. Почему бы и теперь

онъ могъ оказаться не такимъ для Руси, какимъ былъ для Болгаріи? Во всякомъ случаѣ, какъ уже доказано извѣстными нашими изслѣдователями, цѣль посольства Ольги къ Римскому Императору никакъ не могла быть цѣлью религиозною, т. е., отпаденіемъ Ольги отъ Восточнаго Православія, да и причинъ къ этому никакихъ не существовало. А между тѣмъ, какъ это нынѣ уже доказано превосходнымъ, ученымъ изслѣдованіемъ Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, послы отъ Ольги дѣйствительно отправлялись къ Оттону, и отправлялись именно вскорѣ, по возвращеніи ея изъ Царяграда. Въ то же самое время мы видимъ Ольгу въ нашемъ Лѣтописцѣ необыкновенно гордо относящуюся къ посольству отъ Византіи, чего никакъ, конечно, не могло бы быть, если бы Ольга не питала уже въ это время, какихъ-либо надеждъ на Римскаго Императора. У Нестора совершенно пропущено сказаніе объ этомъ событіи¹. Онъ, по всей вѣроятности, не въ силахъ былъ понять всей глубины тогдашнихъ политическихъ соображеній, внушенныхъ Великой Княгинѣ Пресвитеромъ Болгарскимъ Григоріемъ, ближайшимъ сотрудникомъ просвѣтительной ея дѣятельности, который высоко превосходилъ умственнымъ своимъ развитіемъ всю окружающую Русскую среду. Поэтому то рассказъ объ этомъ важнѣйшемъ явленіи современной жизни и не занесенъ Несторомъ на страницы его Лѣтописнаго Свода. Естественно, онъ счелъ за дѣло недостойное Великой Княгини какое бы то ни было обращеніе къ Западу, вражда котораго къ Востоку въ эпоху Нестора развилась уже гораздо сильнѣе, чѣмъ во времена самой Ольги. Притомъ же, здѣсь опять шла рѣчь, въ сохранившихся преданіяхъ объ этомъ событіи, о непонятномъ для нашего отшельника какомъ-то *цесарскомъ вѣнчаніи*, о томъ *вѣнчаніи*, рассказъ о которомъ, въ другомъ мѣстѣ, выше, онъ такъ тщательно постарался передѣлать на свой обиходный строй понятій, какъ мы уже имѣли случай это замѣтить.

Отсюда именно тотъ необъяснимый и до сихъ поръ пробѣлъ въ нашихъ лѣтописяхъ, относительно посольства Ольги къ Оттону, того посольства, которое, по другимъ, западнымъ свидѣтельствамъ, составляетъ одинъ изъ несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ. Отсюда также и то непонятое значеніе этого факта, какимъ оно оставалось до настоящаго времени.

1. См. Шлецера т. III, стр. 445.

Посмотримъ на самыя обстоятельства этого событія. Въ 959 г., по возвращеніи Ольги изъ Царяграда, послы отъ нея отправляютъ къ Римскому Императору Оттону, съ требованіемъ присылки Епископа. Для чего, съ какой цѣлью, нуженъ ей былъ этотъ Епископъ, когда она всегда могла имѣть епископовъ отъ единовѣрныхъ ей Византіи и Болгаріи? Вопросы эти окончательно не разрѣшимы, если историческая наука наша станетъ искать собственно религиозныхъ, а не однихъ чисто государственныхъ цѣлей въ этомъ посылствѣ. Никакая религиозная цѣль, естественно, не могла быть предметомъ исканій въ Римской имперіи для Ольги, только что пришедшей отъ св. купели изъ Царяграда. Никто изъ изслѣдователей вопроса объ этомъ предметѣ не обратилъ и до сихъ поръ никакого вниманія на то обстоятельство, почему Великая Княгиня, имѣя надобность въ присылкѣ къ ней Епископа, обратилась за этимъ не прямо къ Папѣ, а къ Императору. Причина этому теперь вполне очевидна. Великая Княгиня Ольга имѣла, въ данномъ случаѣ, совершенно не церковную, а чисто государственную цѣль. Другой цѣли, какъ мы уже видѣли, и еще увидимъ, она и не могла имѣть. Ей нужно было не церковное воссоединеніе съ Западомъ, а довершеніе надъ собою того, что должно было слѣдовать за нареченіемъ ея дочерью, т. е., *цесарское вѣнчаніе*, которое всячески старался замедлить и отдалить Византійскій Императоръ; почему она, оскорбившись его неправильными и притязательными дѣйствіями, вынуждена была обратиться къ Императору Оттону. Если бы она имѣла не эту именно государственную, а религиозную цѣль, то она, конечно, обратилась бы не къ Римскому Императору, но въ Римъ къ Папѣ. Императоръ Оттонъ, будучи, какъ извѣстно, ревнителемъ и распространителемъ Латинства, безъ сомнѣнія, вполне сочувственно отнесся къ подобному желанію Ольги. Онъ могъ при этомъ питать свои особенныя цѣли, цѣли чисто религиозной пропаганды. Онъ могъ надѣяться, чрезъ *цесарское вѣнчаніе* Ольги, на воссоединеніе съ Римомъ не только ея, но и сына ея Святослава и всей Руси. Въ этихъ надеждахъ онъ былъ поддержанъ особенно побочнымъ своимъ сыномъ, Майнцскимъ Епископомъ Вильгельмомъ. Этотъ послѣдній, въ ревностной заботѣ своей объ этомъ дѣлѣ, самъ указалъ Императору и Епископа для Руси, Трирскаго монаха Адальберта. Императоръ, съ своей стороны, щедро снабдилъ Ада-

льберта всѣми нужными для этого посольства, гдѣ именно требовалось немало драгоценной цесарской утвари. Ясное подтвержденіе тому, что Ольга приглашала къ себѣ Латинскихъ Епископа и Пресвитеровъ нисколько не съ религіозною цѣлю, представляетъ также и слѣдующее обстоятельство. Духовныя лица Запада никакъ не могли быть годными для Великой Княгини Ольги, ни для Руси, въ отношеніи собственно духовнаго служенія ихъ, даже ужъ потому, что языкъ ея родины не могъ быть достаточно знакомъ имъ. Не доставало имъ также и того знакомства съ Русью, съ ея нравами, съ ея общественнымъ строемъ жизни, какого напротивъ, не могли не имѣть духовныя Греческіе по своимъ близкимъ, давнимъ сношеніямъ съ Русью. По всему этому желаніе Великой Княгини Ольги относительно того, чтобы Латинскій Епископъ прибылъ на нѣкоторое время въ Русь, не могло быть никакое иное, какъ исключительно съ политической цѣлю. Съ этимъ согласны и послѣднія изслѣдованія извѣстныхъ нашихъ ученыхъ. Вопросъ лишь въ томъ, какая же именно цѣль имѣлась въ виду при посольствѣ Ольги къ Римскому Императору. Никакихъ особенныхъ политическихъ отношеній, во времена Ольги и Святослава Оттонъ I.й не имѣлъ съ нашимъ отечествомъ. Для чего же отправлялись къ Императору послы отъ Ольги, для чего явились отъ него на Русь епископы? Думать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, что Русскіе послы были самозванцы, а Римскіе епископы были такъ простодушны, что вдались въ подобный обманъ, мы не имѣемъ никакого историческаго повода. Предполагать, безъ всякой побудительной причины, отступничество отъ Православія, со стороны Великой Княгини, было бы нелѣпостью. Самыя положительныя историческія свидѣтельства удостовѣряюгъ, что Епископъ Римскій былъ на Руси никакъ не изъ религіозныхъ цѣлей, иначе онъ не могъ бы не основать у насъ какого либо своего епископства, а между тѣмъ, по свидѣтельству Адама Бременскаго, лѣтописца Саксонскаго, Епископъ Ругійскій Адальбертъ, бывшій на Руси вслѣдствіе посольства отъ Ольги, не основалъ ни Кіевскаго, ни Новгородскаго епископства. Вообще, въ всякихъ догадокъ, не имѣющихъ за себя никакихъ оправданій въ самыхъ фактахъ, мы находимъ въ нашемъ Первоосновномъ Лѣтописцѣ, при надлежащемъ вниманіи къ нему, прямое разрѣшеніе вопроса о посольствѣ Ольги къ Оттону. Посольство это, весьма естественно,

отправлялось для того только, чтобы по примѣру Болгарскаго Царя Симеона, Ольга могла получить отъ Римскаго Императора то, чего не получила она отъ Византіи, и о чемъ ясно говоритъ нашъ Лѣтописецъ, описывая переговоры ея съ Константиномъ,—именно цесарское вѣнчаніе. Епископъ Латинскій былъ необходимъ Ольгѣ только для вѣнчанія ея, по повелѣнію Императора, съ подобающею торжественностію, въ стольномъ градѣ Кіевѣ. Въ этихъ, конечно, только видахъ онъ и готовился такъ долго къ поѣздкѣ на Русь. Для этого вѣнчанія необходимо было, безъ сомнѣнія, заготовить многія цѣнныя вещи, какъ то: цесарскую корону, многоцвѣтную цесарскую одежду и всю прочую утварь. Одинъ изъ предназначавшихся въ посольство духовныхъ лицъ, именно монахъ Либурціусъ, такъ и не дождался отъѣзда. Онъ скончался въ 961 году, спустя два года послѣ начала этого дѣла. На мѣсто его, какъ повѣствуютъ западныя лѣтописи, избранъ былъ новый Епископъ, Трирскій монахъ Адальбертъ, который наконецъ и отправился въ 962 году. Не успѣвая однакоже ни въ чемъ, за чѣмъ былъ посланъ, продолжаютъ лѣтописи, онъ въ томъ же году возвратился обратно, будучи изгнанъ язычниками,—при чемъ едва спасся отъ рукъ ихъ, а нѣкоторые изъ спутниковъ его были даже убиты. Все это, какъ нельзя болѣе, естественно и согласно съ ходомъ событій. Весьма вѣроятно, что Адальберту внушено было ревнителемъ вѣры, Императоромъ Оттономъ, тогда только вѣнчать Ольгу цесарскими вѣнчаніемъ, если она будетъ склонна на присоединеніе къ Римской церкви. На это указываютъ и слова западныхъ лѣтописей, говоря, что посланные не успѣли ни въ чемъ, за чѣмъ были посланы. Естественно, равноапостольная Ольга не могла уступить ни за какую земную цѣну своего неземнаго званія православной христіанки. Она рѣшительно отвергла подобное предложеніе, и даже могла заподозрить пословъ въ ихъ самовольномъ несогласіи на ея вѣнчаніе. На такомъ основаніи она могла счесть себя достаточно въ правѣ даже потребовать отъ нихъ силою присланныхъ ей отъ Императора цесарской короны и утвари. Ужъ конечно не въ средѣ православныхъ восточныхъ христіанъ могли они найти себѣ поддержку противъ такого требованія Ольги, желавшей, чтобы они исполнили то, за чѣмъ были присланы, по ея просьбѣ. Язычество на Руси еще менѣе было расположено въ ихъ пользу. При подобномъ положеніи дѣла

легко могло случиться, что всѣ драгоценныя вещи, присланныя съ ними, остались на Руси, сами же они, какъ послушники Императорской власти, были изгнаны и на возвратномъ пути могли быть ограблены и нѣкоторыя изъ нихъ убиты, какъ это и случилось.

За тѣмъ намъ остается отмѣтить только тѣ причины, по которымъ мы исключили одно слово изъ текста нашего Лѣтописца.

Въ подлинникѣ сказано: «аще ты также постоиши азъ Почайнѣ, ако же азъ в Ѡудѣ рѣцѣ.» Слово рѣцѣ мы исключили здѣсь по слѣдующимъ основаніямъ. Во многихъ спискахъ слова этого вовсе не находится; да и находится въ Первоосновной Лѣтописи оно никакъ не могло и составлять только уже позднѣйшую, совершенно неправильную приписку на полѣ, впоследствии вошедшую въ самый текстъ. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ указать самую причину такой ошибочной вставки въ Лѣтопись, введшую въ большое заблужденіе на счетъ самого значенія слова: Ѡудъ, какъ позднѣйшихъ лѣтописателей, такъ и новѣйшихъ толкователей ихъ, какъ напр., Преосвященнаго Филарета Архіепископа Черниговскаго, понимающаго подъ словомъ Судъ совершенно ошибочно: галавъ. Дѣло объясняется, по нашему мнѣнію, просто. Въ Первоосновной Лѣтописи слово Ѡудъ поясняется сравненіемъ его съ Почайной. Ни при первомъ, ни при последнемъ словѣ, въ древнѣйшихъ редакціяхъ Лѣтописца, не находимъ никакого поясненія для этихъ словъ. Очевидно, для современниковъ, онѣ были совершенно понятны, и всякія поясненія тутъ были для нихъ излишни. Они знали, что какъ Ѡудъ, такъ и Почайна, были предмѣстія, укрѣпленныя валомъ, съ тыномъ, и обнесенныя ровомъ, одно при заливѣ въ Византію, а другое Кіевское, при рѣчкѣ Почайнѣ. Но позднѣйшіе читатели нашихъ Временниковъ, какъ и составители Лѣтописныхъ Сводовъ, утратившіе уже близкое знакомство какъ съ Византійской, такъ и съ отечественной Русско-Кіевской древностію, стараются, какъ мы видимъ, уже объяснить себѣ эти слова, и отсюда, на поляхъ Лѣтописцевъ, являются, въ нѣкоторыхъ редакціяхъ, приписки: рѣцѣ, а въ другихъ, еще болѣе позднихъ, сѣминѣ. И тѣ, и другія приписки, сдѣланныя вовсе невпопадъ, произошли отъ того, что не знали хорошо ни мѣстности древней Византіи, ни положенія древняго Кіева, ни пути, которымъ ходили обыкновенно Руссы въ Византію, а зная только одно, что въ Кіевѣ есть Почайна рѣка, и думая, что если съ нею сравнивается у древняго

Лѣтописца Сѣдѣ, то, значить, и Сѣдѣ есть рѣка, или, какъ поправляетъ Архангелогородскій писатель Временника, устье рѣки—Сѣдѣ же сѣменѣ. Все это обстоятельство поновленія нашей древнѣйшей Лѣтописи невольно напоминаетъ подобное же поновленіе, сдѣланное изъ слова прѣ слово парѣ, о чемъ мы говорили уже выше.

И живаше съ сыномъ Святославоу, оучаше его крестити. Иже ни въ оуши принимаше; но аще кто хощеть крестити не възбранѣхъ. Ольга молаше Бога за сына по всѣ днѣ и ношѣ.

Этимъ въ высшей степени драгоценнымъ свидѣніемъ о Свято-славѣ оканчивается повѣствованіе современника о повѣздкѣ Великой Княгини Ольги въ Константинополь.

Таковъ этотъ разсказъ, въ которомъ, при правильномъ его чтеніи, по наиболѣе древнимъ редакціямъ не открывается ничего нелѣпаго, никакой басни. Въ немъ мы видимъ только, что позднѣйшіе передѣльватели первоначальнаго текста повѣствованія объ этомъ событіи, составленнаго, какъ это ясно по болѣе уцѣлѣвшимъ и менѣе искаженнымъ обрывкамъ, высоко-просвѣщеннымъ очевидцемъ событія, — никакъ не могли понять тѣхъ государственныхъ отношеній и разныхъ тонкостей придворнаго Византійскаго этикета, какія были вполне понятны только этому первому нашему Лѣтописателю.

Здѣсь невольно мы встрѣчаемся съ однимъ немалозначительнымъ вопросомъ: кто же могъ, однако, такъ сходно съ дѣйствительностію описать и оставить потомству въ первой нашей Лѣтописи важнѣйшія черты пребыванія Ольги въ Царѣградѣ, далеко выходяція изъ ряда обыкновенныхъ событій тогдашней, повседневной жизни Руси? Остатки отъ этой-то Первоначальной Лѣтописи, наиболѣе уцѣлѣвшіе подъ рукою перваго числополагателя нашего Лѣтописнаго Свода, преподобнаго Нестора втораго, внесшаго въ сокращеніи эту Лѣтопись, равно какъ и Лѣтопись преподобнаго Нестора перваго въ свой Лѣтописный Сводъ, и дошли до насъ, въ наименѣе искаженномъ видѣ, въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей, по списку Переяславля Суздальскаго. Эти остатки ясно указываютъ на древнѣйшую ихъ редакцію, а вмѣстѣ и на перваго нашего Лѣтописателя. Кто же былъ, однако, этотъ первый нашъ Лѣтописатель? Для обыкновеннаго духовнаго лица тогдашней нашей Руси, мало знакомаго съ законами Византійскаго придворнаго этикета, это дѣло было

совершенно непосильное: для такого описанія необходимъ былъ не только очевидецъ событія, не только христіанинъ, не только чело-вѣкъ ученый, но и чело-вѣкъ вполне просвѣщенный и близкій ко Двору, и, притомъ, никакъ не Грекъ, какъ это видно изъ остатковъ первой нашей Лѣтописи. Просвѣщенные Славяне тогдашняго времени всѣ были на перечесть, и состояли только изъ прямыхъ преемни-ковъ Св. Кирилла и Меѳодія, которые всѣ тогда были извѣстны. Быть Грекомъ, описатель сказаннаго событія, не могъ уже потому, что всѣ тогдашніе Греческіе писатели умышленно и неумышленно едва только упомянули, по примѣру самого Константина Багряно-роднаго, о причинѣ прибытія Ольги и о пребываніи ея въ Царь-градѣ. Притомъ же, въ этомъ разсказѣ, Ольга выставляется въ са-момъ благопріятномъ для нея свѣтѣ, не смотря на послѣдовавшую затѣмъ вскорѣ размолвку ея съ Царьградомъ.

Нтакъ, кто же былъ этотъ первый нашъ Лѣтописатель? Лѣто-писатель этотъ былъ *Григорій*, какъ свидѣтельствуемъ объ этомъ *Лѣтописецъ Русскихъ Царей*. Григорій этотъ, какъ ясно по нѣкото-рымъ выраженіямъ Лѣтописи, былъ современникомъ описываемыхъ событій и, притомъ, Болгариномъ. Григорій этотъ, какъ видно изъ той рукописи, въ которой сохранился *Лѣтописецъ Русскихъ Царей*, былъ именно мнихъ Пресвитеръ всѣхъ церковникъ Болгарскихъ церк-вей при Великомъ Болгарскомъ Царѣ Симеонѣ, и одинъ изъ знамени-тыхъ сотрудниковъ просвѣтительной дѣятельности этого Государя. Онъ былъ переводчикъ, какъ увидимъ ниже, одного знаменитаго Греческаго хронографа Іоанна Антиохійскаго, и, какъ извѣстно, исчезъ изъ Болгаріи, по кончинѣ Симеона. *Палѣс* Григорій, ближайшій совѣтникъ Ольги, судя по всѣмъ ея дѣйствіямъ, напо-минающимъ собою образъ дѣйствій Царя Симеона, не могъ быть также никто другой, кромѣ этого Григорія, потому онъ и былъ такъ необходимъ для Ольги, при поѣздкѣ ея въ Царьградъ и такъ нелюбъ былъ Грекамъ, какъ это видно по приему, оказанному при Византійскомъ дворѣ Григорію. Итакъ вотъ кто, какъ по всему ясно изъ сохранившагося у насъ, по счастью, одного изъ древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ, былъ первымъ, заложившимъ на Руси основы всей исторической нашей письменности, первымъ написавшимъ для насъ нашу Русскую Лѣтопись; кто былъ, притомъ, и духов-

нымъ совѣтникомъ Великой, Равноапостольной Княгини Ольги. Это—Григорій, Пресвитеръ Болгарскій, одинъ изъ числа преемниковъ первыхъ великихъ Славянскихъ седмичисленниковъ.

Но если дѣйствительно, какъ убѣждаютъ насъ въ этомъ, всѣ приведенныя нами обстоятельства, противъ чего мы не находимъ нигдѣ никакого документальнаго возраженія, этотъ первый Лѣтописатель нашъ былъ именно этотъ знаменитый Григорій Болгарскій, сотрудникъ по просвѣщенію Великаго Болгарскаго Царя Симеона, то ясно, какъ важно становится для насъ все записанное имъ самимъ, какъ современнымъ, просвѣщеннѣйшимъ очевидцемъ событій, о первыхъ основахъ нашей государственной и духовной жизни. По этому то мы и считаемъ необыкновенно важною древнѣйшую рукопись: *Лѣтописца Русскихъ Царей*, гдѣ наиболее уцѣлѣла Лѣтопись Григорія.

Еще въ 1836 году, вмѣстѣ съ изданной мною *Сѣвастопольской рукописью*, содержащей въ себѣ сокращенныя лѣтописи: *Кіевскія* и *Новгородскія*, я обращалъ вниманіе ученаго нашего міра на этотъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ нашей древности. Съ этой цѣлью, въ томъ же изданіи, я и напечаталъ первые листы этой Лѣтописи. Въ 1851 году я издалъ всю эту *Лѣтопись* и ожидалъ, что громадное значеніе ея въ области древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ произведетъ соответственное впечатлѣніе въ мірѣ исторической нашей науки. Съ своей стороны, указавши отчасти это значеніе «*Лѣтописца*,» я указывалъ, между прочимъ, особенно на то, что именно въ изданной мною рукописи открывается для насъ въ древнемъ Славянскомъ мірѣ новая высокая личность, новая просвѣтительная сила, стоявшая и дѣйствовавшая близко по духу съ великими первоучителями Славянъ, Кирилломъ и Меѳодіемъ. Труды этого древняго, великаго дѣятеля ясно сказываются въ этомъ изданіи. Сомнѣваться въ существованіи этой самой личности, какъ и чрезвычайно важныхъ трудовъ его въ нашей рукописи, при надлежащемъ вниманіи къ ней, для меня собственно кажется совершенно невозможнымъ. Я говорю о Григоріѣ пресвитерѣ мнихѣ и о его до сихъ поръ никѣмъ не замѣченной великой просвѣтительной дѣятельности и трудахъ у насъ на благо и пользу Русскаго народа, хотя онъ уже и извѣстенъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ продолжателей святаго дѣла Кирилла и

Меводія, въ золотой вѣкъ Болгаріи, какъ близкій сотрудникъ Великаго Болгарскаго Царя Симеона. На это имя, не менѣе дорогое для Славянъ, какъ и всѣ другія имена первыхъ Апостоловъ просвѣщенія въ Славянствѣ, я старался, сколько могъ, обратить подобающее вниманіе ученыхъ моихъ соотечественниковъ, равно какъ и на *Лѣтописецъ Русскихъ Царей*, гдѣ упоминается это дорогое для насъ имя. Недоумѣваю какъ, и до сихъ поръ еще, обнародованіе этого *Лѣтописца* не произвело вообще того впечатлѣнія на своихъ читателей, какого, по всему праву, оно могло бы ожидать отъ каждаго любителя исторической истины и нашего Славянскаго просвѣщенія.

Не могу однако же не выразить здѣсь душевной моей благодарности Д. В. Полюнову за его превосходное обозрѣніе этого поистинѣ драгоценнаго памятника и за сличеніе его съ Лаврентьевскимъ спискомъ. Но при этомъ мнѣ не можно пройти молчаніемъ одного не вполне точнаго замѣчанія Д. В. Полюнова. На стр. 74 онъ пишетъ: «Говоря о женолюбіи Владимира, Переяславскій Лѣтописецъ упоминаетъ о Григоріѣ мнихѣ: «Бѣ бо женолюбець, яко и Соломанъ. Рече бо книга Царская Григоріемъ мнихомъ о Соломанѣ, яко имѣ женъ семь сотъ».... (Лавр. стр. 34: «Бѣ бо женолюбець яко же и Соломанъ, бѣ бо, рече, у Соломана, женъ 700»). Объ этомъ Григоріѣ мнихѣ, который здѣсь вторично встрѣчается, (въ первый разъ при переводѣ Амартола) Князь Оболенскій (предисл. VI) пишетъ: Кромѣ того (т. е. что имя Григорія упоминается въ этой Лѣтописи два раза), въ одномъ изъ киноварныхъ заглавій недавно открытаго мною древне-Славянскаго перевода хроники Іоанна Малалы обозначено, что переводъ этотъ былъ сдѣланъ Григоріемъ пресвитеромъ мнихомъ, при Болгарскомъ князѣ Симеонѣ, т. е., въ X вѣкѣ. Изъ сличенія этихъ мѣстъ, съ большимъ вѣроятіемъ можно предполагать, что всѣ эти одноименные переводчики: и Григорій, переложившій Амартола, и Григорій мнихъ, переложившій книгу Царствъ, и Григорій пресвитеръ мнихъ, переложившій хронику Іоанна Малалы, должны быть признаны за одно лице. Съ своей стороны прибавимъ: если только Григорій, переложитель Амартола, не поставленъ въ Переяславскомъ Лѣтописцѣ ошибкою вмѣсто Георгія, т. е., самого Амартола. Во всѣхъ извѣстныхъ Лѣтописяхъ читаемъ: «Глаголетъ бо Георгій въ лѣтописаніи»; и только въ одномъ Переяславскомъ: «Григорій рече въ лѣтописаніи.»

а простить намъ достопочтенный ученый, написавшій прево-
сходное библиографическое обозрѣніе Русскихъ Лѣтописей, одно
скромное наше напоминовеніе ему, по поводу настоящей его замѣтки.
Въ 1795 г., при Императорской Академіи Наукъ, напечатана:
«Россійская Лѣтопись по списку Софейскому Великаго Новграда.»
Въ этой Лѣтописи помѣщенный Русскій Временникъ имѣеть заглавіе:
«Лѣтописецъ Русскій и Кіевскій.» Начинается онъ точно также,
какъ и нашъ Лѣтописецъ Русскихъ Царей, не космографією, а
съ Афетова колѣна, и въ немъ также, на стр. 7, явственно напечатано:
Глаголетъ бо Григорій въ лѣтописецѣ. Кроме того, по этому же слу-
чаю, мы не можемъ не указать еще на слѣдующее: историографъ
нашъ Василій Никитичъ Татищевъ, который имѣлъ въ рукахъ
раскольничій списокъ, доставленный къ нему въ 1721 г., писанный
на пергаментѣ, и въ которомъ Лѣтописный Сводъ кончался 1197
годомъ, говоритъ, что «въ этомъ списокѣ многихъ обстоятельствъ
не находилось, которыя въ другихъ спискахъ написаны, и про-
тиву тому онъ содержалъ обстоятельства такія, которыя въ про-
чихъ ни въ одномъ не написаны».¹ Съ этимъ древнимъ спискомъ
Лѣтописецъ Русскихъ Царей представляетъ самое близкое сходство.
Онъ заканчивается лишь 20 годами поздне того списка. Въ немъ
также, какъ и въ томъ списокѣ, мы встрѣчаемъ описаніе многого
такого, чего вовсе нѣтъ въ другихъ спискахъ, и, напротивъ,
очень во многомъ онъ кратко и просто передаетъ то, что въ
другихъ спискахъ распространено, переименовано, и дополнено
позднѣйшими прибавками. Въ этомъ-то драгоценномъ по древ-
ности, пергаментномъ, такъ называемомъ, раскольничьемъ списокѣ,
какъ свидѣтельствуєтъ Татищевъ, также упоминается не Георгій
историкъ, а именно Григорій.² Сверхъ того, объ этомъ также
имени, а не объ имени Георгія, дѣлаетъ разныя предположенія
Стрыковскій, который имѣлъ подъ руками изъ Русскихъ рукопи-
сей до 15 разныхъ Лѣтописцевъ. Изъ всего этого мы, безъ
сомнѣнія, вправѣ заключить, что во всѣхъ древнѣйшихъ редакціяхъ
Русскаго Временника стояло имя Григорія, замѣненное въ нѣкоторыхъ
спискахъ, уже поздне, именемъ Георгія. Въ новомъ изданіи Лѣто-

1. См. Истор. Рос. Татищева, кн. I, ч. I, стр. 61.

2. Тамъ же, кн. II, стр. 8, прим. 32.

писи, по списку монаха Лаврентія, только что начатомъ печатаніемъ, ученый редакторъ при словахъ: «Глаголетъ Георгій в лѣтописаньи», указалъ на вариантъ: георгій, находящійся въ Радзивиловскомъ спискѣ; этотъ вариантъ, который не иначе можетъ быть прочтенъ, какъ Григорій, былъ утаенъ прежнимъ редакторомъ Я. И. Беренниковымъ.

При совершенномъ безпристрастїи къ дѣлу, при строго-научномъ, не рутинномъ отношенїи къ историческимъ памятникамъ, какое отличаетъ у насъ многихъ людей науки, при современномъ состоянїи ея, чуждомъ древняго духа партїи, для насъ рѣшительно необъяснимо стараніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ какъ бы изгладить, по крайней возможности, изъ древнихъ нашихъ рукописей это дорогое для всѣхъ Славянъ имя, и тѣмъ умалить и даже вовсе уничтожить въ исторїи нашего просвѣщенїя великое значеніе Григоріа, пресвитера Болгарскаго. Мы собственно никакъ не можемъ понять, для какой именно причины, и по какимъ научнымъ и разумнымъ основанїямъ, дозвоительно скрывать это имя, не приводя его даже въ вариантахъ на своемъ мѣстѣ. Но такъ именно отнеслись къ этому дѣлу, при изданїи Софійскаго Временника П. М. Строевъ и, при изданїи Софійской первой Лѣтописи, Я. И. Беренниковъ. Что же такое выигриваетъ отъ подобной утайки дорогая истина отечественной нашей исторїи?

Хотя трудно вполне разгадать и положительно опредѣлить, когда и по какимъ именно причинамъ имя Григоріа, уцѣлѣвшее въ древнѣйшихъ Лѣтописныхъ спискахъ, замѣнено именемъ Георгіа въ Ипатьевскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ, въ Лаврентьевскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ, но, очевидно, это произошло никакъ не отъ описки, не отъ дурнаго чтенїя, а скрываетъ въ себѣ прямо какую-нибудь ученую продѣлку старинныхъ начетчиковъ и передѣльвателей древнихъ Временниковъ, не безпристрастныхъ къ какой-либо тогдашней партїи.

Вообще удивительная судьба въ области изслѣдованїя нашихъ древностей этого имени Григоріа, имени столь многознаменательнаго для всѣхъ видовъ нашей письменности! Кто знаетъ, можетъ быть, этому имени какъ бы суждено долговременнымъ забвенїемъ о немъ въ древніе дни отъ умышеннаго его затемненїя, — а въ новѣйшіе отъ неумышленной, быть можетъ, утайки его въ вариантахъ при изданїяхъ Лѣтописей, выстрадать въ будущемъ то громадное значеніе, какое по всему

праву, принадлежит ему въ исторіи нашего развитія, при строго научномъ отношеніи ея къ своимъ Лѣтописнымъ памятникамъ, при живомъ участіи къ ходу отечественнаго просвѣщенія. Такая же судьба постигла между нашими учеными и тотъ Лѣтописецъ Русскихъ Царей, въ которомъ ясно открывается это дорогое для Славянъ имя.

На Лѣтописецъ этотъ совершенно бездоказательно брошенъ какой-то сомнительный, неблагоприятный для него свѣтъ. Древность его заподозрена. То обстоятельство, что Печенѣги и Половцы названы въ немъ Татарами, обстоятельство, которымъ свидѣтельствуется, что онъ переписанъ именно между 1216 и 1219 годами, — это обстоятельство поставлено противъ его древности, безъ всякаго вниманія къ дѣлу. Хотя, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Лѣтописца Русскихъ Царей, по списку Переяславля Суздальскаго, вмѣсто Печенѣговъ и Половцевъ поставлено Татары, такъ что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о Печенѣгахъ и Половцахъ, переписчикъ безразлично пишетъ ихъ Печенѣгами и Татарами, Половцами и Татарами. Это показывае́тъ, что еще ранѣе общаго нашествія Татаръ на Россію т. е. до 1224 г. переписчику Лѣтописца Русскихъ Царей было извѣстно не только названіе Татаръ, но и то, что Печенѣги, Половцы и Татары принадлежали къ общему Тюркскому племени. Но спрашивается, могъ ли переписчикъ Лѣтописца имѣть такія свѣденія въ 1219 г.? Могъ ли знать о племенномъ единствѣ этихъ азіатскихъ выходцевъ? Современникъ, переписчика Лѣтописца Русскихъ Царей, Петръ Епископъ Галичскій, изгнанный Татарами изъ своей страны, послѣ погрома 1224 г. и прибывшій на Западъ искать помощи и утѣшенія, передалъ важныя и обстоятельныя свѣдѣнія о Татарахъ, записанныя Матвѣемъ Парижскимъ. Матвѣй въ своей Grande Chronique (t. VI, Paris 1840), сообщая эти свѣдѣнія подъ 1244 годомъ, приводитъ, между прочимъ, сказаніе Петра, что въ числѣ другихъ мѣстъ, подвергавшихся нападенію Татаръ, была опустошена и Россія, назадъ тому около 26 лѣтъ. По этому поводу Преосвященный Архіепископъ Филаретъ замѣчаетъ, что если Матвѣй слушалъ рассказъ Петра, въ 1244 г., подъ которымъ записалъ его, то первое нападеніе Татаръ на Россію, по свидѣтельству Петра, было около 1218 г., и это показаніе не многимъ разнится отъ другихъ извѣстій. (П. С. Р. Л. т. I, с. 163, на полѣ Ер. сп. 1218.) И такъ, полагая за достовѣрное, что Татары въ первый разъ сдѣла-

ли свое опустошительное нашествіе на Россію между 1216—1218 годами, мы должны признать, что въ эту пору Татары стали уже довольно извѣстны Русскому народу, и если Петръ Епископъ имѣлъ о нихъ такія свѣдѣнія, то могъ имѣть ихъ и переписчикъ Лѣтописца Русскихъ Царей. Къ этому времени относится краткій словарь Половецкаго языка, находящійся въ Макарьевскихъ Великихъ Четвухъ Минеяхъ, въ Августъ мѣсяцѣ.¹ Переписчикъ Лѣтописнаго Сборника, по списку Переяславля Суздальскаго, принимая съ одной стороны во вниманіе свѣдѣніе, записанное Несторомъ вторымъ подъ 1096 годомъ, что Торкмены, Печенѣги, Половцы, они же и Кумани одного и того же Тюрскаго поколѣнія,—съ другой показаніе Половецкаго словаря, что Половчане одно и то же, что Татары,—имѣлъ достаточное основаніе вмѣсто Печенѣговъ и Половцевъ ставить Татары. Имъ руководило, можетъ быть, желаніе показать свою начитанность и ученость. Анна Комнина свидѣтельствуетъ, что Печенѣги говорили однимъ языкомъ съ Половцами или Команами.²

Непонятно, какъ до сихъ поръ наши ученые не обратили должнаго вниманія на заглавіе, данное Григоріемъ своему Лѣтописцу, тогда какъ самое заглавіе: Лѣтописецъ Русскихъ Царей составляетъ обоюду важное историческое доказательство: съ одной стороны оно указываетъ на Лѣтописателя X вѣка, современника Игоря и Ольги,—съ другой, что этотъ Лѣтописатель X вѣка имѣлъ современное историческое основаніе озаглавить свое повѣствованіе: Лѣтописецъ Русскихъ Царей; онъ зналъ положительно, что прибывшіе къ намъ Руссы: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были *Кюноунги*, а слово *Koning* въ X вѣкѣ, на Славянскомъ языкѣ не иначе было возможно выразить съ точностію, какъ чрезъ слово *Царь* (rex).

Кремонскій Епископъ Лиутпрандъ, бывшій два`раза посланникомъ въ Константинополь отъ Марграфа Беренгара въ 946 и Императора Оттона въ 968 году, говоритъ, повѣствуя объ Игоревомъ походѣ: *Hujus denique gentis rex Inger vocabulo erat, qui collectis mille et eo amplius navibus Constantinopolim venit etc.*³. Г. Капфигъ

1. См. приложение IV.

2. (Memor. popul. III, 908)

3. См. *Historia et legatio ad Nicephorum Phocam Imp. lib. V, cap. 6*, въ *Муратор. rerum Italic. script. tom II, p. 1.* (Миланъ 1723) fol. pag. 463.

свидѣтельствуеть, что сѣверные народы обыкновенно придавали своимъ военнымъ предводителямъ эпитетъ, который можетъ быть переведенъ на Латинскій языкъ съ точностію только словомъ *rex*.¹ Мы видѣли выше, что современникъ В. К. Ольги Епископъ Лиутпрандъ называетъ супруга ея царемъ Игоремъ; естественно, что другой современникъ В. К. Ольги, Григорій, Пресвитеръ Болгарскій имѣлъ полное право, да даже и не могъ иначе озаглавить свой лѣтописный трудъ, какъ *Лѣтописецъ Русскихъ Царей*.

Учеными не замѣчено также, что съ первыхъ словъ *Лѣтописи* Григорій ставитъ Русь и событія Русской исторіи въ параллель съ Греческой исторіей и Болгаріей и съ событіями обѣихъ этихъ державъ. О началѣ Руси онъ говоритъ: *Нача Шиханаз царствовати въ Цариградѣ, нача царствовати Русская земля; о призваніи Руси изъ Русской земли: изгнаша Словене Барггъ за море и начаша бѣгти безъ власти, и бысть въ нихъ воинъ и зловѣстаніе ршдъ на ршдъ, и паки смѣришеса рѣша в советѣ: поищемъ советъ властела и поставимъ надъ собою царствовати; объ Олегѣ выражается, что онъ царствовалъ въ Кіевѣ. Объ Игорѣ, мы убѣждены, что въ подлинномъ Григоріевомъ *Лѣтописцѣ* подъ 913 годомъ было написано: *Нача царствовати Игорь по Волхѣ, а въ Цариградѣ Константинъ сынъ Лешновъ. Здѣсь слово царствовати въ его Лѣтописцѣ относилось какъ къ Игорю, такъ и къ Константину. Поставленное же преподобнымъ Несторомъ первымъ вмѣсто царствовати слово княжиши можетъ относиться только къ Игорю. Объ Ольгѣ: Игоревнѣ възрашшию и хождаше по Волхѣ и всю волю ея творя. Приведоша емѣ женоу штъ Плескова именемъ Волгү шстрооумноу и корень и шнованіе вѣрѣ христіанстей и намъ вождь. Одно это мѣсто, прямо указывающее на современника В. К. Ольги, составляетъ нецѣненную драгоценность, оно характеризуетъ какъ Ольгу, такъ и Григорія. Можно вообразить себѣ, что происходило въ душѣ Григорія при начертаніи имени города Плескова; ему припоминалась и далекая родина его Болгарія и Великій Царь, благодѣтель его, Симеонъ. Григорій не могъ не волноваться, вспоминая, что на**

1. См. Исслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи М. П. Погодина, т. III, стр. 31, гдѣ приведено замѣчаніе Г. Капфига изъ книги его: *Essai sur les invasions maritimes des Normands dans les Gaules*. Paris, p. 366—367.

сѣверъ отъ Прѣславы лежитъ въ Болгаріи также городъ Плесковъ,¹ что близъ этого города находится такъ называемый Симеоновъ холмъ, называвшійся также, единоземцами его, Скидскою Дѣлою.

Не удостоено также вниманія даже и то, что Лѣтописецъ Русскихъ Царей даетъ намъ формы древняго языка изъ первоначальной Лѣтописи, большею частію въ полнѣйшемъ, первообразномъ, неискаженномъ видѣ, и что въ этомъ памятникѣ сохранилось множество такихъ чтеній и такихъ вообще данныхъ, посредствомъ которыхъ и можно, и должно возстановить основной текстъ древняго Свода нашихъ лѣтописныхъ сказаній, очистивъ его отъ всякихъ позднѣйшихъ прибавокъ и искаженій, какъ это мыг указали и укажемъ въ послѣдствіи.

И все это невниманіе къ этой Лѣтописи продолжается даже еще и теперь, даже еще и въ то самое время, когда особенно сильно стала уже сказываться у насъ необходимая потребность въ отысканіи и твердомъ установленіи этого основнаго текста нашихъ Лѣтописей, безъ котораго не представляется никакой возможности ни дойти до правильнаго чтенія нашихъ рукописей, ни проникнуть въ настоящій историческій смыслъ изображаемыхъ ими событій.

Прошло уже 35 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ явился первоначально въ печати Лѣтописецъ Русскихъ Царей, съ этимъ подлиннымъ, дѣйствительно древнимъ своимъ названіемъ, и никто не обратилъ прямаго, безпристрастнаго вниманія даже на самое это, совершенно необычное по времени, заглавіе этой Лѣтописи. Въмѣсто всякаго строгаго разбора дѣла, на это заглавіе просто брошена была только тѣнь сомнѣнія, а отсюда оставлена въ подозрѣніи, чрезвычайно легко, и самая Лѣтопись, какъ будто дѣло шло по рутинѣ привычнаго стараго нашего судопроизводства, гдѣ часто находили не совсѣмъ выгоднымъ доискиваться съ трудомъ до истины, а считали гораздо удобнѣе для себя легкое и обычное тогда рѣшеніе: оставить въ подозрѣніи. Конечно, все это уже никакъ не мыслимо въ области современной нашей науки. Но не то было бы совершенно, а именно

1. Городъ Плесковъ, построенный, по свидѣтельству Кодица (in Orig. С. Р.), Константиномъ великимъ въ Болгаріи, лежалъ на сѣверъ отъ Прѣславы, нынѣ Ески—Стамбуль. (Шафар. т. II, кн. 1, стр. 360).

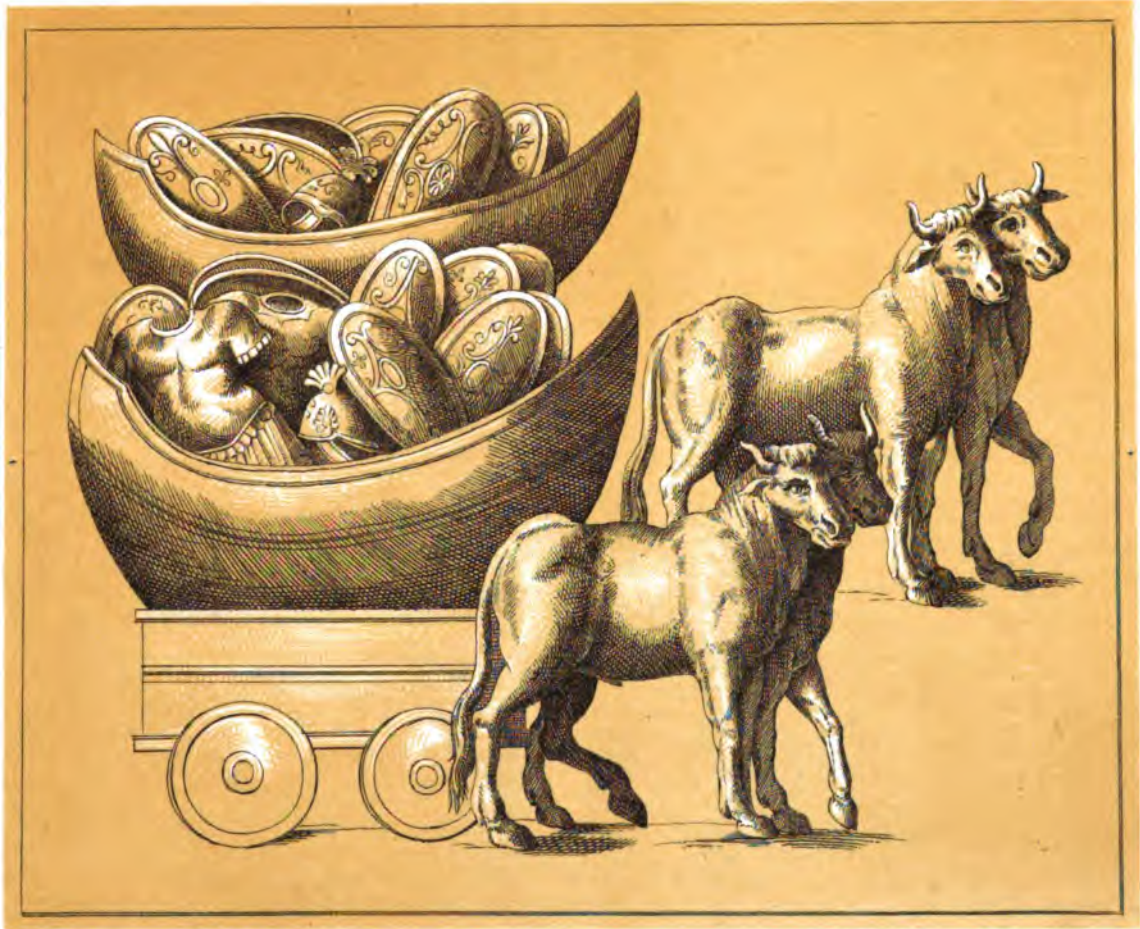
совершенно обратное рѣшеніе неизбѣжно послѣдовало бы при болѣе внимательномъ и строго законномъ обращеніи съ этимъ важнымъ историческимъ вопросомъ. Доказательства существуютъ на лицо.

Такое равнодушное, чисто съ предвзятыми понятіями, отношеніе къ дѣлу, въ тѣ былыя времена, возбудило во мнѣ желаніе издать уже всю, въ полномъ составѣ, до сихъ поръ мало извѣстную рукопись, въ которой заключается этотъ «Лѣтописецъ Русскихъ Царей». Къ изданію этому, я надѣюсь, приступить въ непродолжительномъ времени, если не встрѣчу къ тому препятствій,— въ рукописи много апокрифическихъ статей. Между тѣмъ, среди приготовительныхъ работъ, по поводу этого предположеннаго мною изданія, я приходилъ постепенно ко многимъ совершенно новымъ, неожиданнымъ для меня самого, выводамъ, которые я и намѣренъ предложить, въ полномъ ихъ объемѣ и связи въ моемъ введеніи къ этому изданію. Но какъ и Археографическая Коммисія готовитъ также новое изданіе первыхъ томовъ Русскихъ Лѣтописей, то не откладывая обнародываніе тѣхъ результатовъ, къ какимъ прямо привели меня мои историческія соображенія по пути новыхъ, представившихся мнѣ, лѣтописныхъ данныхъ, и желая подѣлиться ими съ тѣми моими соотечественниками, для которыхъ особенно дорога родная древность, я рѣшаюсь здѣсь представить теперь же краткій обзоръ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ этомъ, по возможности, сжатомъ очеркѣ.

Но быть можетъ, всѣ эти выводы, или хотя нѣкоторые изъ нихъ, для всѣхъ, еще мало знакомыхъ съ рукописью, приготовляемою нами къ изданію, покажутся, по новости своей, и отъ непривычки къ нимъ, не вполне удовлетворительными, быть можетъ, даже они встрѣтятъ такое поголовное возстаніе противъ себя, гдѣ устремятся всѣ на нихъ, отъ мала до велика. Все это очень возможно и даже вполне вѣроятно... Но при полномъ убѣжденіи въ совершенной вѣрности фактамъ и всѣмъ законамъ прямой дѣйствительности всѣхъ этихъ выводовъ,—я убѣжденъ также, что истина ихъ, какъ зерно, брошенное на добрую почву неустаннаго, научнаго, развитія историческихъ изслѣдованій въ нашемъ отечествѣ, дастъ наконецъ свой плодъ. По крайней мѣрѣ, я не смѣю, по совѣсти, не высказать смѣло и прямо задушевнаго моего убѣжденія.

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX
TILDEN FOUNDATIONS

III p IIb.

THE
PUBLIC LIFE
ASTOR LENOX
TILDEN FOUNDATION

НАЛУЧИЕ.

TEL
FUND MEDICAL
FUND MEDICAL

ΤΟΥΛΟ.

APR 19 1917
U.S. DEPT. OF JUSTICE
RECORDS SECTION

стъвовама пперию лѣта. д. асѣ
 нѣ лѣтѣ. а сѣ асіліе мѣ лѣтѣ. и мѣ
 ѣ. и асіліе же кѣ македонани мѣ
 родѣ. и трайдрица. лѣтѣ. и три
 и константинополь гра. кѣ вѣрѣ и вѣ
 злѣ вѣ црѣ вѣ стѣта годѣ мѣ мѣ
 бѣтѣ и мѣ кѣ и глѣ. и николий менемъ
 прогласи. вѣ стѣта вѣ вѣ де црѣ
 в молниѣ вѣ мѣ црѣ. и сѣ. г. бѣ. пакы
 жѣ и црѣ вѣ мѣ бѣ. пакы и и црѣ вѣ
 мѣ асѣ. и глѣ сѣ оу бѣ сѣ стѣ бѣ мѣ асілі д
 црѣ мѣ ханлѣ. в асіліи црѣ вѣ вѣ
 с мѣ ханлѣ мѣ бѣ глѣ и мѣ а. а бѣ
 лѣ. ж. и глѣ де же нѣ аловѣ. и сѣ лѣ
 прѣ вѣ сѣ и глѣ де црѣ рогѣ мѣ за по
 дѣ стѣ. и сѣ кондѣ стѣ прѣ глѣ хѣ вѣ. бѣ глѣ
 шѣ нарѣ оу бѣ нѣ оу. е днѣ мѣ жѣ сѣ прѣ глѣ
 глѣ оу стѣ прѣ кѣ вѣ кѣ мѣ црѣ дѣ зѣ вѣ нѣ.
 и пакы оу стѣ вѣ рѣ а дѣ вѣ нѣ хѣ глѣ вѣ
 падѣ тѣ. и оу мѣ рѣ. по оу мѣ рѣ вѣ и
 жѣ сѣ то. лѣ вѣ глѣ црѣ тѣ вѣ а. лѣтѣ. и
 мѣ а. и. хѣ рѣ лѣ и мѣ црѣ. а лѣ ксѣ
 прѣ хѣ рѣ а тѣ хѣ сѣ мѣ оу црѣ вѣ сѣ то прѣ
 дѣ стѣ а дѣ вѣ сѣ а прѣ жѣ сѣ црѣ тѣ вѣ а
 лѣ тѣ глѣ. и дѣ нѣ и сѣ. сѣ констѣ пѣ тѣ и мѣ
 лѣ оу вѣ мѣ вѣ сѣ мѣ оу тѣ. а лѣ ксѣ а прѣ жѣ
 црѣ тѣ вѣ а сѣ констѣ пѣ тѣ и мѣ глѣ сѣ мѣ
 пѣ рѣ и оу лѣтѣ. ж. сѣ констѣ пѣ тѣ и мѣ
 и тѣ нѣ чѣ а црѣ тѣ вѣ оу рѣ оу мѣ а дѣ и сѣ
 рѣ жѣ мѣ оу бѣ глѣ.

ЛѢПИСЕЧЬСКИХЪ ЧРЪИ. сп

Сіе колѣно іу племені афетова на
 рица е мѣ порици. сѣ и рѣ сѣ лѣ оу вѣ нѣ. іо
 мнѣ оу бѣ жѣ вѣ рѣ мѣ нѣ хѣ б. сѣ вѣ лѣ сѣ глѣ
 сѣ лѣ оу вѣ нѣ подѣ хѣ на вѣ и глѣ вѣ нѣ оу глѣ
 рѣ кѣ а зѣ мѣ лѣ. и болгарьскѣ а. и мѣ пѣ хѣ
 рѣ зѣ нѣ до шѣ сѣ іо зѣ мѣ лѣ. и прозѣ шѣ а
 и мѣ нѣ вѣ сѣ вѣ оу мѣ и глѣ дѣ сѣ вѣ шѣ. и прѣ и шѣ
 шѣ сѣ вѣ до шѣ нарѣ вѣ црѣ нарѣ ица е мѣ морѣ вѣ.

и прозѣ шѣ а морѣ вѣ. а дѣ рѣ хѣ іо чѣ хѣ оу вѣ.
 а сѣ тѣ и мѣ сѣ лѣ оу вѣ нѣ. хѣ оу вѣ а тѣ и. вѣ бѣ лѣ и
 сѣ вѣ рѣ и. и хѣ оу бѣ тѣ а нѣ. вѣ оу хѣ оу мѣ бѣ оу а шѣ
 шѣ іо сѣ лѣ оу вѣ нѣ. на дѣ хѣ а нѣ сѣ кѣ вѣ а. и бѣ шѣ и
 вѣ и и нѣ а сѣ іо бѣ оу чѣ и вѣ и. сѣ лѣ вѣ нѣ жѣ и
 и іо кѣ рѣ оу бѣ сѣ шѣ сѣ до шѣ а нѣ вѣ нѣ сѣ лѣ. и про
 зѣ а шѣ а лѣ хѣ оу вѣ. по то мѣ сѣ прозѣ а
 шѣ а сѣ полѣ нѣ. а рѣ хѣ іо жѣ лѣ оу тѣ и чѣ.
 и іо іо мѣ а оу вѣ шѣ а нѣ. и іо іо по морѣ лѣ.
 тѣ а ко жѣ мѣ сѣ тѣ а нѣ сѣ лѣ оу вѣ нѣ. сѣ а хѣ
 на дѣ прѣ и шѣ сѣ вѣ до шѣ а по дѣ мѣ бѣ прѣ хѣ.
 и нарѣ ко шѣ а дѣ рѣ вѣ лѣ нѣ по лѣ цѣ и глѣ за
 нѣ бѣ сѣ вѣ до шѣ а вѣ лѣ сѣ вѣ хѣ. а дѣ рѣ хѣ іо сѣ вѣ до
 шѣ а мѣ жѣ и. тѣ рѣ нѣ тѣ іо іо дѣ вѣ и поу. и
 нарѣ вѣ ко шѣ а по лѣ чѣ а нѣ. рѣ вѣ тѣ кѣ іо рѣ а по лѣ
 тѣ и іо дѣ вѣ глѣ дѣ и нѣ хѣ. и іо іо іо сѣ лѣ оу вѣ нѣ
 сѣ вѣ до шѣ а іо кѣ оу лѣ сѣ зѣ рѣ. и мѣ рѣ лѣ. и іо рѣ оу вѣ
 шѣ а по вѣ оу глѣ а цѣ и. а дѣ рѣ хѣ іо сѣ вѣ до шѣ а по
 дѣ сѣ нѣ. и сѣ мѣ и. и по сѣ хѣ лѣ. и нарѣ чѣ оу сѣ
 сѣ вѣ вѣ рѣ. и пакы оу рѣ хѣ іо сѣ а сѣ лѣ оу вѣ нѣ кѣ
 и іо хѣ мѣ сѣ. и оу оу и глѣ а мѣ оу тѣ а дѣ сѣ а глѣ хѣ
 іо оу сѣ лѣ oу вѣ nѣ o. жѣ нѣ хѣ шѣ мѣ жѣ тѣ oу rѣ a мѣ
 сѣ мѣ tѣ. и бѣ вѣ поу и глѣ вѣ а рѣ глѣ вѣ глѣ тѣ rѣ kѣ i.
 и глѣ tѣ rѣ kѣ i по нѣ bѣ tѣ rѣ xѣ. и вѣ rѣ xѣ вѣ gѣ oу вѣ oу
 до лѣ vѣ oу tѣ nѣ. и вѣ nѣ i tѣ vѣ a nѣ mѣ rѣ vѣ. и глѣ
 рѣ vѣ lѣ nѣ kѣ oу dѣ нѣ gѣ oу жѣ tѣ tѣ eчѣ tѣ vѣ lѣ xѣ o.
 и вѣ nѣ dѣ kѣ vѣ tѣ шѣ rѣ o. nѣ vѣ o. и глѣ oу oу zѣ rѣ lѣ
 и dѣ oу e tѣ i e oу mѣ rѣ e vѣ a rѣ lѣ vѣ sѣ kѣ oу e. и глѣ oу
 mѣ oу mѣ rѣ oу vѣ nѣ nѣ tѣ i dѣ oу rѣ i mѣ lѣ. и gѣ rѣ i mѣ lѣ.
 tѣ rѣ i tѣ i sѣ tѣ vѣ rѣ gѣ oу gлѣ a dѣ xѣ. и іо црѣ tѣ rѣ a
 vѣ gлѣ tѣ oу nѣ tѣ vѣ. и іо іо dѣ tѣ vѣ dѣ nѣ i pѣ vѣ. по
 tѣ eчѣ oу i gлѣ vѣ oу kѣ oу sѣ vѣ sѣ kѣ a gѣ oу lѣ sѣ a. и dѣ nѣ
 tѣ lѣ a nѣ e a dѣ vѣ nѣ a nѣ sѣ tѣ oу gѣ oу жѣ lѣ bѣ sѣ a i nѣ dѣ
 nѣ a nѣ lѣ vѣ oу nѣ i. вѣ mѣ rѣ e vѣ a rѣ lѣ vѣ sѣ kѣ oу i
 vѣ tѣ eчѣ. oу gѣ oу жѣ rѣ e lѣ gѣ. вѣ mѣ rѣ e xѣ vѣ a lѣ i sѣ oу e.
 tѣ eчѣ mѣ жѣ i gлѣ xѣ nѣ lѣ vѣ vѣ gлѣ bѣ oу lѣ gѣ a rѣ y nѣ xѣ vѣ
 lѣ nѣ vѣ. и nѣ a vѣ tѣ oу i sѣ a. dѣ oу nѣ i tѣ mѣ rѣ e bѣ nѣ i.
 sѣ i mѣ oу vѣ gлѣ. a tѣ oу dѣ vѣ nѣ i tѣ vѣ gлѣ a rѣ gлѣ. и
 zѣ vѣ a rѣ gлѣ i dѣ oу rѣ i mѣ lѣ. и gлѣ rѣ i mѣ a nѣ dѣ oу gлѣ e
 nѣ i xѣ a mѣ oу vѣ. a dѣ nѣ tѣ rѣ vѣ nѣ dѣ tѣ. gлѣ жѣ rѣ e vѣ.

/сѣ oу жѣ lѣ vѣ a lѣ i
 nѣ a vѣ tѣ oу i sѣ a.

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM OF
ART AND
ARCHITECTURE
CORNELL UNIVERSITY
Ithaca, N.Y.